С. Глуховский

КОГДА ВЫРАСТАЛИ КРЫЛЬЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Старые большевики и ветераны авиации предложили написать книгу о Баранове. Автор приносит им сердечную признательность за ценные воспоминания о своем соратнике и друге. Они использованы наряду с архивными материалами, письмами и дневниками самого Петра Ионовича. Военный историк, если он еще и специалист в области авиации, создаст куда более полную и обстоятельную биографию П. И. Баранова. Для этой книги автор привлекал те события и факты, в которых проявлялся характер П. И. Баранова, те приметы незабываемого времени, когда у Страны Советов вырастали крылья.

•

Когда вырастали крылья
БАРАНОВ
6.9 1892 - 5.9 1933
Часть первая. Вихри враждебные
2
3
4
5
6
7
8
9
Далеко от Петрограда
2
3
4
5
Коммунисты
2
3
4
5
6
7
8
Часть вторая. В муках и радостях
2
3

4
5
6
7
8
9
Клич миллионов
2
3
4
5
6
Люди и машины
2
3
4
Часть третья. Не забывай зарю
За океаном
2
3
4
5
6
Мы Родине служим
2
3
Потомки нас рассудят
2
3
Все выше и выше!
2
3
4
5
1892-1933 [154]
6
Примечания

Глуховский С.

Когда вырастали крылья

От автора

Он был революционером-подпольщиком, солдатом и командармом, комиссаром и строителем.

Он входил еще в тот состав Реввоенсовета Республики, который возглавил Михаил Васильевич Фрунзе. Семь лет командовал он Военно-воздушными силами Красной Армии, а потом как заместитель наркомтяжпрома Григория Константиновича Орджоникидзе руководил авиационной промышленностью.

Авиационная катастрофа оборвала его жизнь.

Там, где, по образному выражению Г. М. Кржижановского, один за другим располагаются у Мавзолея Ленина верные красные маршалы, за могилой Фрунзе, на черном квадрате гранитной плиты, замурованной в Кремлевской стене, начертано имя:

БАРАНОВ

Петр Ионович
6.9 1892 - 5.9 1933

Его уже давно нет среди нас…

Старые большевики и ветераны авиации предложили написать книгу о Баранове. Автор приносит им сердечную признательность за ценные воспоминания о своем соратнике и друге. Они использованы наряду с архивными материалами, письмами и дневниками самого Петра Ионовича.

Военный историк, если он еще и специалист в области авиации, создаст куда более полную и обстоятельную биографию П. И. Баранова. Для этой книги автор привлекал те события и факты, в которых проявлялся характер [4] П. И. Баранова, те приметы незабываемого времени, когда у Страны Советов вырастали крылья. В книге немало сведений из истории советской авиации, но ее основное содержание - рассказ о коммунисте, о суровой и завидной судьбе воина и гражданина.

Многие литераторы в канун пятидесятилетия Октября и столетия со дня рождения В. И. Ленина обратились к биографическому жанру, посвящая документальные очерки, рассказы и повести тем, кто составляет гордость и честь ленинской гвардии большевиков. «Биографии героев-большевиков красочны и поучительны для последующих поколений, - писал Матэ Залка, - поэтому их надо бережно собирать по кусочкам, по осколочкам, чтобы тот мастер, который придет за нами, по нашим пятам, смог бы составить вечную

мозаику в храме наших славных боевых времен». Я долго работал над этой небольшой книгой в надежде, что и она сможет понадобиться будущему мастеру как «осколочек» в «вечной мозаике».

Сорок лет назад Маяковский закончил поэму «Летающий пролетарий». Сорок лет назад поэт вдохновенно мечтал, «чтоб в будущем веке жизнь человечья ракетой неслась в небеса». И если такое свершилось в середине нашего века, то немалая заслуга в этой победе принадлежит впередсмотрящим. На заре Октября видели они сияющее в зените солнце… [5]

Часть первая. Вихри враждебные

Обыкновенная фамилия

1

Генерал- майор Рыковский, начальник Харьковского жандармского управления, откинулся на спинку кресла и, насупившись, ждал, пока секретарь отыщет в шкафу тонкую синюю папку с пометкой на обложке: «К делу Харьковской организации РСДРП».

- Она! Извольте…

Генерал раскрыл папку, долго сверлил взглядом приклеенную к первому листу «Дела» фотографию, щелкнул ногтем по столу:

- Болван, форменный болван! Согласны?

Секретарь привык к неожиданным вопросам генерала и знал, как вести себя соответственно настроению начальника. Теперь надо посочувствовать генералу в его гневе и в то же время возразить ему, но возразить невинно, даже приятно, чтобы только поддержать начатый разговор:

- Как можно не согласиться с вашим сиятельством? А между тем разрешите заметить, изображенный на сей фотографии арестант - пройдоха, каких мало. Болван, а как затуманил мозги следователю?

Генерал поморщился:

- Я не о фотографии… Я о следователе сказал, что он болван. [6]

- Точно! - не растерялся секретарь и уже с наигранным возмущением воскликнул: - Подумаешь, какого инкогнито следователь нашел! Граф Монте-Кристо из Рязани!

- Будет вам, читайте.

Секретарь выхватил из нагрудного кармашка пенсне, развел золотую дужку и, оседлав переносицу, стал однотонно читать:

- «Одна тысяча девятьсот шестнадцатого года, января восьмого числа, согласно Положению о государственной охране, а также с целью установления личности и ее политической благонадежности арестован крестьянин деревни Совково, Юрьевецкого уезда, Костромской губернии, Тихомиров Александр Егорович, двадцати одного года…»

- Хватит, начинайте с допроса.

- Слушаюсь! - Секретарь быстро перелистал несколько страниц: - «При допросе вышеозначенный Тихомиров признался, что по очередному призыву новобранцев зачислен в ратники второго разряда, но затем от воинской службы освобожден по причине болезни, что документом, однако, не подтверждено. Прибыл в Харьков, имея намерение устроиться на работу конторщиком. Определился на постой по Оренбургской улице в доме мещанина…»

- О господи! Да не то читаете!

Близоруко щурясь, генерал сам склонился над синей папкой. Сначала что-то бормотал, но его мучила одышка, и он устало отвалился на спинку кресла.

- Найдите улики. Улики! Его обыскали и нашли… Что они нашли?

Секретарь наконец догадался, чем интересуется генерал:

- Извольте! - Он перелистал еще несколько страниц. - «При обыске у Тихомирова обнаружены: а) запрещенная цензурой политическая брошюра на русском языке, заграничного издания; б) деньги в сумме двадцати трех рублей и сорок две копейки серебром, медью; в) безадресная открытка, женской рукой написанная. В открытке некая особа, именуемая Беллой, обращается к неизвестному Пете…»

- Какого черта - неизвестный! - генерал стукнул кулаком по столу. - «Некая особа»… Наружу выпирала ниточка, только потяни ее как следует. А наш лопух пошел плутать по лабиринту, куда его завел этот Петербургский [7] хлюст. Да таких куропаток силком ловят… Распорядитесь, чтобы арестованного доставили ко мне.

- Слушаюсь.

- И следователя вызовите. Экий идиот, олух царя небесного!

Секретарь быстро покинул кабинет.

* * *

У генерал-майора Рыковского были все основания метать громы и молнии. Он долго ждал случая отличиться перед департаментом, встревоженным революционными событиями в Харькове. Наконец такой случай представился. Разгром местного комитета РСДРП генерал считал своей личной заслугой. Он действовал по законам военного времени. Выследив комитетчиков, тотчас же арестовал их и добился высылки в Сибирь. Осталось только подписать рапорт о ликвидации революционного подполья, и «Дело Харьковской организации РСДРП» можно сдать в архив.

Нежданно- негаданно к «Делу» приобщилась эта новая синяя папка. Началась канительная переписка с различными жандармериями и градоначальниками. Пойманным в Харькове бездомным бродягой заинтересовался вдруг Особый отдел при его превосходительстве санкт-петербургском градоначальнике, и вместо ожидаемой благодарности генерал-майор Рыковский получил из Петербурга строгое замечание.

2

Его арестовали поздно вечером. Он завернул во двор особняка на тихой Оренбургской улице и, когда оттуда выводили арестованных комитетчиков, был схвачен жандармами.

На первом допросе он назвался Александром Тихомировым. Предъявил паспорт. С подкупающей простотой рассказал жандармскому вахмистру, как приехал утром в Харьков. Никого он здесь не знает. Целый день искал работу, а потом пошел в трактир. Хмельного в рот не брал. Тихо, мирно возвращался на постой. По обычной нужде [8] юркнул в первую открытую калитку, и тут на него напали, руки скрутили. Он ничего не украл, никого не обидел.

В жандармском околотке было немало агентов. Никем из них задержанный не был ранее замечен. Арестованные комитетчики в один голос заявили, что видят Тихомирова впервые. Вахмистр хотел отпустить задержанного и на всякий случай приказал обыскать его. У Тихомирова нашли брошюрку и почтовую открытку. Какая-то Белла выражала неизвестному Пете свои нежные чувства и заодно сообщала, кто из ее родственников болен и кто собирается в дальнюю дорогу.

- Не мое это, господин вахмистр, - Тихомиров растерянно развел руками. - Не мое… Утром московским поездом приехал. Если поезд еще на путях, спросите проводника - всю ночь лежал на верхней полке. А в соседнем купе господа интеллигентные ехали. Спорили, книжечки какие-то читали. Должно быть, по ошибке кто-нибудь и сунул книжечку в карман моего пальто. А

может, с умыслом?

- Разберемся, - мрачно буркнул вахмистр и приказал отправить задержанного в камеру предварительного заключения.

В разные концы полетели запросы.

Из жандармерий сообщали, что фотография арестованного в Харькове Тихомирова, присланная для опознания, им незнакома. Долго ждали известий от костромской жандармерии и градоначальника Москвы. Наконец пришли ответы. Тихомиров Александр Егорович происходит из крестьян деревни Совково. В Москве обучен конторскому делу. Состоял членом московского рабочего клуба «Образование», привлекался к суду за тайное хранение запрещенной литературы, после чего выслан в Тверь.

И опять пришлось отправлять запрос.

Тверская жандармерия уведомила харьковскую, что А. Е. Тихомиров за несколько дней до нового года поселился в гостинице, но внезапно исчез. Выдали Тихомирову в Твери дубликат паспорта, так как старый, по заявлению владельца, был украден в Москве во время купания. И еще прислали в Харьков фотографию Тихомирова.

При полном совпадении двух биографий тверской Тихомиров был совершенно не похож на однофамильца, задержанного в Харькове. [9]

* * *

Теперь следователь уже не допрашивал, а убеждал арестованного:

- Паспорт, парень, ты украл. Хозяина паспорта мы разыскали. Значит, ты с чужим паспортом пошел бродяжить по Руси, дабы уклониться от воинской повинности. Признавайся, парень, и дело с концом.

Арестованный не соглашался, но и не очень упорствовал:

- Пишите что хотите. Ваша сила…

Следователь заканчивал дознание, когда в Харьков прибыл особоуполномоченный из департамента полиции. Он сам допрашивал арестованного, проявив необычайный интерес к открытке Беллы. А через неделю после его отъезда столичное начальство заставило начальника Харьковского жандармского управления проглотить горчайшую пилюлю. Полковник фон Коттен из отделения по охранению государственной безопасности и порядка в Санкт-Петербурге сообщал в особо секретном письме генерал-майору Рыковскому:

«Вами задержанный и Вами же именуемый Тихомиров А. Е.

является опасным государственным преступником. Его настоящее имя Петр Ионович Баранов. Он родился в 1892 году в селе Крутой Верх, Зарайского уезда, Рязанской губернии. Конторщик по профессии. До ухода в подполье работал в петербургской конторе по продаже металлов «Продамет». С 1912 года - член большевистской группы Василеостровского комитета РСДРП.

В августе 1913 года Баранов был арестован. Как лицо вредное для общественной безопасности и порядка, он был выслан из столицы с запретом проживать в двадцати семи городах центральной части России, включая Харьков. Тайно вернулся в Петербург, где проживал нелегально. Осенью 1915 года, уже будучи солдатом 94-го Казанского пехотного полка, дезертировал по указанию партийного центра, имея специальное задание этого центра установить конспиративную связь между некоторыми комитетами РСДРП и их агентами в армии. Полагаем, что появление Баранова в Харькове связано с этим заданием. Провалы некоторых наших агентов в городах, где дислоцированы воинские части, связаны, как это теперь установлено, с поездками Баранова по определенному маршруту. [10]

Вашему Управлению надлежит подготовить исчерпывающий материал для передачи Баранова П. И. военно-полевому суду.

Предупреждая Вас о необходимости более квалифицированного ведения следствия, сообщаем точные сведения о прошлой революционной и подпольной деятельности П. И. Баранова…»

3

Так синяя папка была временно изъята из «Дела Харьковской организации РСДРП» и опять оказалась в руках начальника жандармского управления. Снова генерал-майор Рыковский вернулся к первой странице в синей папке, где в верхнем правом углу была приклеена фотография арестованного. И опять, уже через лупу, рассматривал эту фотографию, стараясь представить в натуре облик человека, которого сейчас к нему приведут.

Худое, продолговатое лицо, прямой с едва заметной горбинкой нос, плотно сжатые губы. Над невысоким лбом светлая полоска четко разделяет густые, гладко причесанные волосы. Генерал усмехнулся: «Экий хлыщ! Типичный по обличью конторщик». А не ошибается ли полковник фон Коттен? Неужели это тот Баранов, которым так интересуется петербургский градоначальник? Неужели этот юнец руководил забастовкой, писал и печатал прокламации, устраивал тайные явки своих единомышленников?

Однажды на такую явку шпик привел жандармов, и Баранов

принял на себя удар. Оказав сопротивление, он дал возможность своим товарищам разбежаться всем, кроме одной девушки. Генерал Рыковский был теперь убежден, что расшифрует открытку Беллы Беркович к Пете Баранову.

Многое знает теперь начальник харьковской жандармерии. Знает даже, где метина от пули, которой Баранов был ранен на демонстрации рабочих Выборгского района. А было ему тогда восемнадцать лет. Из молодых, да ранний! Любопытно, как сейчас поведет себя этот уже не таинственный двойник? Будет лгать и изворачиваться? Сочинит новую версию? Или под тяжестью улик раскается в надежде на милость? Почему бы ему не попросить у генерала снисхождения? В такие годы с наголо побритой головой загреметь кандалами… Что ж, если парень [11] во всем признается, можно и утешить его призрачной надеждой на свободу с ее земными радостями…

Постучали в дверь, и жандармы ввели арестованного.

- Не робейте, молодой человек. Ступайте сюда, поближе, - генерал пальцем поманил арестованного.

Парень был худ, но строен. Чисто выбрит и гладко, на пробор причесан. Синяя сатиновая косоворотка, туго стянутая ремнем, плотно облегала неширокую грудь. Он приближался к столу, и его серо-голубые глаза с большими зрачками смотрели на генерала настороженно. «Напуган, боится меня», - решил генерал и, грузно поднявшись, начал разговор мягко, сочувственно:

- Начудили вы. Надо эту комедию кончать. Двойника на сцене смотреть забавно, а в жизни, знаете ли… Человеку нельзя долго скрываться. Департамент терял ваш след, нам голову морочили. А каков финал? Суд вас ждет, нелегкий суд…

Парень, к удивлению генерала, усмехнулся, неизвестно к чему произнес: «Нуте-с», после чего стал оглядывать кабинет начальника жандармерии с таким вниманием, будто его для этой цели и привели сюда. Сдерживая вспыхнувший гнев, генерал продолжал:

- Представление окончено. Теперь у нас есть все сведения. Знаем, что удрали вы из Казани. Казарма - не тюрьма, удрать нетрудно, особенно в банный день… Знаем ваших знакомых по Харькову. Фамилии главарей местных социал-демократов я и без вас помню наперечет - через мои руки прошли. А все же назовите их… Зачем? Чтобы убедиться: вы покончили с ролью двойника, стали самим собой, готовы к искренним показаниям. Итак?…

Парень молчал.

- Понимаю вас, - многозначительно сказал генерал. - Время военное и за дезертирство… Я вас пугать не буду. Все в наших руках. Но кое-что и от вас зависит. Рассказывайте…

Парень нехотя отозвался:

- Все следователю рассказал.

- Опять комедию ломаешь! - обозлился генерал, не заметив, как перешел на «ты». - О какой девушке ты морочил голову следователю? Я тебе сейчас ее назову! - пригрозил он, раскрывая папку. - Уже сличили почерк на открытке с почерком той самой Беллы Беркович, что [12] училась с тобой в Петербурге на Черняевских курсах. И в Харькове она до тебя побывала - знаем мы эту бывшую курсистку! Хоть ты и стреляный воробей, а давно у нас на примете. В Харьков ты приехал еще за месяц до ареста. С кем из местных социал-демократов связан? Отвечай!

В упор глядя на генерала, парень спросил:

- Хотите меня к политическим приобщить? - И, усмехнувшись, добавил: - Не выйдет…

- То есть как это не выйдет! - крикнул генерал, потрясая синей папкой.

- А так! Что вы обо мне узнали через три месяца после ареста? Да, я солдат девяносто четвертого Казанского запасного пехотного полка. Фамилия моя - Баранов Петр Ионович. Полк покинул без позволения. В этом мое преступление, и по закону военного времени судить меня должен военно-полевой суд. Следователь ваш правильно дело повел, а вы только зря стараетесь.

И генерал понял, что его надежды рухнули. Зло прошипел:

- Знаешь законы, хлюст! А из армии дезертировал? У социалистов шкуру спасал? Законы государства знаешь, а за Россию пусть другие воюют?

Петр побледнел. Веки его чуть сузились, а зрачки расширились и стали черными, пронзительными.

- Я Родине не изменник, - тихо сказал он. - Не с фронта бежал. Мне надоело ждать, когда наш полк отправят на фронт. Нам войны бояться нечего. За Отечество, когда надо будет, постоим…

- За какое Отечество? Без царя и без бога? С вашим бородатым Карлом Марксом?

- За наше Отечество! - крикнул Петр.

В бессильной ярости генерал так стукнул кулаком по столу, что стоявший за дверью секретарь вбежал в кабинет. Увидев, как багровеет и задыхается генерал, секретарь кинулся к окну и широко распахнул створки.

Весенний ветер ворвался в кабинет, перелистал раскрытую на столе синюю папку.

Синяя папка харьковской жандармерии была помечена январем - апрелем 1916 года. Ученическая тетрадь - [13] декабрем того же года, А город указан другой - Казань.

Обычная толстая тетрадь в черном коленкоровом переплете. Листы в одну линейку. На заглавном листе надпись: «Для задач и упражнений по математике, физике, химии и литературе».

Уравнения чередуются с цитатами из книг писателей. Формулы со стихами. Чертежи с дневниковыми записями:

«Скоро новый год. В моей темнице как в ночи. Но чем ночь темней, тем звезды ярче. И во тьме - свет, и тьме его не объять.

К сему руку приложил смиренный инок Петр, сын Ионы».

Тут же «смиренный инок Петр, сын Ионы» выводит длинный бином Ньютона. А на полях листа, испещренного алгебраическими знаками, красными чернилами поставлен огромный вопросительный знак.

Теми же красными чернилами на внутренней стороне обложки написано:

«Итого в настоящей тетради П. И. Баранова пронумеровано, прошнуровано и казенной печатью скреплено восемьдесят (80) листов».

На круглой сургучной печати - оттиск: «Начальник Казанской губернской тюрьмы».

* * *

Военно- полевой суд приговорил Петра Баранова к восьми годам каторги.

Судили его в Казани. Судили там с умыслом, чтобы солдаты 94-го Казанского запасного пехотного полка, молодые ратники, которых готовили к отправке на фронт, знали, какая участь ждет дезертира - изменника царю и Отечеству. Местные власти настаивали на открытом процессе в присутствии новобранцев. Но из Петербурга пришел запрет. Там опасались, что, завидев однополчан, большевик Петр Баранов использует суд как трибуну для пропаганды.

Приговор военно-полевого суда объявили на вечерних ротных поверках. Скомандовали «Разойдись!», а строй не шелохнулся. В гневном молчании застывших солдат ротные офицеры почуяли опасность. В ту ночь фельдфебели [14] не спали. Офицеры несколько раз наведывались в казармы.

Было еще темно, когда сыграли «Побудку».

Солдат Казанского запасного полка вывели на плац. Маршировали без песни. А когда рассвело, все увидели углем

написанную на казарменной стене солдатскую резолюцию:

Нас не запугать! Дальше фронта не пошлют.

А брату- солдату Петру Баранову мы говорим:

«Товарищ, верь, взойдет заря!

Тюрьмы и каторги скоро рухнут!»

5

Наступил семнадцатый год.

Фронт в далекой Галиции трещал по всем швам. Бурлила солдатская масса в окопах и в тыловых казармах. Неспокойно было и в Казанской губернской тюрьме, где в ожидании ссылки в Сибирь содержались политические заключенные. Бунт «политических» начался после отказа тюремного начальства расковать больных. В своей петиции «политические» угрожали массовой голодовкой. Тюремное начальство догадывалось, кто был автором петиции заключенных.

Все одиночные камеры Казанской тюрьмы были заняты, и Баранова сначала поместили в общую. После петиции его перевели в восьмую, подвальную, камеру, где содержался приговоренный к каторге крестьянин-татарин, обвиненный в злонамеренном покушении на старосту села. Крестьянин по-русски не разговаривал, вины за собой не знал и к еде не дотрагивался. Только пил воду, курил и, как затравленный зверь, свирепо огрызался. Худшего наказания, чем общество с таким заключенным, тюремное начальство придумать не смогло.

Совершая утренний обход, начальник тюрьмы с опаской приблизился к восьмой, «антихристовой», камере. Сначала прильнул к стеклышку «волчка» и увидел: русский и татарин сидели на табуретках друг против друга и оживленно беседовали.

Тыча пальцем в грудь собеседника, Баранов говорил:

- Ты! Ты!

- Син! Син! - кивал головой татарин. [15]

- Это усвоено, - радовался Баранов и стучал себя кулаком в грудь: - Я! Я!

- Мин! Мин! - кивал головой татарин.

- Правильно!

Он обнял татарина: Они хлопали друг друга и уже вместе восклицали:

- Мы - бэз! Мы - бэз!

Вдруг татарин вырвался из объятий Баранова, метнулся в угол, съежился.

Заскрипел дверной засов, щелкнул замок, и надзиратель впустил в камеру начальника тюрьмы.

- Бес, истинный бес, - начальник тюрьмы покосился на

татарина, потом подмигнул Баранову: - Развлекаетесь, господин политический?

- Нуте-с? - вызывающе спросил Баранов, с трудом сдерживая смех.

Маленький, толстый и краснощекий начальник тюрьмы был удивительно похож на главного бухгалтера из петербургской конторы «Продамет». Главбух «Продамета» обращался ко всем без исключения сослуживцам и посетителям с неизменным «нуте-с», и Баранов так часто копировал главбуха, что не заметил, как «нуте-с» стало и его привычным обращением.

- Нуте-с, господин начальник, где нам развлекаться, как не в тюрьме? Учим друг друга…

- Друг друга? - ехидно спросил тюремный начальник. - Дикий татарин и просвещенный россиянин… Да с такого инородца легче семь шкур содрать, чем обратить его в истинную веру. Я, признаться, опасался, как бы сей зверь человекоподобный по лютой злобе с вас кожу не содрал. А я буду в ответе.

- Не беспокойтесь, мы не враги, и мне с ним неплохо. А плохо мне без бумаги и карандаша.

Начальник тюрьмы прищурился:

- Вот как? Что ж, я распоряжусь! Будет вам бумага и карандаш. Только никаких эксцессов, протестов, петиций! Тюрьма есть тюрьма. В ней царит дух смирения. Смирение или наказание? Выбирайте. Лучше вам смолоду это запомнить. Век благодарны будете за добрый совет.

- Еще бы!… Много бумаги дадите?

- А это опять же от вашего поведения зависит. Дам толстую тетрадь на полный курс самообразования. Проверять [16] тетрадь буду я. Лично. Не будет крамолы - везите тетрадь в Сибирь.

- Понимаю. - Баранов повернулся к татарину: - Муста, благодари начальника.

Татарин не понял разговора. Он привык к окрикам, зуботычинам, и его насторожил заискивающий тон тюремного начальника.

Вечером надзиратель принес в «антихристову» камеру тупо заточенный карандаш и толстую ученическую тетрадь с печатью начальника Казанской губернской тюрьмы.

6

«Никто меня не упрекнет в том, что я не жил или не живу будущим. Здесь, в тюрьме, меня часто навещают воспоминания, но и они чередуются с реальными мечтами, планами и скрашивают неприглядную действительность… Что было хорошего в моем детстве, в моей юности?»

Петр оборвал запись: нельзя доверять «казенной» тетради. Ее часто просматривают, ищут «крамолу». Уже много листов исписаны задачами, формулами. На полях этих листов нет пометок тюремного цензора. Запрет последовал, как только в тетради появились высказывания философов и писателей - те, что сохранила Петина память.

«Мне нравятся картины Рембрандта, Рубенса», - записал однажды Петр, вспомнив спор друзей. На выставке в Эрмитаже ему сказали: «У тебя отсталый вкус, сейчас модно новое течение в живописи». А Белла поддержала Петра: «Модное течение… Незачем навязывать другому свой вкус». В тюремной тетради Петр завершил спор: «Небо да хранит нас от законодателей в понимании красоты».

Начальник тюрьмы, возвращая тетрадь, строго сказал:

- Кощунствуете! Законы освящены всевышним. Охраняет законодателей тот, кто в небесах… Решайте лучше задачки, молодой человек!

…Что же все-таки хорошего было в прошлом? И почему оно представляется теперь Петру таким светлым, радостным? Может быть, это вызвано тоской по воле? Нет, человеку, где и как бы он ни коротал свой век, дороги годы детства, отрочества, юности. [17]

* * *

Жили Барановы на окраине Петербурга. В Новой Деревне снимали ветхий домишко, принадлежащий купцу Половневу. Купец дорожил лишь участком и огородил его крепким забором, но покосившуюся хату не сносил - находились квартиранты.

Из ворот дома каждое утро, громыхая огромной бочкой, выезжал к Неве на дрогах водовоз Иона Баранов, мужик рослый и кряжистый, рыжебородый и горбоносый, на вид мрачный, на слова скупой.

Иона расстался с деревней после голодного года в Рязанской губернии. Сначала он нанялся в порту крючником. Винцом не баловался, часто работал две смены, чтобы скопить деньжат, обзавелся лошадкой, дрогами и стал в Новой Деревне водовозом. Петербуржцев-дачников снабжал водой днем, а кухню ресторана «Ливадия» - вечером. Этим нехитрым промыслом да небольшим огородом кормили Барановы всю семью. Сами маялись, а детей учили грамоте, ремеслу. Жила в родителях неистребимая надежда вывести ребят «в люди».

Пете минуло тринадцать лет, когда выхлопотали ему место

ученика в торговой конторе «Продамет». Управляющий конторой приметил усердного и смышленого паренька и вскоре доверил ему работу счетовода. Новый кормилец появился в трудный для семьи год. Еще не старого и никогда не болевшего водовоза сразил разрыв сердца. Грохнулся он на пороге кухни ресторана «Ливадия» и уже не встал. Погоревала вдова Ирина Тимофеевна, продала лошадь, дроги, а рассохшуюся бочку ребята распилили на щепу.

После смерти мужа Ирина Тимофеевна крепко занедужила. Все время тревожилась за своего любимца Петьку, который томился в городской тюрьме «Кресты», ожидая суда. Мать знала, что Петю арестовали «за политику», и уже не чаяла повидать его. В тюрьму явились товарищи Петра с просьбой отпустить узника проститься с матерью. Старший надзиратель уныло сказал Петру:

- Отпустим тебя на сутки. Если сбежишь, то мне, конечно, вздрючка будет, но твои приятели сядут в «Кресты», а первой арестуем твою подругу Беллу. За твой побег - ей пожизненная каторга. Так и знай. [18]

И Петр поклялся:

- Вернусь!

Завидев сына, Ирина Тимофеевна хотела крикнуть и не смогла - губы только мелко задрожали. Младшая дочь Фрося солгала матери: «На воле наш Петя, на воле!» Ирина Тимофеевна скончалась на рассвете, днем похоронная процессия двинулась к церкви по окраинной улице, чтобы не привлечь внимания городовых. Дети похоронили ее, а вечером Петр уже помогал Фросе собрать пожитки - вместе с младшими братишками уехала Фрося к тетке в Старую Деревню. Петр вернулся в тюрьму.

«Что же хорошего было в моем детстве, в моей юности?»

Петр зажег огарок, склонился над тетрадкой, задумался… Была нужда беспросветная, были тревоги, тяжкие лишения. А за все и за всех в ответе - мама. Она редко улыбалась, часто плакала и… считала себя самой счастливой матерью на свете. Одиннадцать детей родила, семерых - Петр был пятым - выходила, и до вечного покоя не было у нее дня без забот.

«Прости, дорогая, за огорчения, что причинил тебе. Иначе я не мог…»

Эту запись еще можно доверить тетради, не больше. Петр погасил огарок.

Тихо в камере. Сосед устал молиться своему аллаху, свернулся на полу калачиком и заснул. Петр тоже закрыл глаза, но и в гнетущем мраке тюремного безмолвия зримо возникают видения прошлого.

7

…Зима. Февральская метель накрутила за ночь сугробы и к утру начисто замела дорогу к церковно-приходской школе. Ребята остались дома. Все помогают маме в субботней приборке. Закончив стряпню, мама прикрыла жарко натопленную печь заслонкой, села у светлого окна, скинула косынку. Не старшая дочь Пелагея, не Фроська, а он, Петька, расчесывает ее длинные гладкие волосы и рассказывает при этом удивительные истории из прочитанных книжек. Никто не умеет так слушать Петю, как мама. Она только изредка вздохнет, скажет сама себе: «До чего, господи, мир велик. Сколько стран, сколько имен чужеземных!» [19]

Потом видит Петр знакомый луг в солнечное воскресное утро. Вся Новая Деревня высыпала на луг, собралась у высокого берега реки. А на другой стороне реки - Коломяжский ипподром. Там - большой праздник по случаю окончания первой в России «Авиационной недели». Играет духовой оркестр, бойко торгуют трактирные буфетчики, и шумит, волнуется пестрая толпа, наблюдая, как соревнуются в воздухе русские и иностранные летчики.

С Коломяжского ипподрома взлетел последний самолет. Надрывно тарахтя и заметно виляя, тянется к небу огромная, неуклюжая механическая стрекоза. И у всех на виду летчик - его голова, туловище, руки и ноги. Зрители по-разному выражают свои чувства. Ликует и рукоплещет молодежь. Кто-то декламирует: «Безумству храбрых поем мы песню». Старики осуждающе охают. Среди них купец Половнев. Он в черном сюртуке, в черном высоком картузе с блестящим козырьком. Половнев даже за бороду схватился, будто хочет пригнуть голову, чтобы не смотреть наверх. А в глазах ненависть. Как смеет человек парить выше Александровской колонны и даже самого Исаакиевского собора? Не удержался Половнев, разомкнул губы:

- Сгинь, сатана, покарай тебя бог. Покарай!

- Не каркай!

Это крикнул Лешка. Петр по голосу узнал братишку. А Лешка сначала крикнул и уж потом, обернувшись, увидел хозяина дома. Смутился Лешка, а извиняться не стал: чего, в самом деле, каркает старый ворон? Купец глазом не моргнул, только подался вперед, оторвал пятерню от бороды и дал Лешке затрещину. Еще раз замахнулся, но тут подоспел Петр.

- Пусти, бандюга! - в бессильной ярости закричал Половнев, когда Петр намертво сжал его руку. - Ты с кем тягаешься? С кем?!

А Петр и не думал тягаться. Только как объяснить это людям, привлеченным воплем купца?

- Не имеете права драться!… Здесь вы не хозяин, а такой же на празднике, как все…

- На празднике! Знаю, какого вы праздника ждете, голь бунтарская! Эй, люди добрые, помогите!

Чтобы разжечь драку, пьяные еще сильнее заулюлюкали. Кто-то повис на спине Петра, кто-то за него заступился. [20] Низко над берегом прошел самолет, толпа шарахнулась в сторону, но потасовка не прекратилась. И вдруг драчуны разбежались. Рядом с Петром оказался отец. Попасть под тяжелую руку водовоза никому не хотелось. Отец подошел к купцу, тихо сказал:

- Моих парней сам накажу, ежели они провинились. Зачем при народе шум поднимать?

И так же тихо Половнев распорядился:

- Завтра к утру убирайся со своим выводком из моего дома. Ищи другую квартиру. Смутьянов не держим.

О ссоре с купцом отец ничего матери не сказал и ни в чем не упрекнул сыновей. Но дома Лешка расхвастался, что полетит на аэроплане без страха - пусть только его научат. И отец не выдержал:

- Смолкни! Эти забавы для тех, кто с жиру бесится.

Петр тихо возразил:

- Самолеты не забава. Еще император Петр Первый сказал, что люди «будут летать по воздуху, ако птицы».

- «Ако птицы»! Не мог такого император сказать.

- А вот! Смотрите!

И торжествующий Лешка вытащил из кармана брюк вчетверо сложенный лист обложки журнала «Летун» с изречением Петра Первого. С особой многозначительностью Лешка прочел надпись под названием журнала: «Дела, мысли и мечты в области воздухоплавания, летания и быстроактной жизни».

- Какой еще там жизни? - сердито спросил отец, раздосадованный мудреным, непонятным для него словом - «быстроактной».

Петр мягко доказывал:

- На Строгановской набережной самолетный завод начали строить. Скоро полетят из Петербурга в Москву. Не для забавы это. Выкормыш Половнева не полетит, кишка тонка… А мы, если бы наша воля, наше право…

- То-то! - сурово оборвал его отец. - Если бы!

8

И еще видит Петр кружок своих друзей, единомышленников по партии.

…Никогда Иона Баранов не позволил бы Петру устраивать

дома занятия кружка. Но после смерти отца Петр настоял, чтобы семья переехала на другую квартиру, [21] подальше от глаз купца-черносотенца. Мать приветила друзей Пети из конторы «Продамет» и с Черняевских общеобразовательных курсов. Собирались в комнате на втором этаже. Мать поила гостей чаем с вареньем, угощала домашними пирогами, а когда стала догадываться о тайных сходках, только насторожилась. Если Петины товарищи засиживались допоздна, Ирина Тимофеевна наглухо зашторивала окна, часто выходила наружу узнать, не следит ли кто за домом. Чуяла материнским сердцем недоброе и спасла однажды от ареста пятерых друзей Пети, а сына и Беллу отстоять не смогла. И все из-за того же Половнева.

Был субботний вечер. Поодиночке явились к Барановым Иван Акулов, Антон Булин, Василий Володин и Андрей Михельсон. Потом пришли Белла Беркович и Карл Вербицкий. Белла принесла две книжки стихов. Одна называлась «Звездные песни», другая - «Из стен неволи». В тот вечер Иван Акулов - он был самым начитанным в кружке - рассказал своим друзьям биографию автора этих стихов Николая Морозова.

- Запомните это имя, - сказал Акулов. - Морозову было столько же лет, сколько каждому из нас, когда Карл Маркс дал ему для перевода на русский язык «Коммунистический манифест». Морозов - друг Степана Халтурина и Веры Фигнер. Он двадцать лет просидел в государевой тюрьме - Шлиссельбургской крепости. Двадцать лет! Присудили ему пожизненную каторгу. В одиночной тюремной келье занимался самообразованием. Учился и учил. Вот эти книжки стихов он там написал. У Морозова есть труды по математике, физике, естествознанию и воздухоплаванию.

Все горячо заговорили, заспорили. Приводили и другие примеры величия человеческого духа. А назавтра Петр и Белла гуляли вдоль набережной Черной речки. За обочиной дороги - липы, березки, уютные палисаднички скрашивают ветхие фасады домов. Петр знал - в один из таких неприметных домиков приходил Ленин. Над Новой Деревней опускалась ночь. Съезжались к ресторану «Ливадия» и в трактир Медведева дворяне и купцы, а неподалеку, в крохотном домишке, за обеденным столом сидел в кругу рабочих Ленин и говорил о судьбе России.

В поле, за Черной речкой, Петр показал Белле место гибели Пушкина. Белла вдохновенно прочла лермонтовское [22] «На смерть поэта». Когда друзья вновь собрались вечером «на чай» к Ирине Тимофеевне, Петр попросил Беллу почитать что-нибудь из книги Морозова.

- С удовольствием! Я знаю, Петя, что тебе понравится… - Она подняла руку, и все смолкли. - Это было написано, - сказала Белла, - пятнадцать лет назад. Весна - счастливая пора надежд. Только узникам Шлиссельбурга, навечно заточенным в казематах царевой тюрьмы, первая весна нашего века не сулила счастья. «Весна неволи» - так называется стихотворение, которое Николай Морозов посвятил своим друзьям. Слушайте:

Мы тоске немой и ненавистной
Овладеть сознаньем не дадим,
Будем жить любовью бескорыстной…

- Тише! - оборвал Петя Беллу. Кто-то поднимался по узкой скрипучей лестнице. - Мама… - Петя узнал знакомые шаги, скинул с дверной петли крючок.

Ирина Тимофеевна быстро вошла в комнату, молча приблизилась к столу и задула керосиновую лампу. Потом она распахнула окно:

- Прыгайте! Прыгайте, дети, все, кроме Беллы. Через огород разбегайтесь. Живей! Они уже на нашей улице…

Но Петр кинулся вниз по лестнице.

Когда он выскочил во двор, три жандарма и какой-то штатский подходили к калитке. Петр загородил им дорогу.

- Что вам угодно, господин ротмистр?

Жандармский ротмистр кликнул штатского:

- Эй, понятой! Узнаешь?

- Он самый, - отозвался купец Половнев.

- Что вам угодно? - сдержанно повторил Петр. - Зачем пожаловали?

- Скажи какой вежливый! - Ротмистр коснулся ладонями карманов Петра и убедился, что вооруженного сопротивления не будет. - Мирные да вежливые давно спят, а вы бодрствуете. Зачем?

Половнев засуетился:

- Он самый! Торопитесь, господа! Разбегутся ведь, окаянные…

- Дорогу! - рявкнул ротмистр.

Петр обхватил руками столб калитки.

- Нуте-с, попробуйте! [23]

Он устоял от тумака дюжего ротмистра, но жандармы уже вышибли ногами доски в заборе и проникли во двор.

Силы были неравными, и Петра с закрученными за спину руками повели в дом.

Белла сидела на скамейке у печки. Рядом, опираясь на кочергу, стояла мать.

Петра толкнули в угол. По знаку понятого ротмистр поднялся по лесенке на второй этаж. Слышно было, как он чиркал спичкой,

что-то передвигал, где-то шарил.

- Понятой, ко мне!

Половнев осторожно полез наверх.

Обыск ничего не дал, хотя Половнев уверял жандармов, что к Барановым приходили пятеро мужчин и одна женщина. Купец подозрительно покосился на Беллу, потом осклабился:

- Встаньте, мадемуазель!

Белла продолжала сидеть, будто все происходящее ее не касается. Она только чуть побледнела.

- Пусть встанет! - настаивал Половнев, обращаясь к ротмистру. - Я по фигуре определю, похожа ли гостья на ту барышню… Допросить ее надо, обыскать!

Мать заслонила собой Беллу, стукнула кочергой об пол:

- Чего еще вздумал, старый охальник? Не трожь мою племянницу!

- Врешь, старая! - взбесился купец. - Нет у тебя племянницы. И какая она тебе сродственница? Она и обличьем не православная. Установите личность, господа.

Ротмистр проверил паспорт Беллы и приказал ей вместе с Петром следовать в участок.

Мать тихо охнула, подошла к Половневу:

- Помянешь, ирод, мое материнское проклятье.

Белла поднялась и резко тряхнула головой. Петр поразился ее необычайному спокойствию. С лица исчезла бледность, и даже легкий румянец покрыл смуглые щеки.

- Не волнуйтесь, тетя Ирина, - сказала Белла. - Разберутся и отпустят. А книжки, - она протянула ротмистру стихи Морозова, - смотрите, цензурой дозволенные. - Потом улыбнулась Петру: - Я тебе в другой раз их почитаю…

Улик для обвинения Беллы не нашли и из участка ее отпустили. Но Ирина Тимофеевна этого не знала и назавтра явилась к тюремным воротам с передачей для [24] двух узников. Ирина Тимофеевна знала, что Белла приехала в Петербург учиться вопреки воле овдовевшего отца, сапожника из Старой Руссы, и нет у нее здесь родных. Так пусть хоть малость коснется ее забота и ласка другой матери.

Петра выслали из Петербурга, разлучив с семьей, товарищами, Беллой. Теперь каторга еще дальше их разведет. Что ж, в этой жизни он сам выбрал дорогу, на которой свидания с любимой бывают до боли короткими, а разлуки - бесконечно долгими. И все-таки время бессильно стереть из памяти Петра дорогой образ.

Вот и сейчас Петр видит Беллу такой, какой она была в ночь ареста: в строгом темном платье с белым кружевным

воротничком. Густые косы, яркий румянец на щеках. Она стоит посреди комнаты, прижимая к груди две книжки стихов, и хочет сказать Петру что-то важное, совсем не то, что она сказала… Он слышит, явственно слышит ее голос: «Петя, я в другой раз почитаю «Звездные песни». Хорошо?»

9

…Сон внезапно оборвался. Хотя еще не рассвело, но где-то наверху шумели. Гул нарастал, и Петр уже различал топот кованых сапог, резкие голоса. Он зажег огарок.

Проснулся татарин, всполошился, заметался из угла в угол.

А за дверью кто-то кричал:

- Сюда! Здесь восьмая камера!

Татарин рухнул на колени: с молитвой аллаху решил он отдать себя в руки палачей.

Дверь с ржавым скрипом широко открылась, и Петр увидел силуэты двух жандармов. Они тут же исчезли, а в камеру вошли - уж не сон ли это - Семен Нечаев и Василий Володин, солдаты 94-го Казанского пехотного полка, друзья Баранова. И еще одного знакомого солдата узнал Петр - тот стоял у входа в камеру с ружьем наперевес.

Петр вскочил на ноги:

- Братцы, что случилось?

Володин сорвал с головы папаху, обнял Петра, крепко его расцеловал:

- Случилось… Живей в казарму - там тебя ждут. В Питере революция! [25]

Нечаев вручил Петру сверток с новым солдатским обмундированием. Увидел молящегося татарина, спросил Петра:

- Кто такой? С ним как быть?

- На волю его! - Петр тормошил татарина. - Вставай, Муста, не тому богу молишься. В Питере революция!

На улице темно, ветрено. Ранняя февральская оттепель согнала днем снег, а ночью прихватил морозец, и скользко было Петру ходить по оголенному булыжнику в новых подкованных сапогах - Володин и Нечаев поддерживали его. Вдруг, уже перед тюремными воротами, Петр остановился:

- Братцы, забыл!

- Что случилось?

- Тетрадку под подушкой забыл.

Однополчане тянули Петра к выходу, убеждали, что тетрадка - пустяк, и пугали дурной приметой: нет ничего хуже, чем по своей воле вернуться в тюремную камеру.

Но Петр круто повернул назад.

* * *

В тот год, уже летом, на станцию Харьков прибыл воинский эшелон. К начальнику вокзала явились трое вооруженных солдат - все из одной пульроты, - и первый пулеметчик, худой и стройный, выяснив, что эшелон задержится на станции, спросил начальника вокзала, не знает ли он генерал-майора Рыковского.

- Начальника жандармерии? Как же мне его не знать, когда за ним еще картежный должок остался. - И горестно вздохнул: - Вызвали генерала в департамент. Если он в Харьков не вернется, плакали мои денежки.

- Жаль, - сказал первый пулеметчик. - У меня с ним тоже счеты не сведены.

- Вот как? И тоже по преферансу?

- Не имел чести… Хотел по старому знакомству представиться. Самая пора напомнить генералу, что едет наш девяносто четвертый Казанский пехотный полк на Румынский фронт. Воевать едем. Без царя и без бога - за наше Отечество.

Другой пулеметчик, вскинув на ремень винтовку, добавил:

- Везет тыловому жандармскому начальству… Так вы хоть, когда увидите генерала, назовите ему председателя [26] ревкома нашего полка. - Он посмотрел на первого пулеметчика: - Имя и фамилию легко запомнить - обыкновенные, русские: Петр Баранов.

Прошло еще четыре года. В том же Харькове размещался штаб войск Украины и Крыма. Начальник политического управления этих войск Петр Ионович Баранов знал, конечно, что архив местной жандармерии частью уничтожен, частью вывезен. Он лишь однажды наведался в архив, где случайно обнаружили копию бумаги из переписки, связанной с розысками некоего Александра Тихомирова, крестьянина из Костромской губернии. Приколота была к этой бумаге фотография. Петр Ионович узнал эту фотографию - точно такая же была в синей папке.

…Не думал тогда Петр Ионович, что много лет спустя, уже после его смерти, займутся розысками других документов, хранившихся в синей папке, а записи из его тюремной тетради перейдут в журнальные статьи и в книги.

Тетрадь в черном коленкоровом переплете с круглой сургучной печатью начальника Казанской губернской тюрьмы хранится сейчас в архиве семьи Петра Ионовича Баранова.

Далеко от Петрограда

1

Война еще шла, а фронт уже разваливался.

Осенью 1917 года на полях Молдавии и Румынии началось великое брожение в русских войсках. А тут еще объявили приказ командующего Румынским фронтом генерала Щербачева о роспуске седьмой армии, и это ускорило разброд на юге. На первый взгляд приказ генерала Щербачева казался нелепым, несуразным. Фронт против австрийцев оголял тот, кто клялся в верности Временному правительству и ратовал за войну до победного конца.

Что же встревожило генерала Щербачева?

Из Питера пришла весть о победе пролетарской революции. Первые ленинские декреты о земле и мире дошли до окопов.

За Днестром подняла голову контрреволюция.

Бряцали оружием гайдамаки. [27]

А на фронте солдаты митинговали. Горластые анархисты старались всех перекричать. Мутили воду меньшевики, эсеры, националисты. Встревоженная, бурлящая масса не сразу могла отличить сущую правду от прикрашенной лжи и крикливой демагогии. Но реакционные генералы и офицеры Румынского фронта сразу учуяли, где таится главная для них опасность. Они быстро смекнули, что с австрийцами и на худой мир можно договориться, а с Лениным, с Советами придется драться насмерть.

Ревкомы частей и армии требовали полностью признать Советскую власть и не разоружаться до получения указаний из Питера. Расформировав седьмую армию, выдав ее солдатам демобилизационные удостоверения, генерал Щербачев действовал по указанию заговорщиков. И результат этой провокации быстро сказался. Демобилизованные ринулись в тыл через позиции восьмой армии.

- Куда вас несет? - спрашивали их.

- По домам! Отвоевались…

Они потрясали бумажками и подтрунивали над солдатами восьмой армии:

- Митингуете, служивые? Развесили уши и слушаете агитаторов?

- Эй, серые, присоединяйся! К зиме дома будем.

- Агитируй ногами за землю, за теплую хату.

Солдаты почесывали затылки:

- Ай правда?…

Четвертый год идет война. Осточертели «карпатские долины,

кладбища удальцов». А тут говорят разное, всяк на свой лад агитирует. Когда же этому конец? Может, самая пора пришла «агитировать ногами» за конец войны?

В те суровые и смутные дни, на далекой чужбине, откуда было знать рядовому солдату Румынского фронта, что от войны ему не уйти, что скоро, очень скоро вспыхнет она на тех самых дорогах, что ведут к Питеру, к дому, к семье…

В Приднестровье и на Буге казачьи заслоны встретили демобилизованных из седьмой армии. Не разбирались, у кого есть «генеральская бумага», у кого нет, - всех призвали в войска Украинской рады и вооружили, чтобы воевать уже не с чужеземцами, а против своих. Непокорных судили, расстреливали.

Вот когда раскусили солдаты своего «главнокомандующего благодетеля». Как же теперь быть? Куда податься? [28]

Одни дезертировали на свой страх и риск, в одиночку и группами пробивались на север и на восток. Многие же повернули назад, к фронту, и сами потянулись к оружию.

Теперь они знали, в каком стане сражаться. Не дали им избавления ни царь, ни Временное правительство. И будут они собственной рукой утверждать правду на земле - правду, о которой прослышали еще на Румынском фронте.

Там, на солдатских митингах, выступали разные ораторы. Не скупились на посулы. Но только у большевиков слова не расходились с делами. И солдаты вспоминали сейчас тех, кого не сломили царские тюрьмы и каторги и кто делил с ними тяготы окопной жизни. Вспомнили, например, балтийца Семена Рошаля и своего брата-пехотинца, рядового Петра Баранова. Оба - питерцы, большевики. Матрос и солдат не заискивали перед золотопогонниками. Матрос и солдат знали ленинскую правду и не побоялись самого генерала Щербачева. Они пришли в штаб-квартиру командующего и именем Советской власти потребовали уважать и выполнять ее декреты.

В войсках шла молва, что казаки, охранявшие генерала Щербачева, расстреляли матроса. А солдат сбежал. И теперь в Карпатах собирает большой отряд…

2

Так ли это было?

Да, Семен Рошаль и Петр Баранов были земляками. Они знали друг о друге, а встретились далеко от Питера, на Румынском фронте.

Когда Баранов исполнял в Питере обязанности председателя Союза конторщиков, ему рассказали о Рошале, бывшем студенте-

медике, затем конторщике из больничной кассы Путиловского завода. Это был совсем юный и очень отважный подпольщик, известный в партийных кругах под кличкой «Доктор». Арест Петра помешал встрече с Доктором. Когда Баранова выслали из столицы, его камеру в «Крестах» занял Рошаль, арестованный за революционную пропаганду в войсках. Февральская революция вызволила Баранова из Казанской тюрьмы, а Рошаля - из «Крестов». [29]

Июнь 1917 года. Казанский пехотный полк прибывает в Могилев-Подольский и зачисляется в 41-ю дивизию Румынского фронта. Председателя полкового комитета рядового Баранова солдаты посылают своим делегатом на съезд социал-демократов восьмой армии. В это время на родине Петра, в Новой Деревне, бывший председатель большевистского кронштадтского комитета матросов Семен Рошаль прячется от ищеек Керенского. Он снова попадает в «Кресты», откуда его освободила уже Октябрьская революция.

С мандатом, подписанным Лениным, Семен Рошаль, полномочный комиссар Совнаркома, едет в Одессу. Меньшевики и эсеры, засевшие в Исполнительном комитете Советов Румынского фронта, Черноморского флота и Одесской области (Румчерод), всполошились. Да и было от чего! Недавно в ревкоме восьмой армии старая революционерка Евгения Бош и рядовой Петр Баранов создали сильную большевистскую фракцию. Новый большевистский ревком во главе с Барановым объявил единственной властью, которой он подчиняется, Совет Народных Комиссаров. Теперь прибыл из Питера комиссар Совнаркома и с матросской прямотой предъявил Румчероду ультиматум: «Либо признаете Советскую власть, либо - мандаты на стол!» На митингах, где выступал Рошаль, солдаты его горячо поддержали.

Обстановка на фронте накалялась. В Румчероде меньшевики и эсеры разводили нудные, бесплодные дискуссии, а между тем в штабах войск заговорщики уже действовали и плели коварные интриги. Четвертого декабря в Яссах они внезапно арестовали большевиков из местного гарнизона и затем объявили новый орган власти - «Национальный комитет». Создание такого комитета рядом со штаб-квартирой генерала Щербачева и румынским штабом было весьма подозрительным.

Нити заговора вели в Яссы. Семен Рошаль помчался туда, чтобы на месте выяснить обстановку.

В предместье Яссы - Соколы Рошаля ждали представители из разных частей. Здесь он встретился с Петром Барановым, председателем фронтового ревкома. Договорились о составе делегации, которая завтра пойдет к командующему. Прискакал в

Соколы секретарь ревкома Ванюша Панин, однополчанин Баранова, и привез пакет. Генерал Щербачев официально приглашал делегацию, [30] возглавляемую Рошалем, к себе, в Яссы, для переговоров с украинскими представителями из «Национального комитета».

Баранов насторожился:

- Зачем командующему сталкивать нас с националистами? Что он замышляет?

- Выясним, - отвечал Рошаль. - Разговаривать будем только с командующим, а не с каким-то «Национальным комитетом».

Рошаль заночевал у Баранова. Ванюша Панин вскипятил самовар, и длинную зимнюю ночь гость и хозяин скоротали, вспоминая родной Питер, общих друзей, знакомых. Рошаль рассказал Петру, как ходил с кронштадтскими моряками на первую встречу с Лениным, о Новой Деревне, где скрывался в подполье, о Луначарском и Колонтай, с которыми познакомился в «Крестах», о Смольном, где он опять увидел Ленина.

Баранов познакомил Рошаля с обстановкой на фронте. Многие офицеры тайком бегут к Дону, где контрреволюционный «Войсковой круг» собирает силы. Стихийная демобилизация, вызванная приказом Щербачева, на руку генералам и атаманам. Вот почему Военно-революционный комитет решил создавать свои вооруженные отряды. В восьмой армии такой отряд уже есть. Командует им поручик Геккер, человек надежный - он вступил в партию большевиков еще до октябрьских событий в Питере.

- Правильно решили! - обрадовался Рошаль. - Сила силу ломит. В Бессарабии наши товарищи объявили призыв в «Особую революционную армию по борьбе с румынской олигархией». Любят у нас громкие названия… - Рошаль заразительно рассмеялся, потом серьезно добавил: - Пока там бояре трепещут от одного имени Котовского. Его отряды уже действуют. А мужик в Бессарабии делит землю и будет за нее драться. Да, дорогой земляк, далеко мы от Питера… Но зря генерал Щербачев полагает, что ему здесь можно хозяйничать, как в своей вотчине. Посмотрим, как он себя завтра поведет…

На другой день, когда они приближались к штаб-квартире генерала Щербачева, Баранов приметил конный патруль казаков. Он отозвал Рошаля в сторону:

- Нас всего десять делегатов. Не вызвать ли и нам надежный патруль? [31]

Рошаль подумал и не согласился:

- Теперь поздно…

А через несколько шагов остановился, тихо сказал Баранову:

- Мы в «Крестах» сидели в одной камере. При мне там была

на стене надпись. Чем ее только выцарапали?…

- Была, - вспомнил Баранов. - Первая строка из «Варшавянки».

- Да. «Вихри враждебные веют над нами…» Так было, так еще будет… Они вызвали казаков? Они окружают себя охраной? Значит, не мы их - они нас теперь боятся. Пошли!

* * *

- Опаздываете, господа большевики…

Переступив порог, Рошаль остановился, удивленный таким обращением. Оглядел большую приемную командующего. За столом, на председательском месте, сидел не генерал, а какой-то офицер в звании капитана. И весь ряд стульев у левой стены занимали офицеры. Они чуть повернули головы к дверям, и никто не встал, демонстративно выказывая пренебрежение к официально приглашенной делегации.

- Опаздываете, господа большевики, - повторил сидевший за столом офицер. - Дисциплины не знаете. - Он метнул злобный взгляд на Рошаля. - Почему одет не по форме?

В приемную вошли только Рошаль и Баранов, остальные делегаты, ожидая вызова, толпились в коридоре. Баранов явился в солдатской, аккуратно подогнанной шинели, а на Рошале поверх матросского бушлата была кожанка, перехваченная ремнем. Широкие брюки заправлены в сапоги.

Рошаль обратился к Баранову:

- Мы не ошиблись дверью, товарищ председатель Военно-революционного комитета? - И небрежно кивнул головой в сторону капитана: - Кто такой?

Баранов приподнял худые плечи, недоуменно развел руками:

- Есаул… И зачем сюда пожаловал? Понять не могу. - Потом резко повернулся к недвижно сидевшему ряду офицеров и принял стойку «смирно»: - Нуте-с, господа, извольте встать и представиться. Перед вами товарищ [32] Рошаль, полномочный представитель Совета Народных Комиссаров. - Он отдал Рошалю честь и опять обратился к офицерам: - Кто тут старший?

- Отставить! Забыл, хам, где находишься?

Баранов небрежно взглянул на есаула и скупо, лишь уголками губ, усмехнулся:

- Есаул Сливинский, - сказал он Рошалю. - Тридцать седьмой казачий полк. Вежливости не обучен, да и к чему она ему? Знает, что казаками осталось недолго командовать, выслуживается теперь перед «Национальным комитетом».

Офицеры возмущенно зашумели. Некоторые даже встали,

приняв угрожающие позы. И снова есаул взревел командой «Отставить», но уже адресованной к офицерам:

- Самосуда не позволю! У меня есть приказ генерала Щербачева касательно этой встречи. Приступим к делу, граждане комиссары…

Рошаль между тем продолжал разговор только с Барановым:

- Щербачев отдает приказы, хотя я телеграфировал, что без моей подписи ни один его приказ не действителен. Щербачев знает об этом сборище?

Есаул Сливинский схватил со стола какую-то бумагу и, широко расставляя ноги, пошел на Рошаля. Дорогу ему преградил Баранов. Есаул вскипел:

- Эй, председатель ревкома, калиф на час, не путайся… Я дипломатической вежливости не обучен, и мне она… - есаул зло, матерно выругался. - Сколько мне еще командовать - один бог знает, только ваше время кончилось. Иди сюда, питерский комиссар. Подпиши бумагу, что слагаешь с себя полномочия.

Рошаль приблизился к Баранову. С подчеркнутым спокойствием, будто угроза есаула его не касается, сказал:

- И еще надо проверить, отменил ли Щербачев свой приказ о демобилизации. Все это мы выясним только у него. Разыщем его хоть под землей. Пошли!

В дверях два казака скрестили штыки винтовок. Есаул махнул рукой молоденькому хорунжему, и тот, распахнув форточку, по-разбойничьи свистнул. Ему отозвался цокот копыт. Конный разъезд полукругом выстроился перед зданием.

А в коридоре штаба уже шла потасовка. На каждого делегата навалилось по нескольку казаков. Баранов кинулся [33] к столу, где стоял телефон, но аппарат перехватил какой-то хорунжий.

- Не будет вам подмоги, - злорадствовал хорунжий. - Не будет…

Есаул Сливинский взглянул на часы.

- Вот и кончились переговоры. - Он с наслаждением разорвал бумагу, а клочки спрятал в карман. - Покажу генералу, как питерский комиссар принял его условия. Хорошие мы дипломаты, господа большевики?

Рошаль и теперь не потерял самообладания:

- Есаул, не забудьте сказать генералу, что он несет ответственность за этот мерзкий фарс, который вы разыграли в его штаб-квартире.

- Не пугай, комиссар! Сами разберемся, кто прав, кто виноват. А пока поехали.

3

Их вывели во двор. Рошаля и Баранова втолкнули в машину командующего, остальных насильно посадили в две брички и в сопровождении конного патруля повезли на окраину Ясс. За городской чертой арестованных ждал румынский пикет. Есаул Сливинский с помощью переводчика обратился к старшему пикета - румынскому офицеру. Слушая переводчика, тот лишь согласно кивал головой, подозрительно косясь на Рошаля и на прибывшего из Одессы члена делегации - большевика Рога. Арестованных построили в одну линию, затем румынские солдаты отвели Рошаля и Рога в сторону.

- До выяснения особых обстоятельств, - объявил есаул Сливинский, - двух делегатов мы задерживаем в качестве заложников. Они будут под охраной наших военных союзников.

Баранов вышел из строя, но румыны тут же оттеснили его назад.

- Нет никаких обстоятельств, которые требовали бы заложников, - заявил Баранов.

- Есть! - перебил Сливинский. - В четвертой армии ваш ревком арестовал члена Центральной рады. Пока его не освободят…

- Это ложь! Я отвечаю за действия ревкомов в частях. Почему вы меня не берете как заложника? Почему [34] вы из штаба Щербачева не связались со штабом четвертой армии? Вся ваша провокация белыми нитками шита. И не разжигайте нашу ярость, господин есаул…

- Молчать! Кончай митинг!

Румыны закрутили Рошалю и Рогу руки за спины и втолкнули в машину. Казаки, вскинув винтовки, не давали делегатам приблизиться к автомобилю. Рошаль встал, успел крикнуть:

- По частям, товарищи! Ступайте к солдатам, телеграфируйте Совнаркому…

Его сбили с ног, и машина рванула вперед. Следом за нею ускакал казачий патруль.

Румынский пикет направился к своим казармам.

- Почему нас отпустили? - обратился Баранов к делегатам. - Опасаются гнева солдат, если мы не вернемся в свои части. Зачем привезли сюда, в безлюдное поле? Видно, хотели на время лишить нас связи с частями. Теперь они на любую подлость пойдут, чтобы расправиться с Рошалем. Надо действовать! Шесть делегатов возвратятся в Яссы, разыщут командующего и предупредят, что Совнарком не потерпит произвола. Один поедет в Могилев-Подольский и передаст Геккеру - пусть приведет в боевую готовность наш отряд. Я иду в Романы: в ревкоме четвертой армии что-то произошло…

4

Ревком четвертой армии был арестован в полночь.

Арест произвели румыны, и их часовые долго охраняли дом, где раньше помещался комитет. Но тот, кого румыны ждали, не появлялся. На рассвете какой-то русский солдат-пехотинец прибрел к дому, охраняемому румынами. Шел он вразвалку - то ли притомился служивый, то ли пьян, - и часовые издали пригрозили ему ружьями. Пехотинец свернул за угол, но вскоре, уже с другой стороны, незаметно приблизился к перекрестку, кого-то высматривая или выжидая. И вдруг, заметно прихрамывая, побежал он навстречу военному, жестами показывая, чтобы тот повернул назад. Военный остановился:

- Ванюша, ты здесь каким чудом?

- Ох, товарищ Баранов, не спрашивайте. Ступайте за мной. Мы дворами, огородами… [35]

- Да объясни толком!

- А я в этой кутерьме и сам не разберусь. Выполняю приказ Геккера: разыскать Баранова и сопроводить его до Могилев-Подольского. Я за вас головой отвечаю.

Картина несколько прояснилась, когда они прибыли в Могилев-Подольский. Генерал Щербачев отказался принять делегатов, вернувшихся в Яссы, и сообщил по телефону Геккеру, что не может освободить Рошаля, так как тот арестован румынскими властями. Генерал заявил, что при сложившейся на фронте ситуации румынские части ему уже не подчинены. Геккер спросил Щербачева, где находится сейчас Баранов, и тут командующий оборвал разговор по телефону.

Чтобы предупредить Баранова, Геккер погнал секретаря ревкома Ванюшу Панина в Романы. Ванюша оседлал самого резвого коня. От Могилев-Подольского он скакал таким бешеным аллюром, что запаленная лошадь не выдержала и пала под седоком на полпути. В Романы Ванюша проник затемно. Болели натертые ноги, но он обошел всех знакомых солдат. От них узнал об аресте комитетчиков, о бесчинствах румынской военщины. Оказывается, кто-то уже предупредил румын, что Баранов подался в Романы, и здесь готовили над ним расправу. Никакого представителя Центральной рады в Романах, конечно, не было.

Румынский фронт окончательно развалился. Пришла тревожная весть о наступлении немцев. На Украине, почуяв безвластие, разгулялись разбойничьи банды самозванных атаманов. Баранов и Геккер стянули в Могилев-Подольский десять тысяч добровольцев. Это была Красная гвардия, созданная Военно-революционным комитетом бывшей восьмой армии, и

теперь, по приказу из Центра, она готовилась к походу на север.

А на севере уже разгоралась гражданская война.

Новый, восемнадцатый год занимался над Россией в огнях пожарищ.

5

Лишь месяц спустя, под Уманью, Баранов и Геккер узнали о расстреле Семена Рошаля.

На глухом полустанке Баранова и Геккера задержала необычная охрана - китайская. Русского языка китайцы [36] не знали, никаких мандатов не признавали и доставили задержанных в штабной вагон, к своему комбату, который, к счастью, оказался не китайцем. За грубо сколоченным столом сидел красивый парень с густой копной смолисто-черных волос. По внешнему облику трудно было сразу определить - русский он или украинец, молдаванин или еврей. Баранов и Геккер представились, показали свои документы.

Парня звали Якиром. Фамилия бывшего члена Бессарабского губревкома была знакома Баранову. Якир организовал первый в Кишиневе красногвардейский отряд, а теперь командовал батальоном китайцев, добровольно перешедших на сторону революции и принятых в состав Тираспольского красногвардейского отряда.

Курс движения у всех один - на север.

Заговорили о китайцах.

- Как же вы ими командуете? - спросил Геккер Якира. - Лопочут бог весть что… Немой батальон!

- Зачем немой? - обиделся Якир. - Они отлично понимают, что к чему. И службу свою знают. На Румынском фронте офицеры поиздевались над ними, просветили, можно сказать. А слово «Интернационал» на всех языках звучит одинаково.

Знал Якир лишь несколько китайских слов, однако понимал своих бойцов настолько, что смог по их рассказам зримо представить себе расстрел одного большевика. Китайцы показали Якиру на карте место, где они работали у румын на рытье окопов. Мимикой, жестами, искусно подражая звукам, они горячо объясняли своему комбату, как однажды ночью побежали на выстрелы к оврагу, но увидели только верховых, ускакавших к Унгенам. А утром в овраге нашли труп убитого.

Якир с грустью сказал:

- Все время твердят мне: «Ты комиссар, там комиссар». И показывают, что тот, расстрелянный под Унгенами, тоже был молодой, на меня похожий. Носил такую же кожанку…

Баранов побледнел. Геккер заметил это, стал разубеждать:

каких только небылиц не услышишь на войне!

- Это был Рошаль, - глухо сказал Баранов. - Питерский комиссар Рошаль. - Пытливо глядя на Якира, спросил: - Сколько вам лет, товарищ?

- Двадцать. Уже исполнилось двадцать. [37]

- И ему было столько же… Черноволосый, в кожанке…

Баранов и Геккер молча распрощались с Якиром. Вместо долгих напутствий - короткое, сильное рукопожатие. Так расстаются молодые люди, не озабоченные тем, когда и где сведет их опять судьба.

Да и кто знал тогда, как сроднит революция судьбы юных своих сыновей?

Коммунисты

1

…Шесть лет спустя в Колонном зале Дома союзов, у гроба любимого вождя, они стояли рядом - бойцы, ставшие командармами. А когда Баранов, подавленный неизбывным горем, пришел домой, там уже ждал его курьер из редакции, чтобы получить отклик на смерть Ленина.

- Умер Ленин… - продиктовал Петр Ионович жене и надолго замолчал, потому что после этих двух слов, потрясших мир, иные слова представлялись ему ненужным лепетом.

Белла сидела недвижно, притихшая, только нервно вздрагивали веки, смахивая слезу. Тяжко вздохнул курьер: понимал, как нелегко сейчас командиру, шагающему из угла в угол. А Петр Ионович думал о том, что же в суровый час сказать читателям - красноармейцам и командирам, летчикам и мотористам?

…В канун войны, схваченный жандармами и преданный военно-полевому суду, Петр Баранов не пал духом - уже тогда была партия коммунистов и был Ленин. Когда далеко от Петрограда, над окопами Румынского фронта, заалели на солдатских штыках лоскутки материи, то их подняли с именем Ленина. Потом прошелестели боевые красные стяги на полях сражений в Донбассе, под Бугурусланом, в Туркестане - знамена тех армий, в которых он был ленинским командармом, ленинским комиссаром, членом ленинских реввоенсоветов… Петр Баранов знает: самый страшный для армии враг - уныние и отчаяние бойцов. Вот об этом и надо сейчас сказать.

- Бессмертно и непобедимо дело Ленина, - диктовал Петр Ионович. - Оно непобедимо потому, что партия, созданная [38]

Лениным, прошла вместе с ним тяжелую школу революционной борьбы. Потому, что партия, руководимая Лениным, выковала такую организацию, которая исключает шатания и колебания. Потому, что партия, имея во главе Ленина, владевшего в совершенстве революционным марксистским методом, правильно оценивала положение, правильно анализировала обстановку.

Ленин умер. Созданная им партия, работавшая под его руководством десятки лет, впитавшая его учение, - РКП - живет.

Ленин умер - жив ленинизм!{1}

* * *

…Менее двух лет прошло, и два командарма - Баранов и Якир - провожали из Колонного зала в последний путь своего друга и учителя Наркомвоенмора М. В. Фрунзе. Была эта смерть настолько внезапной, неожиданной, что даже десять лет спустя Иона Якир в своих воспоминаниях о Фрунзе скажет:

«…Шесть часов утра. Раздался телефонный звонок, и мой лучший друг и товарищ Петр Баранов сказал мне, что умер Фрунзе…

За два дня до операции мы были с Петром Барановым у Михаила Васильевича. Бодрый, сильный человек. Никак нельзя было подумать, что может случиться такое…» {2}

А Баранов сразу же после смерти Фрунзе писал:

«В субботу на рассвете его не стало. Не верилось этому известию. Диким и жестоким, бессмысленно нелепым казалось потерять такого стойкого и преданного борца за коммунизм… Но случилось так, что крепкий и жизнерадостный человек, еще вчера подававший надежды на скорое выздоровление, что этот человек умер. Но это так. Умер Михаил Васильевич…» {3}.

Это был не обычный некролог с перечислением всем известных заслуг Фрунзе. Баранов, близко знавший Фрунзе, воскрешал живой образ революционного командарма, народного комиссара, партийного руководителя, обладавшего «изумительной способностью сколачивать вокруг [39] дела, которому он беззаветно служил, людей самых разнообразных характеров». Вот штрихи портрета Фрунзе, нарисованного Барановым: «Его добрая улыбка, его живые голубые глаза излучали так много любви, веры, энергии!… Атмосфера взаимного доверия, напряженной энергии и властного желания сломить препятствия царила вокруг него в штабах, на фронте, в партийных организациях». Свою статью о Фрунзе для «Красной звезды» Баранов закончил словами: «Окрыленное любовью, живет

это прекрасное имя - Михаил Фрунзе» {4}.

…Пройдет еще восемь лет, и Якир будет оплакивать внезапную трагическую смерть своего лучшего товарища Петра Баранова. Они так любили друг друга, что Иона Якир нарек своего сына Петром. «Вот и в моей семье есть Петр Ионович», - говорил он.

2

…Рассказ о коммунистах, о верных ленинцах, мужественных и бескорыстных, надо начать с приказа Реввоенсовета Республики за номером 69.

Чтобы привлечь внимание взбудораженных солдат, Баранов громко объявил:

- Слушайте приказ Реввоенсовета Республики…

Его перебили:

- Не надо! Какой там еще приказ?

Тонкий голос из первых рядов всех перекричал:

- Ти-ха! Это же военный комиссар штаба армии! Послушаем!

- Долой! - горланили из задних рядов. - Комиссар, а замашки старые!

- Приказами стращает? Не те времена…

Барак набит до отказа. В маленьких оконцах, густо покрытых инеем, едва пробивается свет. Баранов щурит глаза: в махорочном дыму не видать средних рядов. Пахнет дегтем от смазанных сапог и кислой овчиной.

Солдаты Николаевской дивизии, мобилизованные из местных крестьян, бунтовали. Тревожные сигналы о самосудах над коммунистами и политработниками поступали из разных полков. Куриловский полк отказался выполнить приказ о наступлении на Уральск, и это уже походило [40] на мятеж. Его зачинщики умышленно провоцировали слухи о суровых наказаниях, которые вот-вот обрушит на куриловцев реввоенсовет четвертой армии. Обстановка еще больше накалилась, когда стало известно, что в полк прибыли представители реввоенсовета.

Куриловцы повалили на митинг, захватив винтовки. Без всякой охраны их ждали председатель реввоенсовета Линдов, комиссар штаба армии Баранов, представитель ВЦИКа Майоров и уполномоченный Самарского губкома партии Мягги.

* * *

Распахнув шинель, Баранов вынул из нагрудного кармана гимнастерки бумагу, развернул ее:

- Слушайте приказ Реввоенсовета Республики за номером шестьдесят девять. Читаю: «Солдат-коммунист…»

- Опять про коммунистов? Не желаем!

- А что вы знаете о коммунистах? - Баранов резко поднял руку, и лист затрепетал в его пальцах. - Вот здесь, в этом приказе, сказана правда о коммунистах. Слушайте! - И стал читать: - «Солдат-коммунист имеет такие же права, как и всякий другой солдат, ни на волос больше; он имеет только несравненно больше обязанностей».

Такого приказа куриловцы не ожидали, смолкли. И тогда, едва сдерживая дрожь от боли и обиды, Баранов крикнул:

- Под чью дудку пляшете? Кому нужна власть без коммунистов и чья это будет власть? Где ваши главные заводилы? Горланов много, а где шептуны?

К столу пробился огромный бородатый солдат, на ходу спрашивая Баранова:

- Шептунов ищешь? Я тебе без шепота… Зачем отрывать нас от родной, кровью политой землицы? - Куриловец потрясал в воздухе кулачищами, гремел зычным басом: - Отвечай! Зачем нам с этого фронта ехать на другой? Кому это нужно?

- Революции нужно, наши штыки…

- Шиш тебе - не штыки! - Куриловец повернулся спиной к Баранову. - Слыхали, браты, как обманывают нас коммунисты? Равные права!… Поравняла революция мужика с барином, и баста! Так нет же, объявили мужика хозяином земли, а потом этого хозяина за шкирку: «Ступай в чужие края кровь проливать!» За кого? [41]

Еще один куриловец прорвался к столу, скинул папаху и поклонился собранию:

- Дозвольте спросить гражданина комиссара? Мы уйдем, а тут буржуазия опять верх возьмет - беляки с бабами и ребятишками скоро справятся. И как она тогда, революция, обернется? Извольте, гражданин комиссар, пояснить народу! - с вызовом закончил он и, весьма довольный своим вопросом, остался стоять у всех на виду.

Ответить Баранову не дали. Снова загалдели:

- Гдей-то дерутся, а здесь у мужика лоб трещат.

- Не «гдей-то», голова! В своей же России.

- А России краю нет. А тут землица наша. Она что журавель в руках…

- Так ведь и коммунистам не синица в небе…

- Везде свои землепашцы, тамошние за себя постоят.

- Хе, нашли дураков! Неча на чужом горбу…

- Мутит комиссар, не желаем!

3

Баранов терпеливо ждал, пока собрание успокоится.

- Ти-ха-а! - властно потребовал тот же тонкий голос из первых рядов. - Дайте комиссару досказать!

Теперь Баранов приметил малорослого белобрысенького солдата и заговорил, обращаясь только к нему:

- Спасибо, солдат. Пусть пошумят… А тебе вот что скажу. Я комиссар, коммунист - это уж помимо солдатских обязанностей. Полтора года служил на Румынском фронте в Ленкоранском полку. Вшей кормил, в штыковую на австрийцев ходил…

Тише стало в бараке, куриловцы прислушались, и Баранов, не отрывая взгляда от белобрысенького, тем же тоном продолжал:

- Сам знаешь, какая она, жизнь солдатская. Позапрошлой осенью, сразу после революции в Питере, приехал к нам, на Румынский фронт, комиссар Рошаль. Он, пожалуй, тебя помоложе. Все бросил: дом, институт, родителей - и примчался к нам.

- Байки! Зачем они тут? - раздалось из президиума. Баранов узнал голос комбата Гольцева и не отозвался.

- Слушай дальше, солдат. Расстреляли Рошаля. Сам командующий Румынским фронтом генерал Щербачев отдал Рошаля в руки палачей. Так то ж матерый генерал! [42]

Смертный враг революции! Он знал, что у коммуниста везде одна правда - в Питере и в бессарабской деревне, дома и в окопах. Больше австрийцев боялся генерал Щербачев той правды, что привез на фронт молоденький ленинский комиссар.

А бородатый куриловец не унимался:

- Так нет же у нас генералов! А комиссар есть. Свой. Комбат Гольцев.

- Вот как?

- Да, вот как! - с явным злорадством крикнул Гольцев. - Я тут сейчас за командира и комиссара по воле масс… Предлагаю говорить по существу.

- Могу тебе, солдат, по существу сказать, - с подчеркнутым вниманием к белобрысенькому продолжал Баранов. - Рошаль - мой земляк, и я питерский. Батюшка - неграмотный водовоз, а я счетному делу обучен, и нашлась бы для меня в Питере подходящая служба. - Он чуть замялся, застенчиво улыбнулся: - И невеста тоже… Глядишь - семья, дело нехитрое…

Кто- то крякнул, вызвав веселое оживление. Гольцев вскочил, он нервничал, хотел перебить Баранова, но тот неожиданно зло стукнул кулаком по столу:

- А кто нашу свободу защитит?! - Теперь не к одному солдату

- ко всему собранию взывал Баранов. - Бог? Царь? И не покинул я армию, не воткнул штык в землю. Крестило меня огнем на Днестре и на Днепре. С вами в бой пойду аж за Урал. Прикажут - с вами поеду на юг драться с Деникиным. Нет у меня своей хаты с краю. Когда на околице домишко горит - всей деревней тушат…

Кто- то заметил:

- Смотря куда ветер дует.

- Отовсюду на нас ветры навалились. Это контрреволюция раздувает пожары войны. Мы в кольце блокады мировой буржуазии, и не будет нам покоя, пока последний пожар не потушим. Своя землица? - Баранов искал кого-то глазами. - А не будет ее у тебя, этой землицы! - обратился он теперь к бородатому куриловцу. - Не будет, коль на всей Руси не утвердим единую Советскую власть рабочих и крестьян. Кто тебе другое нашептывает - твой же враг! Вот у Чапаева тоже любят помитинговать, но вредных для революции шептунов быстро раскусили и сурово наказали.

Баранов круто повернулся к Гольцеву, и все замерли. [43]

Будто сгустилась та тревожная тишина, какая бывает перед решающей схваткой.

- Не байки приехал я сюда рассказывать, самозванный комиссар Гольцев. Должен вас предупредить…

Не выдержал Гольцев, метнулся к Баранову:

- Угрожаешь? Это ты мне угрожаешь?! - Братья-однополчане, не тот приказ зачитал вам штабной комиссар, не тот… Есть другой, тайный от нас приказ, что прислал мне из Деркуля Семенков. В том приказе Линдов, Баранов и вся их камарилья порешили начисто изничтожить куриловцев за то, что не пошли на Уральск. Они приказали летчикам забросать нас бомбами. Вот какую участь приготовили нам…

И грохнул барак от криков и возмущений. Грохнул, точно уже разорвалась где-то поблизости бомба.

Гольцев ликовал.

В неистовом галдеже никто не слышал, как подбежавший к Гольцеву Линдов крикнул ему:

- За такую провокацию вас надо расстрелять!

И уже не в силах был Баранов унять разбушевавшихся куриловцев. Они требовали очной ставки с Семенковым.

Решили вызвать из Деркуля Семенкова и собраться на другой день.

4

Вагон, который занимали политработники, стоял в Озинках, на путях Уральской железной дороги. Линдов, Баранов и их

товарищи обсуждали создавшееся положение. Опасались, что Семенков не приедет, так как в Деркулях тоже митинговали, и там сейчас находился командир Куриловского полка Наумов. В штабе армии знали о распрях между Наумовым и Гольцевым и догадывались, что отъезд Наумова в Деркуль не был случайным. А от Гольцева можно ждать новых провокаций.

Была полночь, когда в Озинки прибыл бронепоезд. Командовал бронепоездом Богданов, друг и собутыльник Гольцева. Пьяная команда бронепоезда отказалась подчиниться начальнику станции и маневрировала на путях.

- Учинят крушение, - жаловался начальник станции Линдову. - Помогите смирить их.

Но уже было поздно. В ответ на окрик часового «Стой, [44] кто идет?» раздалась площадная брань, и стены вагона загремели под ударами прикладов. Первым в дверь вломился Богданов.

- Вагон оцеплен, сопротивление бесполезно, - заявил он Линдову. - Складывайте на стол оружие.

- Назад, сукин сын! - Линдов выхватил из деревянной кобуры маузер. - За мной, товарищи!

Не ожидал Богданов такого отпора и метнулся в сторону. Вслед за Линдовым из вагона успели выскочить Майоров и Мягги. В это время ударил пулемет бронепоезда. И Майоров, а за ним и Мягги были сражены наповал. Раненый Линдов добежал до фонарного столба, обхватил его, но хлестнула еще одна пулеметная очередь, и Линдов рухнул.

Гольцев видел, как искололи куриловцы штыками мертвые тела Линдова и его товарищей, потом, сопровождаемый охраной, зашел в вагон. Там, на полу, лежал сбитый с ног Баранов. Над ним стоял начальник бронепоезда.

- Я не бандит! - истерично кричал пьяный Богданов. - Я выполнял приказ, а кто не подчинился и побежал…

Гольцев отстранил Богданова.

- Не твоя забота, не оправдывайся. Цепляй вагон, и с богом - в Деркуль. Расскажем, какая тут заваруха получилась. Слышал приказ, Богданов?

Командир бронепоезда ушел. Гольцев присел к столу и долго разминал в пальцах папиросу. Руки у него мелко дрожали.

- Все! - сказал он поднявшемуся на ноги Баранову. - Будешь теперь главным среди заложников. Молись, чтобы из штаба прислали нам грамоту об уважении и гарантиях. Недорогая плата за голову комиссара из штаба армии… Вот они какие байки! Ты меня предупредил, а я всех вас упредил. Ясно?

- Бандит.

У Гольцева сузились глаза.

- Веселый у нас разговор получается. А Линдов грозился меня расстрелять, да и у тебя рука не дрогнет… Так если штаб наши условия не примет, я тебя, Баранов, расстреливать не стану. Зачем? Пулю жалко. Я тебя, Баранов, спущу на веревке в колодезь. Есть тут, неподалеку… Летом он высох, и на дне, в жиже, завелись пакостные гадюки… Поагитируй их. Заворожи своими байками. [45]

Вот так мы… Тихо, без пальбы. Крышку колодца прикроем, заколотим…

Баранов отрешенно смотрел в окно вагона, и это взбесило Гольцева. Он выплюнул горящий окурок на голову Баранова, нервно рассмеялся:

- Характер большевицкий показываешь, а у самого душа в пятках… Хотя чего голоштанному терять? Должность комиссарскую да пролетариев всех стран?… Ну какой ты крестьянский сын? Ни кола у тебя, ни двора. Ни жены, ни семьи. Невесту и ту еще не заимел.

Гольцев опять нервно рассмеялся. Вспомнил речь Баранова и передразнил его:

- «Нашлась бы и для меня в Питере подходящая»… Я тебе, гад, подберу невесту! - Гольцев грузно поднялся, сжал кулаки: - Со смертью - вот с кем я тебя обвенчаю, комиссар.

Вагон сильно дернуло. Бронепоезд увез заложников в Деркуль.

А там еще митинговали.

Командир Покровско-туркестанского полка Яновский требовал повернуть полки «на тыл».

- В штабах - контра, нас предали! - вопил Яновский.

- Врешь, кулачья твоя душа! - наступал на него командир куриловцев Наумов. - Твоего геройства хватит, чтоб громить тылы. На Уральск надо наступать и громить беляков. Докажем Советской власти преданность революции.

В помещение ворвался Богданов. Он подбежал к Наумову. Всхлипывая, размазывая по лицу слезы, Богданов стал каяться, клясться, но едва ворочал языком, и его пьяную болтовню никто понять не мог. И тогда Гольцев доложил сбору о событиях в Озинках - так доложил, что жертвы расправы выглядели виновниками, а над заложниками Гольцев требовал тут же учинить суд.

- Контра! - снова разбушевался Яновский. - К ногтю ее! И холуя Наумова… Где он? Куда скрылся?

Наумов побежал к вагону реввоенсовета. Гольцев нагнал его, строго предупредил:

- Охрана моя, и пропуск в вагон только по моему паролю.

Никаких мер без моего согласия Не принимать! [46]

Наумов принял это условие, и Гольцев провел его в вагон. Слушая перепалку Баранова с Наумовым, Гольцев ухмылялся. Уходя, сказал Баранову:

- Готовься, раб божий. Скоро свадьбу сыграем.

В томительной безвестности прошли еще двое суток.

Однажды Наумов явился в вагон без Гольцева, но Баранов не стал с ним разговаривать. Наумов сменил караул, сам приставил к Баранову круглолицего солдата в дубленом полушубке. Спросил солдата:

- Знаешь, кого охраняешь?

- Знаю.

- Помнишь, как его охранять?

- Постараюсь.

5

«Со смертью - вот с кем я тебя обвенчаю».

Не угроза Гольцева - совсем другое тревожило сейчас Баранова.

Гольцев пока его не обыскал, Гольцев знал, что главный из заложников - безоружный. А как злорадствовал бы бандит, как пакостил бы дорогое Баранову имя, если бы из кармана гимнастерки комиссара извлек письмо Беллы.

Теперь строки этого письма - слово в слово - пришли Петру на память:

«Любимый мой!

Я к тебе приеду, и ты не должен в этом сомневаться. Другом, невестой, женой - кем хочешь представишь меня своим товарищам. У меня сейчас такой прилив сил, будто вырастают крылья. И уже никто и ничто не удержит меня в Питере».

Письмо Беллы вручили Петру, когда он, закутавшись в ямщицкий тулуп, выезжал на санках из ворот штаба армии, направляясь в Куриловский полк. Уже стемнело, густо валил снег, но, узнав знакомый почерк, Петр сразу вскрыл конверт.

Беллу разыскал в Питере Василий Володин, товарищ Петра по революционному подполью. Володин был в переписке с Иваном Акуловым. Акулов знал о тревожных событиях на Румынском фронте, о тяжелой обстановке в Донецкой армии, которой на юге командовал Баранов, но лишь на Восточном фронте получил первую весточку о [47] Баранове и тут же сообщил ему все адреса питерских товарищей. Все, кроме адреса Беллы. А на окраине Петрограда был дом, куда стекались все сведения о Петре и его друзьях. И когда Белла приехала навестить замужнюю сестру Петра, Ефросинью, ей показали

письмо Акулова, председателя Оренбургского губкома партии. Акулов просил прислать ему табаку. «Вся надежда на вас, дражайшая Фросенька, и на Петра - его адрес я теперь знаю».

Белла тут же помчалась на почту.

Первое ее письмо несказанно обрадовало, но и чем-то встревожило Петра. Они долго не переписывались, и надежда на встречу казалась обоим призрачной. Не потому ли, перечисляя общих друзей, Белла будто невзначай написала: «Вербицкого ты знаешь. Я, глупая, старалась себя убедить, что ближе Вербицкого у меня уже никого нет - ведь слухи о тебе были самые страшные. Нет, не хочу об этом думать - ты жив, здоров, и какое это счастье! Я не фаталистка, но теперь хочу верить: кто любим, того сама судьба бережет».

Петр тут же ответил ей. Он не находил слов, чтобы доказать Белле, как еще сильнее любит ее и как тоскует по ней. В письме Петр вспомнил вечер в Новой Деревне, на котором Белла читала стихи узника Шлиссельбурга Николая Морозова. Помнит ли она «Звездные песни»? Он их не забыл: «Мы тоске немой и ненавистной овладеть сознаньем не дадим. Будем жить любовью бескорыстной…»

Белла сразу отозвалась, и ее второе письмо лежало теперь в кармане гимнастерки.

6

- Дозвольте.

Круглолицый солдат, приставленный Наумовым, поставил перед Барановым чайник, рядом положил краюху хлеба и что-то завернутое в белую тряпицу.

- Не знаю, как вас величать, - сказал солдат, - только кушать надо. Не побрезгуете из моей кружки?

- Нет. А величать меня надо товарищем.

Замялся солдат:

- Какие тут товарищи? Я беспартийный, рядовой, охраняю коммуниста и главного комиссара. Охраняю до суда, как приказано…

- Не будут меня судить! - убежденно сказал Баранов. [48] - Не меня - предателя Гольцева ждет суровая кара. Запомните это, товарищ красноармеец.

- И я так думал, когда слушал вас на митинге в Куриловском. А Гольцев повернул дышло, и эвон как вышло…

- Еще не вышло! Я из двух тюрем - питерской и казанской - ушел. От двух охранок - русской и румынской - бежал. В Питере, на Первомайской демонстрации, пуля только царапнула, на фронтах смерть миловала. Какой может быть надо мной честный

революционный суд? Если убьют, так по-злодейски, как убили Линдова. Знаешь, солдат, кто такой Линдов?

- Теперь никто, прах… Да и при жизни мне лично не знакомый.

Баранов встал и тихо, будто доверяя солдату великую тайну, сказал:

- А Ленину он был лично знакомый. «Дорогой товарищ» - вот как Ленин обращался к Линдову в письмах. Когда за Лениным охотились царские ищейки, он у Линдова скрывался. И тот жизнью рисковал, чтобы уберечь нашего Ленина.

- Ай правда? Так это, ежели народу сказать…

Налив в кружку заваристый чай, солдат развернул тряпицу, взялся было за нож, но колоть большой кусок сахара не стал и бережно опустил его в кипяток.

- Кушайте.

Кто- то сильно постучал в стенку вагона. «Замерз часовой», - сказал круглолицый, подкинул дров в печку и пошел открывать дверь. «Упрел я, бежамши!» - услышал Баранов знакомый голос. В вагоне стоял не часовой, а тот самый белобрысенышй солдатик, который сочувственно слушал Баранова на митинге.

Солдаты ушли в тамбур и долго там шушукались.

Перед рассветом Баранова разбудил отчаянный шум. Где-то на путях разорвались два снаряда, и коротко застрочил пулемет. Потом уже совсем рядом с вагоном раздались крики, они перемешались с глухими ударами дерущихся, и несколько раз пальнули из винтовки.

Баранов подбежал к печке…

Ворвался круглолицый солдат. Без папахи, в расстегнутом полушубке и разодранной гимнастерке, был он сейчас страшен. Заметался по вагону, что-то разыскивая, и внезапно остановился перед Барановым. [49]

- Запру я вагон. Никому не открывайте… А за Пантелейку я им отомщу. За все отомщу! - Зло выругался и убежал.

…Через час заложников освободили, и Баранов узнал, как прозрели куриловцы. Зачинщики бунта переметнулись к белым. Из Покровско-туркестанского полка они завели в тыл врага две роты безоружных красноармейцев. Как только куриловцы узнали, что и Гольцев куда-то сбежал, послали они взвод солдат в Деркуль к своему командиру полка. А в Деркуле уже находились представители штаба армии Берзин и Кучмин.

* * *

Белла приехала на фронт в начале марта, и тоже в очень неспокойное время: в тылу четвертой армии вспыхнул новый, так называемый «Ставропольский мятеж эсеров». На его подавление по прямому указанию нового командующего четвертой армией Михаила Васильевича Фрунзе был послан особый отряд во главе с Барановым.

Петр, прощаясь, сказал Белле:

- Скучать тебе здесь не дадут. В губкоме партии ра боты невпроворот.

- Куда ты едешь?

- Обычная служебная поездка, - успокоил ее Петр. - Учли мой опыт.

Об аресте Петра в Озинках Белла ничего не знала. Да и сам он гораздо позднее узнал подробности драматических событий, разыгравшихся на станциях Озинки и Деркуль. Десять лет спустя Барановы получили два письма. Первое пришло из подмосковного дачного поселка Салтыковская, от Наумова:

«Товарищ Баранов. До сих пор гнетет меня мысль, что вы считаете меня не тем, кем я был и есть на самом деле. И решил я рассказать вам о событиях той зимы. Вам было тяжело, но и мне, поверьте, не легче.

Яновский был потом пойман, судим и расстрелян. А предатель Гольцев, как вы знаете, шагу от меня не отходил и всех торопил расправиться с вами. Когда вы меня первый раз увидели с Гольцевым, то, наверное, решили, что и я заодно с ним. А я только и думал, как бы вас спасти. Хорошо, что сменил караул, - гольцевский мог учинить над вами самосуд. [50]

Вместе с Кучминым и Берзиным обсуждали мы план вашего освобождения. Только моего совета не послушались, четыре полка пошли в наступление на Уральск, а самый ненадежный, Покровско-туркестанский, оставили в резерве, близ Деркуля. Командир этого полка Яновский уже начал творить свое черное дело, но мы вовремя дали бандитам бой - короткий и жестокий…

Зачем я десять лет спустя пишу вам это? Среди заложников разные были люди. Перед Гольцевым заискивали, ко мне подлизывались. И вот я первый раз увидел комиссара Баранова. На него все смотрят, как на обреченного, а он нам показал, как ведут себя настоящие революционеры. Вы тогда сказали: «Убийцы Линдова покрыли себя позором. История уже приговорила их к позорной смерти». Гольцев при этих словах побледнел, а мне стоило большого труда удержаться и не пожать вам руку…»

Белла изредка прерывала чтение, вопросительно смотрела на Петра. Он слушал внимательно и, как ей казалось, недоверчиво. Некоторые признания бывшего командира Куриловского полка

действительно настораживали: тот писал о своих колебаниях, даже о своей трусости. Этого Баранов простить Наумову до сих пор не мог.

Зато второе письмо (подпись автора была неразборчивой и обратного адреса на конверте не было) очень обрадовало Петра:

«…И когда я прочел в «Известиях» вашу статью о Линдове и про те горестные дни, то порадовался, что вы живы и на высоком посту, в полном здравии, служите нашей Красной Армии.

Меня вы, конечно, не помните. Я есть тот самый куриловец, что охранял вас в вагоне, в Деркулях. Когда Пантелейка, мой друг, поведал нам о предательстве Гольцева, то мы решили хоть костьми лечь, хоть кровью, но искупить вину перед рабоче-крестьянской властью и не дать свершиться еще одному злодейству.

А драка на путях была лихая. Пантелейку казаки изувечили, чуть до смерти не пришибли. Но к вагону мы их не подпустили…»

- О чем это он? - спросила Белла.

Петр долго молчал. Былое, давно минувшее, тревожило его память. Но жена ждала ответа, и Петр сказал:

- Все твои письма, Белла, я сохранил. Кроме одного, [51] самого дорогого… Не мог я допустить, чтобы твое письмо попало палачам в руки. Сжег! Разве я тогда знал, что суждено нам получать вот такие письма?…

7

Две строчки из послужного списка Петра Ионовича Баранова рассказывают, как большой начальник вновь стал рядовым бойцом, хотя никто его в рядовые не разжаловал.

Две строчки… Они имеют прямое отношение к приказу Реввоенсовета Республики за номером шестьдесят девять.

В марте 1921 года триста двадцать делегатов десятого съезда партии по предложению Ленина и по решению съезда выехали на подавление Кронштадтского мятежа.

Страна только вышла из войны, и Ленин сравнивал Россию с человеком, «которого избили до полусмерти». История еще раз подтвердила ту непреложную истину, что для победы революции недостаточно разгромить врага в открытом бою. Победу надо закрепить.

Две строчки из послужного списка. Что за ними скрывается?

* * *

В скованном льдом Финском заливе, у берегов Кронштадта,

«Петропавловск», «Севастополь» и другие военные корабли ощетинились жерлами своих орудий.

В боевую готовность приведены батареи фортов.

Кто угрожает Кронштадту? Никто. Но крепость - в руках мятежников, и теперь они угрожают Петрограду, Москве, всей Республике Советов.

На исходе вторая неделя мятежа. В Кронштадте за спиной «беспартийного», «вольного» матросского ревкома замаячили мрачные фигуры бывшего генерала Козловского и бывшего командира линкора «Петропавловск» барона Вилькена. Нити заговорщиков потянулись на запад, где ждут не дождутся ледохода. Тогда под любым предлогом можно двинуть к русским берегам иностранные корабли.

Медлить нельзя. [52]

Если начнется потепление и вскроется лед - наступление через Финский залив уже исключается. Если потом удастся взять крепость, если даже рухнут надежды мятежников на помощь иностранного флота, главари мятежа уведут захваченные корабли к чужим берегам.

Медлить нельзя!

12 марта в третьем батальоне 238-го Брянского полка, стоявшем близ станции Мартышкино, появился новичок, рядовой боец, родом из Питера.

В малочисленной партийной ячейке батальона стало одним коммунистом больше.

8

- И чего, питерец, бунтует матросня в Кронштадте? Чего они хотят?

Питерцу нетрудно ответить на такой вопрос. Ему хорошо знакома преемственность тактики Самарской «учредилки», бунта в Куриловском полку и демагогии «беспартийного» ревкома в Кронштадте. Но как это объяснить бойцам просто, убедительно, чтобы рассеялись всякие сомнения? Питерец не скрывал от солдат лозунгов мятежников. Вот они, к примеру, хотят «вольных советов» без коммунистов и полную свободу кустарю. А за спиной мятежников притаились те, которым нужно совсем другое. «Свято место пусто не бывает». Вместо коммунистов придут анархисты и эсеры, они быстро столкуются с буржуазией. За кустарем и торговцем потянется фабрикант, за кулаком-мироедом - помещик.

- Нуте-с, раскиньте мозгами - что к чему? - спрашивал питерец. - И еще возникает такой вопрос: как мог вспыхнуть мятеж? Голодно в стране, разруха большая. И спекулируют на этой беде те, кто ее накликал. В открытом бою мы врагов

растрепали, вот они решили попробовать взять нас тихой сапой.

Слушали его сочувственно. Кто-то сказал:

- Раз сапа завелась, надо с ней разом кончать. Зачем тянуть? Самая пора, пока лед крепкий.

Но перед наступлением лазутчики из мятежного стана распустили слух, будто лед уже местами трещит. Пехотинцам надо пройти не один и не два километра, да еще с полной выкладкой. А если пальнут из фортов, из тяжелых [53] орудий «Петропавловск» и «Севастополь»?… Где и когда это видано, чтобы матушка-пехота шла на морскую крепость? Да еще по ломкому льду?

Ночью полк был на исходных позициях. За дымкой тумана, за маячившими прожекторами кораблей ударили дальнобойные орудия, раскалывая тишину. Первые снаряды стали долбить лед. То тут, то там раздались в цепи крики:

- Потопнем, братцы! Все потопнем…

- Не земля, не зароешься. И хоронить некого будет.

- Зато рыбам корм… И-эх!

После зычной команды все рванулись вперед, но вскоре опять залегли. И тут бойцы увидели питерца. Стоял он перед ними во весь рост. Узнали его по худой, высокой фигуре и по голосу. Он не кричал, а слышали его по всей цепи.

- Лежим? - обратился он к бойцам третьего батальона. - Ночь долгая, темная. Мятежники не видят нас, прицельный огонь вести не могут. И лед крепкий. А мы лежим. Чего ждем? Пока лед под нами подтает? Что же это такое, товарищи? Кто за мной? Вперед!

И пошел вперед не оглядываясь.

Зашевелилась цепь, поднялась и, несмотря на усилившийся огонь вражеских батарей, пошла вслед за питерцем в сторону Петроградских ворот Кронштадта.

* * *

В журнале боевых действий 238-го Брянского полка имеется такая запись:

«17 марта 1921 г.

Два часа ночи.

Полк перешел в наступление по льду, выдерживая направление от Мартышкино обходом с восточной стороны на Петроградские ворота. Полк наступает, несмотря на сильный, хотя и беспорядочный, огонь противника.

Настроение красноармейцев бодрое.

В полутора верстах от Кронштадта встретили бежавших назад

бойцов из соседней дивизии. Полк не дрогнул, продолжая двигаться вперед.

7 часов 25 минут.

Через Петроградские ворота полк прорвался на восточную окраину Кронштадта». [54]

Теперь под ногами была земля.

Третий батальон дрался с яростным порывом, и, когда совсем рассвело, бойцы воочию увидели агонию мятежников.

Еще на южной стороне огрызался редкими залпами форт «Тотлебен», кое-где вспыхивали уличные схватки, но уже смолкли корабельные орудия, и безоружными толпами повалили мятежники в плен, когда узнали, что «вольный» ревком, прихватив барона Вилькена, драпает по льду к берегам Финляндии.

К вечеру третий батальон очищал подвалы и чердаки домов от спрятавшихся там мятежников. Ужинали красноармейцы в огромном зале какого-то адмиральского особняка. Опять заговорили о мятежниках, и питерец настойчиво убеждал бойцов не путать славных моряков Кронштадта, героев Октября, с горлопанами из «вольного» ревкома и с одураченными молодыми матросами. А красноармейцы, слушая питерца, дивились его неистощимой энергии и отчаянной храбрости. И на льду, и в горячих уличных схватках был он всегда впереди. Только сейчас не торопился к столу. Сначала почистил винтовку, потом посушил портянки, шинель.

Прибежал запыхавшийся связной из штаба дивизии и еще в дверях закричал:

- Есть здесь такой - Баранов?

- Есть.

- Из делегатов?

- Он самый.

- Разыскал! - несказанно обрадовался связной и тут же выпалил скороговоркой: - В Москву вызывают… Вот… - Он вытащил из полевой сумки бумагу. - Москва звонила Петрограду, оттуда в штаб армии, потом к нам… Разыскал я тебя!

И связной прочел телеграмму, как торжественный приказ:

- «Петроград. Комитету обороны. Если только есть малейшая возможность, настоятельно просим отправить немедленно в Москву Ворошилова, Баранова, Затонского. Просим известить о времени выезда. Ленин. Фрунзе».

Все с удивлением повернулись к питерцу: уж не ошибка ли?

Баранов смутился. Он быстро натянул сапоги, встал и тут же рассеял сомнение: [55]

- Меня касается… Нуте-с, дорогие товарищи, пора прощаться.

- Нет, постой! Толком объясни, кто ты такой есть? - решительно потребовали красноармейцы.

От ответа не уйти, а сказать надо коротко - телеграмма торопит.

- Кто я такой? Здесь, с вами, - солдат, боец Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Теперь уезжаю и стану, кем был до боев в Кронштадте, - начальником Политического управления войск Украины и Крыма. Фрунзе командует теми войсками, и потому он вместе с Лениным телеграмму подписал. Ждут меня новые дела. А вам спасибо за службу, за дружбу.

Баранов перекинул через левое плечо вещевой мешок, взял на ремень винтовку и козырнул бойцам.

Те, точно по команде, встали по стойке «смирно».

* * *

Подвиг рядового третьего батальона 238-го Брянского полка Петра Баранова был отмечен орденом Красного Знамени.

В приказе Реввоенсовета Республики за номером 23 сказано, почему П. И. Баранов удостоен такой награды: «Участвуя в штурме фортов и Кронштадтской крепости, личной храбростью и примером вдохновлял красных бойцов, чем способствовал окончательному очищению Кронштадта от контрреволюционных банд».

От первого до последнего сражения за власть Советов Баранов оставался верным приказу Реввоенсовета, который гласил: «Солдат-коммунист имеет такие же права, как и всякий другой солдат, ни на волос больше; он имеет только несравненно больше обязанностей».

Отгремели бои.

Кузнецы и пахари в солдатских шинелях истосковались по семьям, по работе. А на границах молодого социалистического государства было неспокойно, временами очень тревожно. Блокады чередовались с диверсиями, ноты с ультиматумами.

В первые мирные годы Советское правительство могло выделить очень мало средств на содержание войск, и по своей численности они едва достигали одной трети царской армии довоенного времени. Скромной была форма [56] одежды бойцов и командиров Красной Армии. Полководцы, обратившие в бегство хваленых генералов и адмиралов, выглядели по-солдатски просто. От рядовых бойцов их отличали малоприметные красные металлические ромбики на петлицах. Как на войне, так и в мирные дни они имели равные со всеми права и несравненно

больше обязанностей.

Стареют, покидают строй ветераны, и уже мало осталось людей, близко знавших Баранова. Ему было тридцать лет, когда он пришел в авиацию. Ровно десять лет стоял он у руководства воздушным флотом, и в эти годы вырастали первые крылья Советов, удивившие мир.

Давно ли это было? По хронике событий, составляющих историю советской авиации, можно восстановить и «дела давно минувших дней». Эта хроника не канет в Лету. Пока не поздно, надо собирать крупицы воспоминаний живых свидетелей. Пока не поздно!… Розысками архивных материалов, частично использованных в этой книге, занимался А. С. Черняков. Щедро делились своими воспоминаниями о Баранове его бывшие сослуживцы Ф. И. Жаров, Е. К. Стоман. Никому из них увидеть эту книгу не придется - они умерли в 1964 году.

Начиная вторую часть повествования, автор предоставляет слово ветеранам.

Старикам они так знакомы,
Жизнь прожившие легендарно,
Члены ЦИКа и Совнаркома,
Дипкурьеры и командармы{5}. [57]

Часть вторая. В муках и радостях

Что хранит память

1

Маршал авиации Федор Алексеевич Астахов раскрыл 51-й том Большой Советской Энциклопедии:

- Буква Б… Баранов Петр Ионович… Я так и предполагал, что мы ровесники.

Когда Петр Баранов увидел над Коломяжским ипподромом первые самолеты, Федор Астахов уже был зачислен в десятую воздухоплавательную роту, что стояла в Бердичеве. Петр Баранов ушел в революционное подполье, а рядового Федора Астахова «вознесли к небесам» - служил он в первую мировую войну мотористом на дирижабле, потом попал в Качинскую школу летчиков, сменял «мораны» на «фарманы», на «сопвичах» летал, сражался в авиации за власть Советов, не порвал с воздушным флотом в дни мира и не мог, конечно, Астахов не встречаться с Барановым. А из встреч, как известно, самой памятной бывает первая.

В Москве, на Центральном аэродроме, базировалась в 1924 году «Тренировочно-показательная эскадрилья». Командовать ею доверили Астахову. Приехал Астахов на аэродром, а там - ни души, хоть числилось в эскадрилье несколько сот человек. К ангарам не подойти - кучи грязи и мусора. [58]

Разыскал Астахов дежурного, спрашивает:

- Где народ?

Тот усмехнулся:

- Народ здесь бывает два раза в месяц. Двадцатого числа гроши получает, а первого - пайки.

Вот так «показательная эскадрилья»!

Была война, и Астахов разного насмотрелся. Тогда летчикам многое прощалось. Бензина, масла не хватало, и нередко вместо бензина заливали в моторы спирт, вместо масла - касторку. И такое бывало, что шла та касторка и на смазку мотора и на поджарку гнилой картошки или горсти зерна. Но почему сейчас, да еще под боком у самого Начвоздухфлота Розенгольца, развели «анархию - мать беспорядка»?

Розенгольц выслушал Астахова и небрежно отмахнулся:

- Есть сейчас помощник по политической части. Недавно прислали. Пусть и разбирается.

Пошел Астахов к «помполиту Начвоздухфлота». Это и был Баранов.

- Как вы сами намерены действовать? - спросил Баранов, внимательно выслушав Астахова. - Ваше мнение? Ваше решение?

- А чего тут решать? Гнилой нарыв. Без хирургии не обойтись. Присмотрюсь к людям, а там для пользы дела негодных предложу уволить в запас. Невзирая на прошлые заслуги. И всем ясно станет, где и зачем они служат.

Задумался Баранов. «Уж не очень ли крут новый комэск». Однако заверил Астахова, что тот может рассчитывать на полную поддержку, если наведет в эскадрилье должный порядок.

Через день была получка. Летчики собрались у кассы, а ее не открывают. Вместо кассира пришел дежурный по аэродрому и велел всем построиться.

- Это зачем?

- Новый комэск приказал всем взяться за грабли, метелки и расчистить дорожки к ангарам.

Зашумел народ. Одни хохочут, другие злятся и в крепких выражениях «крестят» нового командира, не подозревая, конечно, что он стоит рядом. Почему-то все решили, что новый комэск - «комиссар из пехтуры» и его надо просветить. [59]

- Ступай к этому чудаку, - говорит один летчик дежурному, - и растолкуй ему, кто мы такие и что такое есть на свете летчик.

Астахов выступил вперед и тоже обращается к дежурному:

- Растолкуй ему так. Сначала бог. Потом две тысячи метров, а потом летчик. И нет никого выше. - Круто повернулся к примолкнувшей толпе: - Я - новый командир эскадрильи. Болтовню прекратить! Отправляйтесь на построение. Языки почесали - теперь поработаем лопатой, граблями.

Жалобщики побежали к Баранову и… получили взыскание за неподчинение приказу нового комэска. Собрав коммунистов эскадрильи, Баранов сказал им, что новый комэск хотя и беспартийный, лучше иных понимает: дисциплина в авиации - дело политическое.

Через полтора года, когда Астахов уже командовал школой воздушного боя в Серпухове, опять поступила на него жалоба. Писали Баранову, что начальник Серпуховской школы чрезмерно строг, некоторым выпускникам задерживает представление к званию «военный летчик». При очередной проверке школы Баранов спросил Астахова, не слишком ли сурово обошелся он с теми, кто вынужден на него жаловаться.

- Нет! - решительно заявил Астахов. - Вы присылаете сюда людей, умеющих летать. А мы должны их научить бомбить, стрелять и драться в воздухе. Для того и существует наша школа. Если хотите знать, то при всем своем уважении к военной дисциплине я терплю некоторых озорников - в воздухе они показали себя настоящими бойцами. Чкалов, например, за шесть месяцев учебы не раз побывал на гауптвахте, но это же настоящий военный летчик! А бывают и такие: умеют взлетать да утюжить воздух… Зачем они армии?

И вторую жалобу Петр Ионович оставил без последствий.

При третьей встрече произошел между ними крупный и малоприятный для обоих разговор. Начался он в Оренбурге, закончился в Москве.

Прежде чем командовать Оренбургским авиационным училищем, куда перебазировались Серпуховская и Ленинградская школы, Астахову пришлось заняться строительством. [60] Баранов приехал в Оренбург к торжествам по случаю открытия училища.

Праздник прошел хорошо, успехи курсантов радовали Петра Ионовича, а похвалить начальника училища он не мог, ибо уже знал, что жалоба на этот раз имеет веские основания. Астахов перерасходовал большую сумму денег на строительство. Заводам-подрядчикам он выдал авансы при заключении договоров, но, чтобы рассчитаться с ними после выполненных работ, денег не хватило. На Астахова подали в суд.

- Видимо, товарищ Астахов, с финансовой дисциплиной вы не

в ладах, - сурово сказал Петр Ионович. - Подрядчики подали в суд, и придется вам держать ответ перед военным трибуналом.

Астахов мог возразить, что незаконно или в корыстных целях лишней копейки не потратил. Но не за это упрекал его начальник Военно-воздушных сил. Суда, видимо, не избежать…

Промолчал Астахов.

А суд так и не состоялся. На заседании трибунала была доказана правомерность перерасходов и просьб Астахова о дополнительных ссудах, которых он так и не получил. Когда Астахов явился к Баранову, тот уже знал о решении трибунала.

- Нуте-с, все хорошо, что хорошо кончается, - сказал Петр Ионович. - Но ведь вы знали, что у вас не будет денег рассчитаться с подрядчиками, что это грозит вам серьезными неприятностями. А продолжали строить. Нуте-с? - повторил он, ожидая ответа.

- Знал, - ответил Астахов. - Сознательно шел на риск. Вы мне приказали к десятилетию Октября открыть училище. Приказ выполнен. Что по сравнению с этим значит один Астахов, если бы даже его осудили?

Теперь уже Петр Ионович промолчал. Не мог он примириться с тем, что судьба одного человека так мало значит в сравнении с делом, которому этот человек служит…

- Почему я вспомнил эти с виду незначительные эпизоды? - спросил маршал Астахов. - Ведь были и куда более радостные события! Да только для того, чтобы биограф Петра Ионовича и читатели книги о Баранове знали, как мы строили свою авиацию и как нелегко нам было начинать. [61]

2

Сорок лет назад, в Ленинграде, на Петроградской стороне, в здании бывшего кадетского корпуса, открыли военно-техническую авиационную школу. Для производственных мастерских отвели манеж, куда с Комендантского аэродрома привезли отслужившие свой срок «ньюпоры», моторы «Гном», «Либерти». Курсанты сами оборудовали классы, казармы, столовую и клуб.

Начальником школы назначили Федора Ивановича Жарова, заместителем - Евгения Карловича Стомана. Баранов знал Жарова и Стомана по боевым делам на Восточном и Туркестанском фронтах. Жаров был комиссаром авиационных отрядов. Летчик Стоман командовал одним из этих отрядов - двадцать пятым. Служебная командировка нового начальника Военно-воздушных сил Баранова свела его на плацу ленинградской военно-технической авиационной школы с фронтовыми соратниками.

У генерала в отставке Жарова сохранилась фотография, помеченная 1925 годом. На ней запечатлена эта встреча.

Баранов находился в Ленинграде две недели. Жил не в гостинице, а на территории школы, в квартире ее начальника. Обедал в курсантской столовой - любил наваристые солдатские щи да крутую гречневую кашу. Даже по вечерам, в час досуга, не покидал казармы - играл с курсантами в городки, в шахматы.

Баранов дневал и ночевал в школе не только потому, что этого требовали интересы дела - учебный процесс только налаживался. Был тут и личный интерес. Начальник Воздушных сил чистосердечно признался Жарову:

- Хочу пройти у вас краткосрочный курс практической подготовки авиационного механика. И не удивляйтесь, Федор Иванович, сами знаете, какие у нас были академии… Учиться, даже если начинать с азов, никогда не поздно. Так вот, помимо опытного инструктора нужен мне инструмент. И рабочая спецовка.

Каждый день Петр Ионович выкраивал час-другой для работы в мастерской. Натягивал на себя комбинезон и приступал к делу. Грязной работы не чурался. Вместе с механиком разбирал, ремонтировал и собирал мотор «М-5». Начальник Военно-воздушных сил и член Реввоенсовета СССР снял с себя спецовку лишь после установки и запуска мотора на самолете Р-1. [62]

Минуло несколько лет. Жаров командовал уже другой авиационной школой, когда пришло ему письмо от Баранова. Касалось оно исключительно служебных дел, даже было напечатано на бланке, но все же это было письмо старшего товарища. Начальник ВВС сообщал Жарову, что создается Управление специального снабжения авиационных частей и в связи с этим он считает Федора Ивановича достойным это Управление возглавить. Казалось бы, чего проще - издать на этот счет приказ. Но Баранов писал:

«Мой выбор остановился на Вас потому, что Вы раньше работали на этом поприще. Не сомневаюсь в Ваших способностях, если только с желанием возьметесь за это дело».

Возникнет ли у Жарова такое желание? Петр Ионович хорошо знал того, кому он пишет, чтобы в этом усомниться. И потому добавил: «Обстановка сейчас такая, что каждый из нас обязан безоговорочно взяться за порученное дело, как бы оно трудно ни было».

Трудностей Жаров не боялся, но оставлять школу и переходить на работу в Управление не хотелось. Смущала и новая должность. Была в конце письма строчка, питавшая Жарова надеждой, что назначение может и не состояться: «Остаюсь в

ожидании вашего согласия». А если не согласиться? Если убедительно обосновать свой отказ? Жаров так и сделал и не без тревоги отправил письмо в Москву.

Следующую почту ему вручили под расписку, и стиль письма был иным:

«Ваши мотивы не убедительны. Приказываю прибыть в Москву. О выезде сообщите телеграммой».

Жаров тут же собрался в дорогу. Знал: если Баранов вынужден приказывать - иного решения он принять не мог.

Жаров немало лет работал рядом с Барановым и хорошо знал своего начальника. Он видел его в спецовке механика и часто бывал на совещаниях, проводимых начальником ВВС, затем заместителем наркома тяжелой промышленности и начальником Главного управления авиационной промышленности.

О Баранове Федор Иванович не раз потом говорил: «Это был подлинный творец советской авиации». [63]

И вспоминал, как много сделал Баранов для ЦАГИ{6}, для создания новых институтов: моторостроения и авиационных материалов. А опытное строительство? А строительство заводов-дублеров, которые в тяжкую годину войны с фашизмом сыграли решающую роль в снабжении армии самолетами?

Весной 1963 года в Доме литераторов состоялась встреча писателей с известным конструктором самолетов Сергеем Владимировичем Ильюшиным. Тема беседы касалась достижений современной авиации. Но не мог конструктор не вспомнить давно минувшие дни, а заодно и Баранова. И почти дословно повторил слова Жарова:

- Петр Ионович Баранов… Это был человек умный и обаятельный. Память о нем нам, посвятившим свою жизнь авиации, безмерно дорога.

3

Евгений Карлович Стоман после окончания военно-воздушной академии был направлен на должность начальника технического отдела Научно-опытного аэродрома. В ту пору Научно-опытный аэродром (НОА) был единственным в стране центром, где испытывались приобретенные за границей самолеты и разрабатывалась научная методика полетов. С этого аэродрома летчики Филиппов, Громов, Волковойнов и другие совершали первые ночные полеты и полеты в облаках, проверяли новые авиационные приборы.

В содружестве с профессорами и инженерами ЦАГИ Научно-опытный аэродром провел немало ценных испытаний. Стоман знал, что Баранов удовлетворен его работой, и был крайне

удивлен, когда вдруг вызвали его в Управление Военно-воздушных сил и предложили поехать в Ленинград, в военно-техническую авиационную школу, на должность заместителя начальника по учебной части. Работа в НОА представлялась Стоману куда более важной. И чтобы рассеять недоумение, он направился к Баранову.

- Здравствуйте, Евгений Карлович. Жаловаться ко мне пришли? [64]

Стоман понял, что начальник ВВС знает о новом назначении, и только спросил:

- Это надолго?

- Ровно на один год, если справитесь с делом, которое вам поручаем. Вы должны знать, почему нас так волнует судьба ленинградской школы. Ее выпускников ждут в частях.

Истекал год службы Стомана в ленинградской школе. Потрудился он хорошо, и Баранов, побывав в школе, мог в этом убедиться. Однако об отзыве в Москву ничего Стоману не сказал. А товарищи утешали:

- Служба идет, и ладно. Где кому служить - начальству виднее.

- Но мне обещали…

- Начальство не обещает. Начальство приказывает. А вот и связной с очередным приказом…

Связной вручил Стоману телеграмму. Баранов вызывал его в Москву.

Стоман опять оказался в родной стихии научных опытов, экспериментов. Когда понадобилось укрепить ЦАГИ специалистами, Баранов обратился к Стоману:

- Вы хотите перейти на работу в ЦАГИ?

- Хочу… Откуда вы знаете?

- Начальству положено знать.

4

Шеф- пилотом у начальника Военно-воздушных сил был Семен Шестаков. Но Баранову приходилось по делам службы летать и с другими летчиками, среди которых он особенно ценил питомца «курсов Жуковского» Михаила Громова. Петр Ионович провожал экипаж Громова в первый далекий заграничный рейс, первым поздравил его с званием заслуженного летчика СССР и высокой правительственной наградой.

Какие черты Баранова сохранились в памяти летчика Громова?

Вспоминая встречи на земле и драматические эпизоды в воздухе, когда на борту его самолета находился начальник Военно-воздушных сил, Громов каждый раз подчеркивал главное в характере Петра Ионовича - его удивительную простоту и сердечность. [65]

…Зашуршали колеса автомобиля, резко скрипнули тормоза, и Громов, оглянувшись, увидел выходившего из машины Баранова.

- Я вас узнал! - обрадовался Баранов. - По походке. - И, обратившись к шоферу, сказал: - Езжайте в гараж, мы немного побродим.

Они прошли из конца в конец Большую Дмитровку, разговаривая о разном, но только не о том, что через два дня встретятся на старте перелета Москва - Пекин. А ведь готовился дальний перелет по неизведанному маршруту, первое серьезное испытание новой машины ЦАГИ. Кому доверить эту машину?

Выбор пал на Громова. Летчик это знал. Благодарить за доверие? Надо сначала его оправдать. А пока они гуляют, беседуют о спорте, охоте, театре. И Баранов рад, что летчик не задает ему вопросов, связанных с предстоящей дальней дорогой. Значит, не волнуется. Есть твердая уверенность в успехе задуманного предприятия.

Через три года уже готовились к историческим стартам самолеты АНТ-9. Решили перед большими перелетами проверить машины на «пробных» маршрутах. Одним из них был полет АНТ-9 в Одессу.

Летом 1929 года в Одессу прибыла большая итальянская воздушная эскадрилья. Ее возглавлял начальник итальянского воздушного флота Бальбо. На тридцати пяти гидросамолетах «Савойя» находились генералы и один адмирал, депутат парламента и много корреспондентов. Баранов вылетел в Одессу, чтобы оказать гостям достойный прием и с почестями проводить их.

О перелете эскадрильи Бальбо писали все газеты мира. О новом советском АНТ-9 корреспондент «Красной звезды» сообщил лишь, что самолеты этого типа, по заявлению Председателя совета гражданской авиации Баранова, готовятся к дальним рейсам и что один такой «АНТ» покрыл расстояние от Москвы до Одессы за семь часов, несмотря на неблагоприятную погоду.

Этот «АНТ» в еще более скверную погоду вылетел из Одессы в Киев, имея на борту начальника ВВС, сопровождавшего его инспектора, Главного конструктора самолета и инженера ЦАГИ.

В районе Днепра бушевал ветер и хлестал дождь. Всегда невозмутимый летчик Громов и механик Родзевич вдруг тревожно

переглянулись. Гул моторов нарастал, а [66] скорость самолета явно падала. Это сразу заметили и пассажиры. Но даже конструктор Туполев и инженер Погосский, специально готовивший самолет к перелету, не могли определить странное поведение машины в воздухе. Инспектор ВВС вопросительно посмотрел на Петра Ионовича, и тот сказал:

- Что требуется от нас? Спокойствие! И абсолютное доверие летчику. Он, только он один знает, какое решение принять.

Между тем скорость резко падала. Громов знал, каких пассажиров везет и какому риску их подвергает. До Киева не дотянуть. Надо отыскать подходящую площадку и посадить самолет. Как назло, под крыльями простирается крутой, бугристый берег и нет поблизости поля, на котором можно приземлиться в надежде, что люди не пострадают. Острое зрение летчика приметило светлую полоску за прибрежным селом. Там, кажется, ровный луг. Дотянуть бы только… Колеса коснулись земли, и машина покатилась по полю, примыкающему к артиллерийскому полигону.

Пассажиры выбрались из самолета и ахнули, увидев разлохмаченные винты. Сейчас трудно установить, было ли это техническим недосмотром или объяснялось спешкой при вылете из Москвы, но концы винтов не были покрыты медной обшивкой и в полете под дождем потеряли свою форму и, естественно, тягу.

Забравшись на плечи инженера Погосского, Туполев аккуратно обрезал лохмотья. Потом осмотрели поле.

Предстоял взлет.

Туполев считал, что взлететь можно, но для большей безопасности следует облегчить самолет: слить часть горючего и освободиться хотя бы от одного пассажира. Ждали, что скажет Баранов.

Петр Ионович обратился к Громову:

- Вам решать. Я, конечно, полечу. Туполев свой самолет не оставит. Инженеру Погосскому сам бог велел… Значит, - он круто повернулся к инспектору, - не взыщите, что лишаем вас удовольствия, но придется до Киева добираться поездом.

За свою долгую летную жизнь Михаил Громов получил немало наград, призов, благодарностей. Дороже многих наград было это доверие, оказанное ему начальником [67] Военно-воздушных сил в дождливый, ненастный день, когда АНТ-9 совершил вынужденную посадку.

Громов успешно завершил маршрут.

Через месяц Громов повел этот самолет в рекордный рейс по столицам Европы.

5

- Вот я и есть тот пассажир, которого Петр Ионович оставил на артиллерийском полигоне. Да, Громов мастерски посадил АНТ-9… с взлохмаченными винтами. В авиации всякое случается… А было это под Броварами. Только я - это мог Громов и запамятовать - служил тогда не инспектором, а помощником начальника отдела боевой подготовки Управления ВВС.

Алексей Матвеевич Миронов (он сейчас генерал-майор авиации в отставке) перешел на работу в Управление после трехлетней службы в Гатчине, где командовал отдельной разведывательной эскадрильей. Начальник ВВС не засиживался в московском кабинете, и Миронов побывал с ним в Забайкалье, на Украине и в Белоруссии - везде, где Петр Ионович считал своим долгом лично проверить авиационные школы и отряды, эскадрильи и бригады. А знакомство состоялось в Гатчине и запомнилось Миронову в связи с одним казусом.

Баранов приехал в Гатчину утром и сразу направился на аэродром. Миронов знал, что начальник ВВС будет летать с разными летчиками. Самолеты Р-1 уже вырулили на старт. Но очень хотелось Миронову еще до полетов показать начальнику ВВС только что выстроенный ангар - гордость эскадрильи.

Когда подходили к ангару, Баранов круто повернулся в сторону, где одиноко торчал столб.

- Зачем он здесь? - строго спросил Баранов и не без лукавства добавил: - Не знал я, что летчикам отдельной разведывательной эскадрильи нужен дополнительный ориентир…

Смутился Миронов - надо же такой досаде случиться! Вокруг ангара чисто прибрали весь строительный мусор, а столб забыли выкопать.

- Уберем, - заверил комэск начальника ВВС. - Это пустяк… Желаете ангар посмотреть? [68]

А Петр Ионович подозвал всех командиров и заявил:

- Обращаю ваше внимание на пустяк номер один. С него и начнем проверку - с «пустяка». Большая часть всех происшествий на земле и в воздухе происходит из-за пустяков.

…Когда, уже работая в Управлении, Миронов собирался в командировку, Петр Ионович его напутствовал:

- Будьте ко всему внимательны. К пустякам тоже.

6

Александр Александрович Туржанский (он сейчас генерал-майор авиации в отставке) принадлежит к той плеяде ветеранов, которым Петр Ионович вручал первые назначения на командирские должности. Фамилия Туржанского еще не раз

будет названа, но для этой главы Александр Александрович рассказал эпизод из больших (Киевских) маневров Красной Армии.

Еще при жизни М. В. Фрунзе был объявлен приказ о создании «эскадрильи боевиков» - прообраза будущих штурмовых частей. Специальным самолетом-штурмовиком авиация тогда не располагала, и задача «эскадрильи боевиков» заключалась в том, чтобы на обычных разведывательных самолетах Р-1 проверить возможность штурмовки, изучить тактику стрельбы и бомбометания с малых высот по наземным целям. На эту роль авиации (особенно в борьбе против конницы) указывал, как известно, В. И. Ленин. Однако в середине двадцатых годов в некоторых авиационных частях действовал приказ, запрещающий летчикам при стрельбе или бомбометании снижаться до двухсот и менее метров. Бреющий полет расценивался чуть ли не как воздушное хулиганство, как нелепая игра со смертью.

К началу Киевских маневров (1928 год) в Военно-воздушных силах были четыре штурмовых эскадрильи - в Гомеле и Воронеже, Гатчине и Киеве. Киевской командовал Александр Туржанский, бывший летчик-истребитель, выпускник военно-воздушной академии.

Однажды, в самый разгар маневров, после того как штурмовая эскадрилья Туржанского атаковала на марше Бессарабскую дивизию конного корпуса Криворучко, комэска срочно вызвали в главный штаб. Едва Туржанский [69] представился наркому и начальнику ВВС, как услышал позади:

- Порубаю! Ты шо, бандит, нашкодил?

Туржанский круто повернулся и увидел комкора Криворучко в яростном гневе. Смущенный такой угрозой, комэск вопросительно посмотрел на начальника ВВС, и тут Петр Ионович вдруг расхохотался.

- Рубать мы умеем, товарищ комкор, - сказал Петр Ионович. - Дело нехитрое… Нуте-с, - обратился он к Туржанскому, - рассказывайте, как это вы целую дивизию вывели из строя.

Бессарабцы, действовавшие на стороне «синих», шли в конном строю из Бердичева на Фастов, не соблюдая маскировки. День выдался жаркий, в небе сгущались кучевые облака, предвещая грозу.

Туржанский и его летчики быстро и точно определили местоположение дивизии и нанесли по ней удар - внезапный, ошеломляющий. Все девятнадцать самолетов зашли в «хвост» колонны и пронеслись над нею, строча холостыми патронами из пулеметов. Перепуганные конники шарахнулись в лес, лошади артполка рванули в разные стороны, опрокидывая в кюветы

пушки, повозки и походные кухни. На втором заходе эскадрилья «отбомбилась», а затем звено самолетов покрыло густой дымовой завесой потерявшую всякое управление колонну. Ко всем бедам ударил гром, разразился ливень. Когда наконец все стихло и прояснилось, вид у недавно обмундированной дивизии был плачевный. О вступлении в Фастов никто теперь и не помышлял.

Все это Туржанский узнал потом. А теперь он четко доложил, как летчики эскадрильи сочетают разведку с внезапной атакой, причем действуют не только днем, но и ночью, заранее обнаруживая плохо замаскированные цели. Назавтра нарком и Баранов отправились в 44-ю дивизию и на шоссе Киев - Житомир убедились, насколько точен был удар штурмовиков эскадрильи Туржанского.

На очередном разборе Баранов особенно подчеркнул беспечность некоторых командиров, пренебрегающих противовоздушной обороной.

- Не ругайте Туржанского, - обратился Баранов к кавалеристам, - не обижайтесь на него, а поблагодарите за то, что научил вас уму-разуму. Для того и маневры, чтобы действовать, как на войне. [70]

Маневры заканчивались. Возвращаясь из последнего ночного полета, Туржанский увидел на старте высокую фигуру начальника ВВС. После посадки Петр Ионович подробно расспрашивал Туржанского о делах и нуждах эскадрильи, говорил о будущем штурмовой авиации, а потом, будто невзначай, спросил:

- Не слетать ли нам сейчас?

Через полчаса они приземлились. Петр Ионович поблагодарил Туржанского:

- Только, пожалуйста, не подумайте, что я летал, как проверяющий. Хотел полюбоваться ночным Киевом. Можно мне простить такую слабость?

* * *

Через три года Туржанский был назначен командиром авиационной бригады Научно-испытательного института ВВС. Теперь они виделись чаще. Последняя и особенно памятная для Туржанского встреча произошла в канун ухода Баранова из Военно-воздушных сил, когда на Центральный аэродром приехали Сталин, Ворошилов и другие члены правительства для осмотра новой авиационной техники.

О той встрече - речь впереди. Эту же главу завершат три

небольших воспоминания. Два из них принадлежат боевым друзьям Баранова по Туркестанскому фронту, а третье, и последнее, - человеку, не связанному с авиацией и армией.

7

С конца девятнадцатого года и до ухода Баранова в Военно-воздушный флот его секретарем и порученцем был Григорий Левин. Это может показаться странным, но, когда очень близко знаешь человека, рассказывать о нем трудно. Левин сопровождал Баранова в боевых походах, выполнял его особые поручения. Он жил с командиром под одной крышей и хорошо знал его склонности, привычки. Почему в памяти закрепляются с виду незначительные эпизоды и тускнеют, забываются куда более важные события? Не находя этому объяснения, мы полагаем, что таковы уж причуды человеческой памяти. Но вот Левин [71] ведет неторопливый рассказ, и выясняется, что зря сетует он на свою забывчивость. Память отбирает в свою безмерную кладовую как раз то, что достойно там храниться.

- Помню, ехали мы с Украины в Туркестан и в дороге я заболел. На путях у Курского вокзала, в Москве, увидел поезд Фрунзе, а там находился врач, брат Михаила Васильевича. Петр Ионович привел его ко мне. Я был настолько плох, что пришел в сознание только в госпитале и там узнал, что свалила меня оспа. Тягостно было на душе. Думал, что надолго, может быть навсегда, расстался я со своим командиром, который уже, вероятно, в пути к Туркестану. Вдруг слышу, кто-то стучится в окно. Оглянулся - за окном Петр Ионович и его жена. Знаками показывают, что передали для меня письмо и посылку. А вот еще случай, - вспоминает Левин. - Это было уже в Туркестане, где ночь застала наш отряд на высоком горном перевале. Обоз с теплыми вещами отстал, а холод лютый, и жечь костры опасно - вокруг рыскают банды басмачей. Был у нас только один полушубок. Но прежде чем его надеть, член Реввоенсовета Баранов снял с себя теплый свитер и отдал его красноармейцу.

Левин немного помолчал и потом тихо, будто сам удивляясь, продолжал:

- Нас тогда вовсе не поражала его сердечная заботливость о подчиненных. Добрячком Баранов не был, нет! В гневе я редко его видел, но нарушителям порядка и дисциплины спуску не давал. Любил шутку. Случалось, не по злому умыслу попадал кое-кто впросак, случалось…

Левин смутился: воспоминание было, видимо, не из приятных.

- Расскажу! Раз это касается Петра Ионовича - расскажу…

Речь пошла о том периоде, когда Баранов командовал Ферганской группой войск, а Левин выполнял обязанности его адъютанта. Командующий совершал однажды объезд войск, и сопровождала его небольшая группа командиров. Вместе с охраной - всего двадцать пять всадников. На ходу изменили маршрут, так как разведка донесла, что басмачи устроили засаду. На всякий случай выслали вперед боевое охранение. Когда вдали показалось [72] Скобелево, уже смеркалось, но еще можно было различить каре войск, которые выстроились там для смотра.

Гарнизон готовился к встрече. Скобелевцы видели приближающуюся к ним группу всадников, в которой командующего трудно приметить: все в одинаковых кавалерийских шинелях с нашивками - «разговорами» - на груди. У всех на головах - буденовки. И никто там не знал, что командующий сменил лошадь. Ему оседлали рослую кобылу Черкесску, а своего Щеголя он отдал Левину. Из-за Щеголя и получился необычайный конфуз.

Заслышав трубный звук, Щеголь взмыл и рванулся к конному строю в Скобелево. Баранов и другие всадники пустились вдогонку, намереваясь обогнать адъютанта, который никак не мог справиться с ретивым конем. Командирский Щеголь привык быть впереди. Заслышав позади топот, Щеголь закусил удила и намного вырвался вперед. А навстречу мчались командиры из гарнизона, чтобы отдать рапорт командующему. Растерявшийся адъютант тщетно махал им рукой, показывая, что командующий сзади. Сблизившись, скобелевцы осадили лошадей. Щеголь все еще гарцевал, когда к смутившимся скобелевцам подъехал хохочущий командующий. Церемониал рапорта был нарушен.

Сколько раз потом, в кругу друзей, Петр Ионович, пряча в кулак улыбку, донимал Левина:

- Григорий Аркадьевич, расскажите, пожалуйста, как вы в Скобелеве принимали парад войск…

8

- Человек я немолодой, еще в старой армии дослужился до чина штабс-капитана…

Так начал свои воспоминания генерал в отставке Сергей Прокофьевич Тимошков, хотя знал, что речь пойдет вовсе не о его персоне. Почему же Тимошков заговорил вдруг о себе?

- И повидал я за долгую службу немало начальников. Разных… Поверьте, лучшего, чем Петр Ионович Баранов, не знаю.

Они встретились в Туркестане в конце девятнадцатого года после горячих боев под Айдином. В ту пору в Туркестане было несколько фронтов - Закаспийский, Ферганский, Семиреченский.

Командовал Тимошков отрядами [73] Закаспийского фронта. Дрались эти отряды хорошо, и после сражения под Айдином решили их передать в состав Первой армии. Вот тогда и прибыл в Айдин командарм Георгий Зиновьев, член Реввоенсовета Баранов, а вместе с ним - Куйбышев и Элиава.

Сергей Прокофьевич Тимошков развернул карту, показал Айдин и другие пункты Туркестана, где встречался с Барановым. Они почти одногодки. Будь сейчас жив Баранов, уговорил бы его Тимошков поехать в Среднюю Азию. За Айдином посетили бы они то место, где Куйбышев разыскал останки расстрелянных бакинских комиссаров. Посетили бы Тимошков и Баранов тот кишлак, где седобородый узбек подарил Петру Ионовичу чистокровного скакуна. Произнес старый узбек речь, смысл которой переводчик изложил так: «И до тебя, товарищ Баранов, знали мы одного начальника. Худо о нем говорить не стоит, но, когда он уезжал, подарили ему корову. А встречи с тобой давно ждем. Прими наш дар - лучшего коня». Потом подались бы они в конный Туркменский полк, в почетных джигитах которого Петр Ионович состоял, а оттуда - в бывшую Хиву, где располагалась бригада Дубянского…

- Вот о Дубянском я и хочу рассказать, - сказал Тимошков, откладывая в сторону карту. - Точнее, о Дубянском и Баранове.

Все беды свалились на голову комбрига Дубянского, когда Баранов уже уехал к Фрунзе, на Украину, а в Турцик прибыл весьма ответственный работник, фамилию которого Тимошков равнодушно произнести не может - уж очень большие неприятности связаны с этим именем. Какая-то «особая» комиссия ТурЦИКа затеяла «дело Дубянского», обвинив храброго командира и честного коммуниста в самых тяжких грехах. Кинулся Дубянский искать защиты. Ему только сочувствовали: «Ввязываться в драку с самим ТурЦИКом не имеет смысла».

Весной 1921 года Дубянского отстранили от командования бригадой и приказали поехать в Москву, где его ждут в Военной коллегии Верховного Суда.

Тимошков командовал тогда первой Туркестанской дивизией, ее штаб находился в Ашхабаде, и Дубянский приехал к своему командиру, чтобы навсегда распрощаться. [74]

- Расстреляют меня, - с убежденной обреченностью сказал Дубянский Тимошкову. - Чего только они на меня не нагородили! И шовинист я, и колонизатор. Даже в словарь полез, чтоб в некоторых словах разобраться… Одним словом - разбойник с большой дороги. Кто за меня в Москве заступится? До бога высоко, до Хивы далеко…

- До Баранова близко! - перебил его Тимошков. - Баранов

вернулся в Туркестан, он сейчас член Реввоенсовета фронта. Поезжай к нему.

- Поздно, - махнул рукой Дубянский. - Мое «дело» уже отправлено в Москву.

- Все-таки по дороге заверни к Баранову.

Невеселым было расставание боевых друзей. А встретились они несколько лет спустя в военной академии, и там Тимошков узнал конец этой истории.

…Петр Ионович молча выслушал взволнованный и сбивчивый рассказ Дубянского. Словом не обмолвился, только вырвал из блокнота листок, исписал несколько страничек своим мелким почерком, вложил в конверт и отдал Дубянскому. Пожимая руку, сказал:

- Письмо покажете Военной коллегии. Не вздумайте там каяться в том, в чем невиновны. А если правы - чего бояться?

Комбрига настолько терроризировали в «особой» комиссии ТурЦИКа, что он боялся теперь и за себя и за своего защитника. Мелькнула даже мысль не показывать Военной коллегии Верховного Суда письмо Баранова, однако ослушаться не посмел.

Конверт не был заклеен. Ожидая приема в Военной коллегии, Дубянский вынул из конверта листок с типографским оттиском «Член Реввоенсовета Туркестанского фронта» и прочел его.

Баранов сообщал известные ему данные о комбриге. После краткой характеристики он писал о необычайно сложной обстановке в Хиве, порожденной распрями отдельных националистических групп и бесчинствами басмачей. В этой обстановке комбриг Дубянский выполнял приказы Реввоенсовета неукоснительно и добросовестно. Если же в «особой» комиссии ТурЦИКа не смогли или не захотели разобраться в возникшем конфликте, то он, Баранов, считает своим долгом сообщить Военной коллегии Верховного Суда следующее. [75]

Последние слова письма Дубянский поклялся помнить до конца жизни:

«Всю ответственность за действия комбрига Дубянского Реввоенсовет Туркестанского фронта берет на себя».

- Так вот, знал я в Туркестане двух начальников, - закончил свой рассказ Сергей Прокофьевич Тимошков. - Один, убежденный в невиновности Дубянского, не стал «ввязываться», чтобы не вызвать гнева еще большего начальства. А другой… О другом биограф Баранова еще многое услышит.

9

Фаина Сергеевна Петрова, артистка Большого театра Союза ССР, вспомнила тот вечер, когда Петр Ионович нежданно-

негаданно явился к ним на квартиру. И никогда, конечно, не забыть ей, как восемь лет спустя, в пасмурное осеннее утро, проводила она мужа и Петра Ионовича в последний полет…

Муж Фаины Сергеевны А. В. Сергеев (Петров) закончил в 1925 году Академию Генерального штаба и ждал назначения. В ту пору авиационные специалисты были наперечет, и Воздушный флот очень нуждался в образованных и эрудированных командирах, каким и был А. В. Сергеев.

Однако в высших военных кругах знали о весьма спорных высказываниях Сергеева - автора «Стратегии и тактики Красного воздушного флота». Он не скрывал своего критического отношения к принятой организационной структуре Военно-воздушных сил и в своей книге иронизировал в адрес тех, кто позволяет себе роскошь при нашей бедности иметь в Красной Армии специальное Главное управление ВВС во главе с членом Реввоенсовета Республики, то есть, как он писал, «нечто вроде воздушного министра». Фамилию автор не назвал, но «некто» мог это «нечто» принять на свой счет.

Баранов читал книгу Сергеева. За ее частными недостатками он сумел разглядеть и оценить широту взглядов автора. Книга ему понравилась.

Сергеев этого не знал.

- Сидим мы дома, - рассказала Фаина Сергеевна, - вечер уже на исходе и гостей не ждем. Вдруг - стук… Открываю дверь, а за нею, в коридоре, - незнакомый [76] военный, судя по знакам различия, в большом звании. В каждой петлице по четыре ромба. Стройный и сухощавый, выглядит молодо. Лицо продолговатое, нос прямой, тонкий… Муж увидел его, смутился. И гость почувствовал себя неловко. Извиняется, что явился без предупреждения: телефона у нас тогда не было. А когда муж познакомил нас, то и я удивилась: зачем такое большое начальство пожаловало?

- Не удивляйтесь, - говорит Петр Ионович, - Было время, когда ваш муж командовал всей действующей в Красной Армии авиацией. И звание имел громкое: начавиадарм! Это, знаете ли, нечто вроде воздушного министра. Теперь я в этой роли. Так почему бы нынешнему министру не заглянуть к бывшему на чашку чая?

Мужчины рассмеялись, а у меня на душе отлегло.

Чай приготовить - пустяк, да вот беда: к чаю ничего нет.

Я так и сказала Петру Ионовичу:

- Гость вы хоть и незваный, но дорогой и желанный. А у меня кильки да черный хлеб.

- Чудесно! - обрадовался Петр Ионович. - Обожаю кильки.

После них чайку всласть попьем. Сахар в этом доме водится?

Сахар был. И сели мои «министры» за стол, а поднялись около полуночи.

Барановы и Сергеевы подружились. По рекомендации Петра Ионовича Сергеевы поехали работать в Америку. Там Андрей Васильевич принял на себя обязанности руководителя авиационного отдела в торговом представительстве «Амторг». Фаина Сергеевна выступала в Нью-Йоркском театре «Метрополитен-опера». Баранов, побывав в США. был их гостем, а когда Сергеевы вернулись в Москву, прямо с вокзала увез их на свою дачу.

До знакомства с Барановым Фаине Сергеевне казалось, что только люди ее круга - артисты, писатели, художники - относятся к категории одержимых, безгранично увлеченных своим делом. Теперь она убедилась, что авиаторы любят свою профессию не менее сильно, чем люди искусства - музу.

- Я потому и вспомнила неожиданный визит Баранова к нам, что впервые услышала, как могут двое степенных мужчин, весьма сдержанных в проявлениях своих чувств, так увлеченно мечтать и так страстно спорить. [77]

А потом, уже в Америке, я поражалась ненасытной жажде Петра Ионовича увидеть, изучить и осмыслить все, что связано с авиацией. Биограф Баранова должен обязательно написать о его поездке за океан… Думая о прошлом, я всегда ищу ответа на вопрос: откуда бралась тогда эта неуемная и неистощимая энергия, эта готовность бескорыстно и самоотверженно служить идее? Может быть, время было такое?

Время действительно формировало людей.

Надо вернуться к приметам тех лет, когда Баранов командовал Военно-воздушными силами страны.

Клич миллионов

1

В 1921 году в Николаеве состоялось первое армейское совещание авиационных командиров. Начальник Политического управления войск Украины и Крыма Петр Ионович Баранов показал командующему войсками Михаилу Васильевичу Фрунзе резолюцию совещания. Она начиналась так:

«Ни для кого не секрет, что наш родной Красный воздушный флот стоит на краю полной гибели. Новых самолетов почти не поступает, ремонтировать старые больше нельзя, а немногие трофейные, захваченные у контрреволюционеров, также скоро

выйдут из строя».

Участники совещания обращались в Реввоенсовет Республики с требованием принять чрезвычайные меры.

Фрунзе сказал Баранову:

- Авиаторы, когда вручали вам эту резолюцию, знали только, что вы поедете в Москву и передадите эту бумагу по назначению. Они не знали и не могли знать, что из Москвы вы уже не вернетесь на Украину. Придется, дорогой Петр Ионович, опять ехать в Туркестан и воевать с басмачами. Что же касается авиации - поверьте, скоро мы займемся ею по-настоящему.

Фрунзе показал Баранову английский журнал «Аэроплан» с переводом статьи редактора этого журнала господина Грея.

- Читайте внимательно. Крепко-накрепко запомните это откровение цивилизованного людоеда. [78]

В одной из своих статей в «Красной звезде» (№ 53 за 1925 год) Баранов привел высказывание мистера Грея. Вот что писал Грей в 1921 году:

«Хотя имеется, бесспорно, некоторое число русских, которые могут сделаться превосходными летчиками, но большинство из них совершенно неспособно содержать машину в исправности. Поэтому нам кажется, что, чем больше мы будем снабжать Россию аэропланами, тем больше их будет разваливаться в воздухе вследствие скверного ухода за ними. Этим мы будем способствовать уничтожению некоторого числа русских, что пойдет на пользу цивилизованной Европе».

Вот чем тешили себя мистер Грей и его хозяева на четвертом году Советской власти!

Четыре года спустя Фрунзе в своей речи на Третьем съезде Советов заявил, что Советский Союз не будет больше покупать заграничных самолетов и зависимости Красной Армии от иностранного рынка приходит конец. Но в тяжкую зиму двадцать первого года судьба воздушного флота тревожила ветеранов гражданской войны. И нагло злорадствовали враги, жаждавшие гибели русских летчиков «на пользу цивилизованной Европе». История это засвидетельствовала. И не только это.

2

Еще до первых показательных полетов над Санкт-Петербургом журнал «Вестник воздухоплавания» привел высказывания Эдисона о летательных машинах. Всемирно известный американский изобретатель обнадежил русскую читающую публику: «Летательные машины в пределах здравого смысла». И тут же добавил: «Спросите меня, может ли человек когда-нибудь перепрыгнуть с Земли на Луну, я вам отвечу - нет,

потому что это выходит из пределов смысла». Может быть, несовершенный перевод исказил «пределы смысла» Эдисона, но любопытно другое: в следующих номерах «Вестник воздухоплавания» начал публикацию статей о Вселенной и пределах ее досягаемости. Под статьями стояла подпись: К. Циолковский.

О летательных машинах горячо спорили. Можно ли на них достигнуть космических высот или других планет, как пророчески мечтает мало кому известный учитель физики из Калуги? Прав он в своих расчетах или категорическое эдисоновское «Нет, это выходит из пределов [79] смысла!» обрекает дерзкие для той поры мечты калужанина на участь бесплодной фантастики?

На заре двадцатого века ученые, изобретатели и мечтатели по-разному отвечали на этот вопрос. Но в большом будущем авиации редко кто сомневался.

Началась мировая война, и людям было не до далеких планет. Если самолеты и аэростаты отрывались от земли, то с определенной целью: разведать силы неприятеля. Первые бомбардировки с воздуха показали, что авиация может нанести урон не меньший, чем артиллерия. Над Бельфором французский самолет приблизился к немецкому настолько, что выстрелом из карабина, почти в упор, француз сбил немца, доказав таким примитивным способом возможность воздушного боя. Стали думать о том, чтобы заменить ручное оружие «Гочкиссами» и «максимами» и стрелять из пулеметов синхронно вращению винта. Война разгоралась, а в штабах воюющих сторон уже разрабатывали инструкции и наставления для воздушного боя. Появились асы - тузы воздушных поединков. Их прославляли как рыцарей «головокружительных турниров смертельного фехтования». Гремели имена немца Рихтгоффена, француза Пегу. Русский летчик Нестеров, автор «воздушной петли», применил таран. Командир эскадрильи, знаменитый Крутень, поучал своих летчиков: «Секрет воздушной победы лежит не дальше пятидесяти метров от неприятельского самолета».

Война резко обнажила отсталость царского воздушного флота. Весь авиационный парк России составлял немногим более трехсот машин. Этот парк уменьшился за годы гражданской войны и блокады и насчитывал менее ста самолетов.

Война закончилась, армии демобилизовались, сокращались, а страны-победительницы уже приступили к полному обновлению своего авиационного парка. Таблицы цифр наглядно иллюстрировали необычайный прогресс новой техники, проверенной на фронтах. В два с лишним раза возросла скорость самолетов, в три раза - высота, в шесть раз увеличился радиус

действия.

На протоколах Версальского договора еще не высохли чернила, а трофейные корабли побежденной Германии стали учебными мишенями для английских бомбардировщиков - теперь уже проверяли эффективность ударов воздушного флота по-морскому. Стали поговаривать о [80] специальной авиации - сельскохозяйственной, санитарной, почтовой. Американские банкиры подсчитали, насколько им выгодно субсидировать строительство аэродромов, ангаров, самолетов - с помощью авиации можно на несколько дней в месяц увеличить обращение денег и, стало быть, поднять свои прибыли.

Споры о роли авиации и ее будущем вспыхнули с новой силой.

3

Из Туркестана Баранова отозвали в Москву. В августе 1923 года Петр Ионович был утвержден в должности помощника начальника Военно-воздушных сил по политической части, а в канун 1925 года Фрунзе сообщил ему о назначении на должность начальника Военно-воздушных сил Красной Армии. Еще будучи помощником начальника Военно-воздушных сил по политической части, Баранов учился на курсах при высшей школе летчиков-наблюдателей и успешно ее закончил. По предложению Фрунзе Баранов был избран одним из заместителей председателя Общества друзей воздушного флота. Михаил Васильевич ценил в Баранове страстную упоенность работой и разумную сдержанность, если этого требовали сложные обстоятельства. Фрунзе знал его принципиальную непримиримость к недостаткам и особенно важную для той поры интеллигентную тактичность в отношениях со старыми и молодыми специалистами.

Все же Баранов спросил Фрунзе:

- Вы не сомневаетесь, что я справлюсь с такими ответственными обязанностями?

- Нет! Не боги горшки обжигают. Десять лет назад мы еще были в подполье, пять лет назад - защищали революцию на фронтах. Пришла пора строить и учиться. Будет у нас такой воздушный флот, что изумленные Европа и Америка ахнут перед чудом в небесах «лапотной России».

- А мистер Грей? - спросил Баранов. - Тот, кто заранее радовался жертвам, которые мы понесем? Вы, Михаил Васильевич, просили меня запомнить фамилию этого Грея.

Фрунзе рассмеялся, погладил светлый ежик стриженых волос. [81]

- Грей теперь в панике. Теперь его журнал бьет тревогу. Грей

пишет, что Западу надо готовиться к отражению атак Красного воздушного флота. Грей в страхе злобствует, и это хорошо.

Весь день Баранов находился под впечатлением разговора с Фрунзе. Вспомнил он и первый в России авиационный праздник в Новой Деревне, и разбушевавшегося купца Половнева, и отца, не раз судьбой обиженного. С угрюмой убежденностью поучал водовоз Иона сыновей: «Не для вас эти небесные забавы, для купчиков и дворянчиков». Что сказал бы сейчас Иона, узнав, что его Петька командует всеми Военно-воздушными силами страны.

Пятнадцать лет прошло с того дня, когда Петр увидел над Коломяжским ипподромом натужно тарахтящий неуклюжий коробчатый «фарман». До ста метров поднялся, выше не смог. Что же будет через десять, двадцать, сорок лет!…

4

…Железки строк случайно обнаруживая,
вы с уважением ощупывайте их,
как старое, но грозное оружие{7}.

Фрунзе и Баранов часто встречались. Они вместе бывали на аэродроме, близко знали многих летчиков, дружили с профессорами, конструкторами и инженерами ЦАГИ. Нарком вводил нового командующего Военно-воздушными силами в курс больших и сложных вопросов, которые не ограничивались военными ведомствами. Он был ученым-исследователем и народным трибуном, одним из главных инициаторов создания в стране первой массовой общественной организации друзей воздушного флота, и Баранов разделял с ним всю ответственность за работу этого общества.

ОДВФ возникло в тревожные дни, когда английский министр иностранных дел предъявил Советскому правительству угрожающую ноту, известную как «Ультиматум Керзона». «Ультиматум» - так назвали члены ОДВФ [82] первую эскадрилью, построенную на добровольные взносы трудящихся. Потом появилась эскадрилья «Ленин», «Красная Москва», агитсамолеты «Конек-горбунок». Активисты ОДВФ строили аэроклубы и планерные станции, создавали авиационные выставки и авиационные уголки на предприятиях.

В мае 1924 года на тринадцатом съезде РКП (б) - это был первый съезд партии после смерти Ленина - деятельность ОДВФ получила высокую оценку. «XIII съезд, - сказано в одном из постановлений, - с удовлетворением отмечает успешную деятельность ОДВФ по укреплению Красного воздушного флота. Наличие более миллиона членов, сбор добровольными пожертвованиями трудящихся около 4 миллионов рублей -

реальная помощь, оказанная Красному воздушному флоту. Она показывает, что ОДВФ стояло и стоит на правильном пути, организуя общественную инициативу рабоче-крестьянских масс в деле укрепления Красного флота.

С особым удовлетворением Съезд отмечает создание членами ОДВФ Воздушной эскадрильи имени Ленина. Вместе с десятками тысяч рабочих и представителями ОДВФ СССР, сдающими именные самолеты, Съезд выражает уверенность, что эскадрилья будет со славой носить имя вождя и учителя рабочего класса тов. Ленина.

Достигнутый успех ОДВФ необходимо закрепить систематическим созданием и расширением мощного воздушного флота рабоче-крестьянскими массами. К этому побуждает нас громадный рост военной и гражданской авиации в каждой стране. Соединение авиации с воздушной химией еще более увеличивает воздушную опасность в будущей войне и грозит неисчислимыми бедствиями трудящимся. Поэтому лозунг ОДВФ «Трудящийся, строй воздушный флот» должен упорно проводиться в жизнь»{8}.

Тринадцатый съезд обязал партийные организации оказывать Обществу друзей воздушного флота всемерную поддержку. Делегаты съезда приняли участие в стотысячном митинге на Центральном аэродроме, где Красному воздушному флоту была передана эскадрилья «Ленин». В тот день на Центральном аэродроме появился первый советский металлический самолет, построенный [83] в ЦАГИ. Пассажирский моноплан совершил пробный полет, и никто тогда еще не предполагал, что именно ему будет принадлежать слава первенца в серии «антов», восхитивших мир своими перелетами.

А в следующую весну ОДВФ праздновало свое двухлетие, и Михаил Васильевич Фрунзе, выступая в Большом театре, заявил:

- Два года назад пронесся клич: «Строй Советский воздушный флот», и мы видим, что этот клич встретил самый сочувственный отклик в миллионах трудящихся Советского Союза. Те цифры и те факты, которые сейчас перед вами были оглашены начальником нашего воздушного военного флота и заместителем председателя ОДВФ товарищем Барановым, говорят о том, что мы уже имеем значительные успехи.

Да, успехи были разительны, если учесть, что страна только начала оправляться после военной разрухи. В наследие от царской России достались два захудалых самолетостроительных заводишка. А западные державы форсированными темпами строили новый военный воздушный флот. Фрунзе при всем своем уважении к новому роду оружия не разделял господствующий на Западе взгляд на ведущую и решающую роль воздушных сил в

будущей войне. По мнению Фрунзе, такой взгляд отражал общественные отношения в буржуазном мире, где капиталисты, страшась вооруженных масс, готовы отдать предпочтение технике. «Но даже при самой скромной оценке будущей роли воздухофлота его значение будет огромным» - к такому выводу пришел Фрунзе.

После выступления ораторов Баранов уступил трибуну, предоставленную ему для заключительного слова, поэту. На сцену поднялся Маяковский. Он только что по заданию Авиаиздата закончил «Летающий пролетарий» - произведение, которое сам назвал агитпоэмой. И была она вся проникнута пафосом того могучего всенародного клича, о котором говорил Фрунзе: «Трудовой народ, строй воздушный флот!»

Маяковский читал отрывки из поэмы: марши-песни и лозунги-призывы. Последняя глава поэмы так и называлась «Призыв» и начиналась так:

Крылатых дней далека дата, [84]
Нескоро в радости крикнем: - Вот они! -
Но я - грядущих дней агитатор -
к ним хоть на шаг подвожу сегодня.

* * *

Из Большого театра Фрунзе и Баранов отправились домой пешком. Петр Ионович провожал наркома до Никитской улицы.

Говорили о Маяковском. Фрунзе очень любил поэта и радовался его успеху:

- Вот - поэма! Написана по заказу Авиационного издательства, по нашему заданию, а ведь как страстно, душевно, по-настоящему агитационно! Значит, социальный заказ не тяготит художника, когда выражает гражданский порыв.

Фрунзе и Баранов питали горячий интерес к художественной литературе. Фрунзе принадлежала идея создания ЛОКАФ - объединения писателей, связанных с армией и флотом. Он настойчиво советовал Баранову поближе познакомиться с работниками литературы, искусства и заинтересовать их проблемами авиации.

- Об авиации за границей идет большой спор, - сказал Михаил Васильевич. - Мало сказать спорят - драка идет, и кой-кому уже не поздоровилось. Почитайте переводы статей по так называемому «делу Митчела».

- Какого Митчела? - спросил Баранов.

- А вот почитайте. За границей нас берут пока в расчет только

как объект для нападения. Россия скрипучих телег на непроезжих дорогах - где ей думать о покорении неба!… Пусть тешат себя. Мы знаем, чего хотим. Истерия, подобная «делу Митчела», у нас исключена.

5

Суд над Митчелом состоялся осенью 1925 года, но еще задолго до суда «дело Митчела» не сходило со страниц американских газет и журналов, а падкие на сенсацию репортеры сравнивали его с «делом Дрейфуса». [85]

Американский летчик Митчел привлекался к суду за клевету против высокопоставленных лиц. Двух министров Соединенных Штатов Америки - военного и морского - Митчел обвинял в незаконном расходовании средств, предназначенных на оборону. Деньги, ассигнованные для авиации, пошли на строительство кораблей, и Митчел считал это преступлением перед нацией. В стране растет количество авиационных катастроф, летчиков сажают на изношенные машины. Нет хорошо оборудованных аэродромов. Из рук вон плоха метеослужба. Авиационные гонки на кубок Пулитцера не обошлись без жертв. Участник этих гонок летчик Митчел во всеуслышание заявил, что эти жертвы на совести двух министров, пренебрегающих авиацией.

Разразился скандал. Министры в свою очередь обвинили Митчела в разглашении планов, не подлежащих обсуждению, и потребовали суда над ним. «Суд над Митчелом - суд над воздушной идеей!», «Воздушная доктрина низвергает земную!» - такие заголовки запестрели в газетах.

Небо тогда еще не называли «пятым океаном». Военные министры иронизировали над новоявленными теоретиками: «Кому нужно пятое колесо в телеге?» По их мнению, ничего не изменилось в природе и в характере войны и воздушные силы останутся лишь вспомогательным видом оружия. Авиация - служанка морского флота, артиллерии, пехоты, кавалерии. Пусть уймутся крикуны, министрам виднее, как расходовать военный бюджет.

В пылу споров защитники Митчела тоже хватили через край. Теперь уже они называли все рода войск придатком авиации и подтрунивали над старой колесницей военного ведомства, безнадежно застрявшей на распутье. Воздушному флоту, и только ему, принадлежит будущее. Не зря в Англии и в Италии созданы специальные министерства авиация. Америка не имеет права отставать. Самая богатая страна должна иметь самую сильную в мире авиацию. Воздушный флот стоит того, чтобы получать щедрые ассигнования из государственной казны. И тот, кто

намерен этому помешать, должен уйти в отставку.

Дискуссия приняла такие размеры, что потребовалось вмешательство президента Соединенных Штатов. Была создана специальная «комиссия Кулиджа». Она обратилась [86] за консультацией к генералу Патрику, чей высокий авторитет был непререкаем для враждующих сторон. Патрик медлил с ответом. Сначала он направился к врачам и уже с их заключением - в школу пилотов. Газеты захлебывались от очередной сенсации: «Шестидесятилетний генерал Патрик за штурвалом самолета!» Наконец генерал Патрик явился в «комиссию Кулиджа», чтобы решительно поддержать убеждения и выводы летчика Митчела.

Правительство Америки открыло для авиации «зеленую улицу».

* * *

Крупнейшие капиталистические страны строили большой воздушный флот.

В академиях изучали новую теорию быстрого подавления противника путем массированного удара с воздуха. Франция приступила к полному обновлению своего авиационного парка. Побежденной Германии по Версальскому договору запретили строить самолеты. В договоре не было пункта, запрещающего развивать воздушный спорт. И в Германии появилось множество планерных клубов, где готовили кадры будущих летчиков.

Фрунзе был прав: истории, подобной «делу Митчела», в Советском Союзе не могло быть. Иные и куда более сложные проблемы возникали перед Вооруженными Силами молодого Советского государства.

В середине двадцатых годов началась большая организационная перестройка армии. После сокращения войска перешли на территориальную систему обучения. Красноармейцами становились еще не нюхавшие пороху парни.

Из всех родов войск авиация испытывала самые большие трудности. На малочисленных аэродромах можно было встретить лишь старые заграничные самолеты самых различных систем. Двадцать восемь иностранных марок машин, двадцать один тип иностранных моторов - как эксплуатировать и ремонтировать такой парк, когда нет оборудованных мастерских, запасных частей, не хватает специалистов? На Третьем съезде Советов (он проходил в мае 1925 года) наркомвоенмор Фрунзе сообщил делегатам, что Советский Союз приступает к созданию отечественной авиационной промышленности, и от имени [87]

Красной Армии благодарил работников ЦАГИ. Создатели ЦАГИ уже проектировали и строили первые самолеты.

Перед Третьим съездом Советов на Ходынском аэродроме состоялся первый в стране большой авиационный смотр. Когда стартовал командир первого отряда, Фрунзе и Баранов взглянули на часы. Через семнадцать минут в воздух поднялся последний, восьмидесятый самолет. Это уже расценивалось как бесспорное достижение. Огорчали молодые летчики. Некоторые из них, едва оторвавшись от земли, теряли свой отряд и блуждали над аэродромом. Были вынужденные посадки из-за остановки мотора в воздухе.

В тот год Академия воздушного флота готовила первый выпуск авиационных инженеров. Само звание «авиационный инженер» звучало еще необычно, и каждого выпускника новый начальник Военно-воздушных сил знал в лицо, с каждым беседовал перед назначением в часть или на производство.

Баранов ясно представлял, насколько судьба авиации - военной и гражданской - зависит от создания материальной и технической базы, от кадров специалистов. Не пренебрегая опытом Западной Европы, надо закладывать фундамент для строительства существенно новой, свойственной природе социалистического строя авиации.

Какой она должна быть сейчас? Какой станет в ближайшем будущем?

Об этом горячо спорили. В военно-научных обществах и в армейской печати возникали бурные дискуссии. Небезынтересно вспомнить обстановку тех дней, которую один из помощников Баранова, В. Хрипин, характеризовал следующим образом: «У нас в воздушном флоте сколько голов, столько и мнений по кардинальнейшим вопросам применения авиации, ее организации, ее управления».

В. Хрипин ратовал за создание «Генерального воздушного штаба Красной Армии». Хрипин весьма скептически относился к «пришельцам» в авиацию - командирам и комиссарам из других родов войск. Бывший красвоенлет и первый начальник Авиадарма А. Сергеев (Петров) в своей книге «Стратегия и тактика Красного воздушного флота» утверждал, что поскольку «никакой воздушной стратегии нет», а «специализация авиации нам не по карману», то для Красной Армии, «не насыщенной в достаточной [88] мере пулеметами, артиллерией, автомобилями и т. д., авиация в большом размере - ненужная вещь». Его единомышленник А. Григорьев доказывал, что «большой воздушный флот нам вообще не нужен». Зачем он «стране, которая никогда не поведет агрессивной политики, вооруженные

силы которой служат лишь для самообороны?».

Сейчас эти рассуждения и выводы (они печатались в журнале «Вестник воздушного флота») кажутся по меньшей мере наивными. Но в ту пору так было. И вспомнить об этом надо, чтобы представить себе, с какими трудностями столкнулся Баранов, когда волею партии стал во главе Военно-воздушных сил.

Участники дискуссии ждали, что скажет новый начальник. На чью сторону он станет и какие меры примет?

Любителей крутых мер ждало разочарование. Баранов не занялся «проработкой» ошибающихся и увлекающихся. Его куда больше интересовали дела ЦАГИ и Научно-опытного аэродрома, академии имени Жуковского, авиационных школ. Может быть, новый начальник, предпочитая дела словам, избегал дискуссий? Однако он вовсе не сторонился полемики по существу, но с удивительным тактом, оперируя фактами и примерами, поправлял маловеров и охлаждал ретивых поклонников коренной реорганизации.

«Не замыкаться, не отрываться от всей Красной Армии! - так, отвечая Хрипину, в статье «О комсоставе ВВС» Баранов подчеркнул основную задачу всех авиационных командиров. - И не надо, - писал Баранов, - бояться «пришельцев» из других родов войск. Авиация пополнится командирами, которым не хватает специальных знаний - им надо помочь этими знаниями овладеть. Но они принесут в авиацию то, чего ей сейчас остро не хватает: высокую организованность, четкий армейский порядок, уставную дисциплину».

Исключительный интерес представляют первые статьи Баранова в «Вестнике воздушного флота», когда он руководил политическим отделом этого журнала. Петр Ионович писал о том, что на первый взгляд в сравнении с «проблемами», волновавшими других авторов, казалось пустяками. Но опыт партийного работника, хорошо знающего нужды войск, умение сразу ухватиться за то звено, [89] которое решает успех дела, привлекали к статьям Баранова внимание и интерес командиров частей, летчиков, механиков. Баранов с присущей ему прямотой вскрывал недостатки, четко определял задачи войск. Вернувшись из первой инспекционной поездки, он дал такую картину состояния порядка и дисциплины в некоторых эскадрильях и отрядах:

«В казарме неустройство, постельных принадлежностей нет, со стиркой и баней дело не клеится, котел тоже подгуливает, красноармейской книжечки нет на руках, а если есть, то в ней нет всех записей о выдаче сапог, утиральника, носового платка,

винтовки, шинели и т. д. На красноармейцах подранное обмундирование…»

Почему творится такое безобразие? Легче всего, пишет Баранов в статье «Наши задачи», сослаться на вышестоящее начальство, а между тем корень зла такого «неустройства» - в недисциплинированности, в нарушениях элементарного порядка, без которого жизнь авиационной части немыслима. Почему летчик, знакомый с правилами полетов, нарушает их? Командир знает, что летчик проявил бездумное ухарство. Это - преступление, за которым сразу же должно следовать наказание, и, если наказание будет «носить назидательный и вразумительный характер», оно благотворно скажется на воспитании всего личного состава. В авиации нет мелочей, каждая из них влияет на боеспособность части. И Баранов предупреждает командиров, что впредь об их частях будут судить и «по красноармейцам, по их внешнему виду, по состоянию кладовых и цейхгаузов, по состоянию самолетов и мастерских»{9}.

Традиции, как известно, живучи. Армии веками воспитываются на традициях. Красная Армия, перенимая добрые традиции, решительно отказывалась от дурных. Как и во всех армиях Европы, в старой царской армии усиленно культивировали особые права летчиков, и многие летчики считали, что обычные уставные армейские порядки для них не закон. Автор книги «Стратегия и тактика Красного воздушного флота» тоже отдал непомерную дань привилегиям авиационных «тузов» - асов. Он [90] писал, например, что им, асам, «никаких наставлений и тактик давать не нужно - они сами создают новую тактику». А между тем интересы воинской дисциплины требовали развенчать «культ избранных». Возникали конфликты между старыми летчиками и «пришельцами» и авиацию. От нового начальника Военно-воздушных сил требовались решительность и выдержка, принципиальность и тактичность, чтобы сохранить для авиации ценные старые кадры и широко привлечь новые.

6

В военных штабах капиталистических стран посмеивались над кличем миллионов советских людей «Трудовой народ строй воздушный флот!». Из благих порывов крылья не вырастают. Нужна высокоразвитая техническая база, нужны конструкторские бюро и заводы, ученые, инженеры и многие тысячи рабочих специалистов. Всего этого нет в «нэповской России». Да и сами большевики не скрывают свою отсталость. «Положение нетерпимое, мы отстали от Запада» - так в те дни писали

авиационные специалисты в своем журнале.

Одно обстоятельство ненадолго озадачило и встревожило западных военных обозревателей. Сначала появилось сообщение, что Фрунзе, Баранов и другие советские военачальники присутствовали на старте нового самолета «АНТ» конструкции инженера Туполева. Потом стало известно, что этот самолет приземлился в Улан-Баторе, а через некоторое время русских летчиков - Громова и Волковойнова - встречали уже в Пекине, потом в Токио. Надо было дать объяснение этому феноменальному факту.

Незавидную роль разоблачителя «русской тайны» взяла на себя немецкая газета. Сославшись на то, что среди многих людей, принимавших участие в организации перелета Москва - Пекин, названа фамилия Шмидта, и на другие «достоверные источники», газета утверждала, что только ему, «немцу Шмидту», опытному инженеру и летчику, который оказался в плену у русских, принадлежит успех «АНТ». В связи с этим в советском «Вестнике воздушного флота» появилась информационная заметка. «Вестник» сообщал, что Шмидт вовсе не инженер и не [91] летчик, а политработник, один из административных организаторов перелета. Родился он в Одессе, безвыездно живет в России.

Немецкая «утка», весьма непристойно крякнув, села в лужу. Прошел год - и Европа снова заговорила о русских крыльях. Самолеты с надписью «Крылья Советов» появились сначала в небесах соседних с СССР государств, пилотируемые Моисеевым, Шестаковым, Межераупом. А в 1926 году Громов преподнес Западу еще один «сюрприз». Самолет «Пролетарий», стартовав в Москве, через шестьдесят часов приземлился там же. За это время «Пролетарий» видели на аэродромах прибалтийских государств, Франции, Италии, Австрии и Чехословакии. Родился новый мировой рекорд.

Английское телеграфное агентство «Рейтер» знало о прошлогоднем конфузе с «немцем Шмидтом» и теперь воздало должное мужеству и мастерству Михаила Громова, однако с наивным упорством доказывало, что в советском самолете, как об этом заявили известные только агентству специалисты, немало английских частей. Собранные вместе, они и представляют русский самолет «Пролетарий», который, по утверждению «Рейтер», «может быть рассматриваем как самолет английской конструкции».

- Нуте-с, нуте-с! - вначале удивился Петр Ионович новой «утке», на сей раз английской. Теперь жди нового ультиматума твердолобых. Потребуют, чтобы на «антах» выбили клеймо:

«Сделано в Англии».

А потом развеселился:

- Меня радует, что англичане примазываются к советскому самолету! Неплохая аттестация!

В приказе № 566 по Управлению Военно-воздушных сил РККА Реввоенсовет отметил блестящие успехи Моисеева, Шестакова, Межераупа, Громова и других летчиков, чьи имена в 1926 году стали известны далеко за пределами Родины. Приказ был прочитан, летчики получили грамоты, именные подарки, и Баранов обратился к ним с напутствием. Он предостерег питомцев старейшего Егорьевского авиационного училища, ветеранов гражданской войны, от обольщения первыми успехами. Да, хорош туполевский самолет в руках опытного летчика! Но мы имеем только несколько экземпляров таких машин, да и летчики высокого класса у нас наперечет. Будет время - [92] оно не за горами, - и за штурвалы серийных самолетов сядут те, кто учатся сейчас в авиационных училищах.

- Люблю там бывать, - сказал Баранов. - Приглядываюсь к орлятам и думаю о судьбе нашей авиации. Ее самые большие надежды связаны с пареньками, которые пороху не нюхали, о войне знают понаслышке… Но оперятся птенцы. Помогите им быстрее расправить крылья.

Люди и машины

1

Прибыв из Туркестана в Москву, Барановы на первых порах поселились в Сокольниках, заняв комнату в небольшом деревянном домике, где жила семья Ивана Акулова. Московская жизнь началась с нелегких хлопот. Вся домашняя обстановка состояла из стола, трех стульев, двух коек да разных ящиков, сложенных наподобие буфета. Нижние ящики были заняты книгами. Юрику шел третий год, когда Белла родила дочку Иринку, после чего ее здоровье резко ухудшилось. Семья Петра Ионовича переехала в небольшую квартиру на Никольской улице, где жила вместе с семьей младшего брата, Алексея. Жена Алексея помогала Белле вести хозяйство.

Летом Барановы и их близкие друзья переезжали «большой коммуной» на дачу в Расторгуево. Играли в крокет, устраивали шахматные турниры, иногда рыбачили, уезжая к озеру. Старенький «мерседес» главнокомандующего авиацией подолгу ремонтировался и лишь изредка дребезжал на подмосковных дорогах. В «большой коммуне» машину шутливо называли

«драндулетом», а начальник станции в Расторгуеве яростно ненавидел барановский «мерседес», из-за которого имел большую неприятность.

Однажды, в дождливый воскресный день, «мерседес» безнадежно увяз в грязи близ железнодорожной станции. Перегревшийся мотор заглох. Петр Ионович и его адъютант ехали в тот день к ребятам трудовой коммуны имени Феликса Дзержинского, над которой шефствовал штаб [93] ВВС. Баранов нервничал. Он знал, что дети, бывшие беспризорники, очень ждут его приезда. Обманывать их нельзя.

Адъютант пошел узнавать, когда из Расторгуева в Москву пойдет пригородный поезд. Вернулся он к машине с пожилым начальником станции, и тот доложил, что пригородный поезд отправится только через час, а через десять минут пройдет мимо поезд дальнего следования.

- Плохо, - сказал баранов.

- Кому плохо, а уж для вас… Если прикажете - могу попридержать, притормозить, останов… - и осекся под гневным взглядом Баранова.

- Нуте-с, повторите, пожалуйста, что вы сказали? Нет, как вы смели сказать мне это?

Начальник станции растерянно лепетал:

- Поскольку вы член правительства и главнокомандующий… Поскольку ваш адъютант сказал, что срочно…

- Прекратите! Я подчиняюсь принятым для всех граждан правилам, за которыми вы обязаны следить.

Тщетно пытался начальник станции оправдаться. Между тем поезд дальнего следования появился на путях и шел почему-то медленно. Петр Ионович побежал к полотну и прыгнул на подножку последнего вагона.

Праздник в детской колонии не был омрачен. Командарм Баранов прибыл вовремя.

А назавтра адъютант явился к начальнику станции в Расторгуеве с запиской от Петра Ионовича. Тот считал себя обязанным объяснить, какое обстоятельство вынудило его нарушить правило, за что он и готов уплатить штраф. После короткой подписи было крупно начертано: «За взбучку не обижайтесь. Угождать отдельным людям не надо. Служите честно Советской власти, и это пойдет на пользу всем».

- Штраф получите? - спросил адъютант.

- Господи, за что такое наказание! - взмолился начальник станции.

Он горестно вздохнул и задумался. Попробуй прими штраф! Узнает об этом высокое железнодорожное начальство, и опять

начнутся неприятности. Скажут: «Нашел кого штрафовать!» И все из-за этого проклятого «мерседеса»! [94]

2

Петр Ионович заметно осунулся, плохо ел, неспокойно спал.

Белла долго не догадывалась, что тяготит мужа. Работа его увлекала. Окружали его интересные, широко известные в стране люди - ученые, военные, партийные и общественные деятели. Со многими из них Петр познакомил жену. Ширился круг старых друзей по подполью и гражданской войне. В небольшой квартире на Никольской становилось тесно, когда там собирались Акуловы, Булины, Якиры, Алкснисы… Постепенно налаживался тот быт, по которому истосковались супруги, пережив столько лишений. Барановы не привыкли к комфорту, да и не придавали ему значения. Самое малое их вполне удовлетворяло.

Что же в таком случае тревожило и беспокоило Петра? Белла понимала, что есть тайны - служебные и военные, - в которые нельзя посвящать даже жену, хотя она и член партии.

Оказалось, что никакой тайны нет. Однажды Петр в сердцах воскликнул:

- Когда это кончится?!

Белла вопросительно посмотрела на мужа. Он держал в руках раскрытый авиационный журнал с черной обводкой на всю полосу. Траурные рамки часто появлялись в журнале, и Белла не стала утешать Петра - он этого не любил.

- Я еще ни разу не прочла в этом журнале о причине катастрофы, - сказала Белла. - Кто, например, виноват в гибели летчика, на фотографию которого ты смотришь?

Петр медлил с ответом. Не так просто назвать виновника, да и есть ли он? Поразмыслив над этим, Петр глухо промолвил:

- Каждый некролог можно начать так: «Погиб летчик Военно-воздушных сил, которыми командует П. И. Баранов…»

- Перестань!

- Почему же? Я перестану себя уважать, если уйду от ответственности. В любой авиационной катастрофе можно найти «стрелочника», который, как известно, всегда виноват. [95]

- Но разве ты повинен? - испуганно спросила Белла. Петр молчал.

Теперь она догадывалась, что томит и волнует мужа, и это волнение передалось ей. Белла требовала ясности. Касалось ли это семейных отношений или служебных дел, в которые Петр ее посвящал, - жене всегда нужна была ясность, определенность. Она забрала журнал у мужа, усадила его на диван, села рядом.

- Поговори со мной. В чем ты видишь свою вину? Как

начальник, ты за все в ответе, это я понимаю. Но если машина неисправная или летчик плохой?… Объясни мне!

Петр невесело улыбнулся:

- А если машина исправная и летчик хороший?

Он зашагал по комнате и внезапно остановился у книжной полки.

- Могу утешения ради сослаться на любимого поэта. Нуте-с, как это у него?… - Петр, видимо, не раз вспоминал строки поэта, потому что произнес их наизусть: - «Чтоб в будущий яркий радостный час вы носились в небе любом, сейчас летуны разбиваются насмерть, в Ходынку вплющившись лбом…» Маяковский имел в виду наш аэродром на Ходынке.

- Значит, это неизбежно? - тихо спросила она.

- Кроме такого утешения можно еще сослаться на примеры из истории авиации, да и не только авиации. Новое всегда рождается в муках и в радостях. Ты лучше меня знаешь, что страх перед родами никогда не остановит женщину, если та хочет стать матерью.

- Да, да…

Белла согласно кивала головой, ждала, что он еще скажет ей. Но говорить Петру Ионовичу было трудно. В его блокнотах есть подробные заметки по каждой аварии, по каждому чрезвычайному происшествию на аэродроме и в воздухе. С женой этим не делятся. Скоро летать будет безопаснее, чем ездить в поезде. А пока изволь читать некрологи о тех, кого знаешь не по журнальным заметкам. Гибнут люди… И какие чудесные люди!

3

Героическое и трагедийное. Ликующая радость и незабываемое горе. Может быть, нигде события, волнующие людские сердца, не сочетались так ярко, как на заре советской [96] авиации, когда она начинала расправлять свои крылья.

Большое, чуткое сердце Баранова вбирало эти события. По долгу службы он должен все знать, за все отвечать.

Морской летчик Владимир Николаевич Филиппов попросился на работу испытателя. Его просьбу поддержали в ЦАГИ, где многие инженеры хорошо знали летчика, советовались с ним, прислушивались к его мнению. Филиппов не только летал, он писал книгу «Техника полета». Баранов вызвал летчика и напомнил ему об этом.

- Вашу книгу ждут училища. Книга для многих - это важнее индивидуальных полетов. Почему вы стремитесь на опытный аэродром?

- Для книги. Я должен сам кое-что уточнить, проверить на

практике. Товарищи из ЦАГИ помогут. Они ведь тоже просили…

Филиппов знал, что «товарищам из ЦАГИ» начальник ВВС не откажет. К институту, созданному Н. Е. Жуковским и руководимому сейчас профессором С. А. Чаплыгиным, Баранов питал особые чувства.

- Желаю успеха. - Подписав приказ, Баранов тут же вручил его Филиппову. - Не могу противиться, если это нужно ЦАГИ.

Прошло немного времени, и при испытании нового самолета летчик Филиппов разбился насмерть. Тревожный звонок с аэродрома раздался на квартире Баранова утром. Москва давно проснулась, и люди торопились на работу. У подъезда уже стоял «мерседес». В Управлении день начался с рапорта дежурного, бойко доложившего, что «за истекшие сутки ничего существенного не произошло». В приемной Баранова ждали первые посетители. В кабинете - стенографистка, адъютант с «Папкой срочных дел» под мышкой… Все было привычным, и поэтому так тяжело было думать об осиротевшей семье летчика, о его недописанной книге.

В своих тетрадках-дневниках Баранов делал разные записи. С суровой лаконичностью излагал воздушные чепе - чрезвычайные происшествия, чтобы тут же указать, кому, когда и что надо сделать, дабы чепе не повторялись. Но порой случалось такое, когда принять решение нелегко, а обстановка не давала и минуты на размышления. [97]

* * *

На Центральном аэродроме - праздник. Центросоюз передавал эскадрилью самолетов Воздушным силам. После торжественного митинга пять тысяч зрителей любовались искусством летчиков. Особенное восхищение вызвал у зрителей оренбуржец Павлов, пилотировавший авиетку. Необычайно вертлявая, она «выписывала» в воздухе замысловатые фигуры. Неожиданно после крутого разворота авиетка начала пикировать с небольшой высоты. Машина стремительно приближалась к земле.

Павлов успел лишь выключить зажигание и перекрыть горючее.

Ахнула потрясенная толпа, увидев груду обломков близ главного входа на аэродром.

Когда гул стих, все повернули головы к трибуне. Там - организаторы праздника и гости. Там - начальник Военно-воздушных сил Красной Армии Баранов. Как он поступит? Начнет

распекать подчиненных? Распорядится прекратить полеты? Или, начав с праздничного митинга, объявит сейчас митинг траурный?

Баранов приказал продолжать полеты.

Быстро убрали останки погибшего летчика и обломки авиетки. Снова замелькали флажки на старте, и первой туда вырулила машина летчика Столярова. Место летнаба в машине занял Баранов. Летчик без слов понял психологический маневр начальника ВВС - надо покончить с шоком, который охватил многих после гибели Павлова.

Столяров пилотировал смело, дерзко. Когда его самолет приземлился, в небо взмыли другие машины.

Полеты продолжались.

Баранова вызвал к телефону вышестоящий начальник. Кратко, сдержанно доложил Баранов о происшествии и о своем решении не прерывать праздник. Это было нелегкое объяснение. Еще труднее было выслушивать замечания, сделанные в довольно крепких выражениях, односложно отвечать: «Я вас понял», оставаясь в твердом убеждении, что поступил правильно.

Вот другая запись из дневника-тетрадки:

«Летчик Гурьев не вывел из штопора Р-1.

С высоты тысячи метров Гурьев врезался во двор жилого дома (район Бегов). [98]

…Опять говорят об отваливающихся в воздухе стабилизаторах. Так ли это? Надо ускорить оборудование аэродинамической лаборатории ЦАГИ и обязательно проконсультироваться у специалистов».

4

В ту пору летали на разных и порой очень старых машинах. Летчики истребительной эскадрильи, расположенной под Ленинградом, встретив на своем аэродроме начальника ВВС, чистосердечно признались ему, что и на «ньюпорах» можно показать высший пилотаж, если не боишься… рисковать жизнью. Вот у Антошина, например, в Краснознаменной ленинградской эскадрилье, объявился отчаянный сорвиголова. На бреющем полете махнул под аркой городского моста, насмерть перепугав прохожих. А в следующий полет хотел закрутить карусель вокруг Адмиралтейского шпиля. И закрутил бы, да попал на гауптвахту. Такой, если вовремя не отчислить его из авиации, машину угробит и сам убьется. Не с него же брать пример?

Баранов знал, о ком идет речь. Отбывая гауптвахту, Валерий Чкалов из эскадрильи Антошина воспользовался приездом в Ленинград начальника ВВС и обратился к нему с заявлением, в котором сурово осуждал свой поступок, но и объяснял мотивы,

побудившие его идти на риск. Чкалов просил начальника ВВС не увольнять его из авиации.

На завтра были назначены учебные полеты. Баранов явился на аэродром задолго до взлета первой машины и не покидал его, пока не зарулил на стоянку последний из самолетов. Он летал в зону на разных машинах и с разными летчиками. Если в эскадрилье и были люди, считавшие каждый полет риском, то начальник ВВС в тот день только и делал, что рисковал. В учебный процесс он не вмешивался, никаких указаний инструкторам не давал.

Горячий разговор начался вечером, на собрании коммунистов. Когда опять вспомнили «фокусника» из эскадрильи Антошина, Баранов сказал:

- Авиация - не арена для трюков, фокусники ей не нужны. Но разве Чкалов - трюкач? Ухарь, готовый на смертельный риск, чтобы только потешить публику? Нет, Чкалова из армии мы не отчислим. [99]

Летчики переглянулись, пораженные таким неожиданным решением.

- Вас это удивляет? - спросил Баранов. - Но представьте себе, служит в авиации талантливый, смелый летчик. Хочется ему знать - на что он, человек, способен? Что можно выжать из самолета, которым он управляет? Легче отмахнуться от неспокойных людей, чем дать им совет, где нужно - поддержать, когда нужно - предупредить. Чтобы доказать свою правоту, Чкалов выбрал явно негодный способ. Наказали его справедливо. А летчик - замечательный! Побольше бы таких…

- И машины вдрызг! - сказал кто-то из летчиков. - Горюй потом, как безлошадный вояка.

- Должно быть, из кавалерии? - спросил Баранов летчика.

- Угадали. В кавалерии нас учили беречь лошадь, как любимую жену. Самолет - предмет, конечно, неодушевленный…

И опять летчики были удивлены, когда Баранов с ним не согласился:

- Михаил Иванович Калинин сказал, что летчик должен любить и беречь самолеты пуще жены своей. Случись катастрофа с женой - печаль, тяжкие переживания. Но катастрофа с самолетом…

- Вот я и говорю!

- Но как беречь? - заинтересованно и как-то по-особому весело спросил Баранов и сдержал улыбку - только ямочки четко обозначились на щеках, да в глазах заблестели лукавые искорки. - Кому нужна жена-недотрога? Мне, к примеру, куколка, до которой и коснуться боязно, - ни к чему.

Все рассмеялись. Но тут поднялся инженер эскадрильи и с подчеркнутой серьезностью сказал:

- Хорошо летать можно только на хороших машинах. А у нас - гробы.

Неприятно было Баранову услышать это из уст командира, ответственного за технику. Тихо спросил:

- Кто нам даст хорошие, новые самолеты?

- Дать не дадут, а продать могут, - отпарировал инженер.

- Вы так полагаете? Нуте-с, - Баранов облегченно вздохнул, радуясь, что подавил вспышку гнева. - Заокеанскому дяде поклониться? Так президент Кулидж до [100] сих пор не желает признавать, что мы с вами, как государство, существуем. Может быть, послать купцов к английскому премьеру Чемберлену? Кто и ради чего будет продавать Советам самолеты? Подумайте!

Собрание молчало.

- Сами будем строить. Своим умом и своими руками. А пока нужно учиться на тех машинах, какие есть. Вот Чкалов и доказал, как можно на них летать. Только не поймите меня, будто я призываю всех равняться по Чкалову. О другом речь идет.

Он выдержал паузу, чтобы сосредоточиться на главной мысли:

- За минувшие два дня я наслышался туг всякого: о полетах - отчаянных, рискованных, опасных. Скажите, товарищи коммунисты, вас не беспокоит судьба летчика, в душу которого пробрался страх?

- Как это узнаешь? - спросил военком эскадрильи. - Кто из летчиков в этом признается?

- Мне легко ответить на вопрос - кому летчик в этом признается? Вам! Летчик не должен стыдиться такого признания своему комиссару. А комиссар объяснит ему, что страх перед еще не изведанной фигурой высшего пилотажа - чувство естественное. Но только, подавляя это чувство, люди совершенствуются, идут к прогрессу. Только бесстрашные люди создадут сильную авиацию, совершат изумительные полеты. Подрастут наши ребята - те, кто наизусть разучивают сейчас песни о гордом буревестнике и смелом соколе… Ладно! - оборвал он себя. - Помечтаем в другой раз.

Но тут Баранов уловил оживление среди слушателей и заинтересованно спросил:

- Есть другие мысли? Другие соображения?

И снова откликнулся инженер эскадрильи:

- Есть, товарищ начальник. Риск, он ведь всякий бывает. Чкалова наказали за то, что он вопреки благоразумию бессмысленно рисковал. Так?

- Нет, не так! Я уже сказал, что эксперимент Чкалова имел определенный смысл. Я осуждал выбранный им способ и сам факт нарушения дисциплины.

- Допустим, - неохотно согласился инженер. - Но всякий эксперимент есть исключение из общего правила. А в народе говорят: «Тише едешь - дальше будешь» и «По одежке протягивай ножки». На данном этапе [101] мы признаем отставание нашей техники от зарубежной. Надо считаться с реальными возможностями. Вот когда наладим авиационное производство, подготовим кадры - тогда перейдем к следующему этапу. А у нас как получается? Ресурсы минимальные - программа максимальная. Работаем на крайнем пределе. Отсюда нервозность, неуверенность и опасение: как бы чего не вышло! Я высказываю личное мнение…

Никто не возразил инженеру, и это больше всего огорчило Баранова. Инженер высказал ту на первый взгляд разумную истину, от которой не отмахнуться, хотя она совсем не радует, скорее, печалит. Баранов встал, готовый к открытому, честному спору.

- Ясно, товарищ инженер. Вы советуете действовать по старому, доброму правилу человеческого благоразумия. Коль сидишь в старом «фоккере», не мечтай о высоком небе. Давайте тихо, осторожно утюжить воздух в ожидании лучших времен. Спасибо за такой совет! - в сердцах воскликнул Баранов. - Вашему благоразумию да научить бы Чемберлена и Чжан Цзо-лина, Пилсудского и белогвардейских эмигрантов! Обучить бы правилам приличия тех, кто стреляет в спины нашим дипломатам, громит наши торгпредства, шлет ультиматумы! Если бы только ультиматумы!… Уже в близких от Балтики водах замаячила английская эскадра. Время-то какое, товарищи! Вы это учитываете?

- Учитываем! - с ревностной готовностью отозвался военком эскадрильи. - Я решительно осуждаю позицию инженера. Это позиция беспартийного обывателя. А вас, товарищ начальник Военно-воздушных сил, заверяю, что личный состав воспитан в духе боевой активности, в духе готовности смело вступить в бой с противником, располагающим более сильным оружием. Опыт гражданской войны наглядно подтвердил, что не техника - люди решают исход сражения. А в союзе с мировым пролетариатом мы решительным ударом разгромим любого врага.

«Зачем он так? - с досадой подумал Баранов. - Идет собрание коммунистов, а он рапортует, точно на параде или на митинге». И еще смущало Баранова, что военком был искренен в созданной им иллюзии о неминуемо быстром разгроме врага. Справедливо

осуждая инженера, военком абсолютно верил в непреложность законов минувшей войны. И здесь тоже таилась опасность. Но авиационная [102] часть не клуб для дискуссии, да и времени не было для полемики. Смутив военкома неожиданной улыбкой, Баранов весело сказал:

- Что ж, если в союзе со всем мировым пролетариатом, - он широко раскинул руки, - то нам и сам черт не страшен. Ну, а если не будет такого мирового союза? История развивается не по щучьему веленью, а врагов у нас много - сильных, опасных. Вот почему Михаил Васильевич Фрунзе в последний год своей жизни не уставал повторять, что к будущей войне нельзя подходить со старой меркой. Война будет сложной, тяжелой, жестокой. Она потребует немало жертв. Фрунзе предупреждал нас: «Легкая война почти исключается». А враг не дает передышки. Так что, товарищ инженер, давайте без промедлений и до предела используем имеющиеся ресурсы. На тех самолетах, которые есть, надо сейчас готовиться к учениям и к маневрам. Да, товарищи, будут большие маневры с участием авиации. Как она, крылатая армия, себя покажет?…

А заключил беседу еще одним вопросом:

- Нет ли здесь, товарищи, противоречия - боремся за мир и готовимся к большим маневрам? - Сам ответил: - Нет! Пусть враги знают, что не застанут нас врасплох. [103]

Часть третья. Не забывай зарю

Наш ответ

Угроза новой интервенция против Страны Советов никогда не была такой реальной, как весной и летом 1927 года. «Опасность контрреволюционной войны против СССР есть самая острая проблема текущего периода!» - так было записано в резолюции Объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б), заседавшего в том году. И эту острую проблему создала правящая верхушка английской буржуазии. Ее лидер Остин Чемберлен разорвал дипломатические отношения с Советским Союзом и официально заявил, что правительство его величества впредь намерено разговаривать с большевиками только с «позиции силы». Через десять дней после разрыва Англией дипломатических отношений с СССР белогвардейский выродок Каверда смертельно ранил Войкова - советского полпреда в Польше. Выстрел Каверды на главном Варшавском вокзале буржуазные журналисты сравнивали с выстрелом в Сараево, послужившим, как известно, сигналом к началу первой мировой войны. Вспыхивали

инциденты в Маньчжурии.

Провокации не прекращались. Над западными и восточными границами СССР сгущались грозовые тучи.

Советский народ словом и делом демонстрировал свою готовность отразить вражеское нападение. Летом 1927 года была объявлена «Неделя обороны». За два месяца в фонд Осоавиахима «Наш ответ Чемберлену» поступило [104] на строительство воздушного флота около двух миллионов рублей из добровольных взносов трудящихся.

На рабочих собраниях и митингах принимали короткие резолюции: «Трудовым полтинником - по Чемберлену».

«В ответ Чемберленам взлетай, эскадрилья!» - призывал Маяковский в стихах-плакатах.

«Наш ответ» - было начертано на борту самолета АНТ-3, пилотируемого Шестаковым, который 20 августа 1927 года стартовал в дальний перелет по маршруту Москва - Токио.

Сухопутные войска Красной Армии уже получили новые боевые уставы и по ним готовились к учениям и маневрам. Советская авиация лишь набирала силы, и ее скромные успехи не привлекали особого внимания зарубежных военных обозревателей.

Летом 1927 года американский летчик удивил мир небывалым для того времени перелетом. Молодой и никому не известный Чарльз Линдберг пересек на самолете воздушные просторы над Атлантическим океаном. Двести тысяч парижан окружили ночью залитый светом прожекторов аэродром Ле-Бурже, чтобы встретить приземлившийся там «Дух Сен-Луи» - самолет Линдберга, стартовавший из Нью-Йорка. Триумф американца был особенно разителен для французов. Совсем недавно два их летчика, дерзнувшие на перелет через Атлантический океан, погибли в морской пучине. А за Линдбергом еще один американец, Чемберлин, имея на борту своего самолета пассажира, совершил перелет из Нью-Йорка в Берлин. Летчики-рекордсмены стали самыми популярными героями дня. Их чествовали во дворцах королей и президентов, осыпали наградами.

Книги об авиации и авиаторах приобрели широкую популярность. Полковник Фуллер, помощник начальника генерального штаба Англии, автор капитального труда «Преобразование войны», с необычайным апломбом пророчил авиации роль гегемона в войне будущего. Через каких-нибудь двадцать лет, утверждал он, уже на первом этапе военных действий авиация сумеет заставить целую нацию поднять руки вверх. Фуллер писал: «Авиация командует над полем

современной войны, ибо она действует в третьем измерении, в воздухе». Такую перспективу Фуллер рисовал для авиации европейских стран с высокоразвитой [105] промышленностью. Россия по-прежнему серьезно в расчет не принималась.

О том, что будет в середине двадцатого века, Фуллер мог гадать и пророчить. Но пока на исходе был полный тревоги 1927 год, и мир, к счастью, не был нарушен. Страна Советов вступила во второе десятилетие, и те, кому доверили руководство ВВС, с исключительным рвением и преданностью продолжали нелегкую, будничную, не рассчитанную на внешний эффект работу по созданию отечественного воздушного флота.

Подводя итоги минувшего 1927 года, французский журнал «Иллюстрасион» удивил своих читателей таким утверждением: «СССР имеет авиацию с однородным составом персонала и моделей самолетов, причем эти самолеты - новых типов».

Но откуда вдруг появились они в отсталой стране?

«Иллюстрасион» пытался ответить на этот вопрос заголовком своей статьи:

«В Советской России. Активность и результаты авиационной пропаганды».

Советская авиационная пропаганда! - вот что, оказывается, уже тогда тревожило зарубежных военных обозревателей.

Общественная активность не относится к военным секретам, и, чтобы сделать такое «открытие», французскому буржуазному журналу достаточно было хроники повседневной жизни Страны Советов, которая появлялась в печати.

В январе 1927 года в Москве открылся второй в стране Аэрохиммузей (первый был в Ленинграде). Ленинградский завод «Большевик» и московский «Икар» дали авиации сотни моторов «М-5». Выруливали на старт первые истребители конструкции Поликарпова. Без шума, незаметно появился У-2 - учебный самолет, названный потом По-2 по фамилии конструктора. И потом, на протяжении трех десятилетий, в дни мира и на войне, не было еще самолета, которому сопутствовала бы такая завидная судьба, как знаменитому воздушному работяге По-2. Рядом с фамилиями известных конструкторов - Туполева, Поликарпова, Григоровича - называли и новых молодых творцов самолетов и планеров. Пробовали свои силы Ильюшин, Яковлев, Антонов… [106]

Летом 1927 года на авиетке Яковлева летчик Пионтковский совершил перелет из Севастополя в Москву, установив два мировых рекорда для этого класса машин - на дальность и на продолжительность без посадки. Затем на двенадцати самолетах выпускники авиационных школ и военно-воздушной академии

начали «звездный перелет» из разных концов страны в Москву. Строго выдержав маршрут, все самолеты в точно заданный срок приземлились в столице. Экипажи «звездного перелета» получили высокую оценку командования ВВС.

Осенью 1927 года на московском аэродроме имени Фрунзе лучшие летчики из разных частей ВВС демонстрировали свою выучку. Начальнику ВВС Баранову особенно приятно было подписать приказ о награждении летчика, чье отточенное мастерство при выполнении самых сложных фигур высшего пилотажа вызвало восхищение у самых строгих судей. Это был старший летчик из ленинградской Краснознаменной истребительной эскадрильи Валерий Чкалов.

20 сентября 1927 года Баранов и Туполев встретили прибывших из Токио летчика Шестакова и бортмеханика Фуфаева.

- Но мы, товарищи, знаем, чем для нас ценен этот перелет, - сказал Баранов, чествуя экипаж машины. - Слетал в Токио и вернулся обратно обычный, серийный самолет. Мы его и не готовили для рекорда. В прошлом году над Европой пронеслись крылья АНТ-3, названного «Пролетарием», а в этом году уже АНТ-3 демонстрировал «Наш ответ» агрессорам. Это символично. Своим появлением в Европе и в Азии «Пролетарий» и «Наш ответ» сказали кому следует: «Нуте-с, посмотрите на нас, когда мы в воздухе! И на земле попробуйте нас на ощупь». Вот что нас радует. Ленин говорил, что большевикам не нужны истерические порывы. Им нужна мерная поступь железных батальонов пролетариата. И мы не пожалеем сил, чтобы такая поступь продолжалась и нарастала. На земле и в небесах.

На Одесских маневрах 1927 года роль авиации была весьма ограниченной. И только в описании местных репортеров «налет» на Одессу выглядел весьма внушительным. Город во мраке. Тревожно гудят сирены заводов и пароходов, и неумолчно палят зенитки. Лучи прожекторов бороздят ночное небо. А «налет» совершал один самолет. [107]

И ничто, конечно, не мешало ему прорваться к Одессе и сбросить на нее «бомбы». Ведь этого только и ждали многочисленные отряды санитарной и химической защиты из гражданского населения, чтобы показать свою готовность отразить воздушное нападение.

Большие маневры Красной Армии, на которых летчики Военно-воздушных сил показали свое возросшее мастерство, состоялись в следующем, 1928 году. Присутствовавшие на маневрах военные атташе ряда стран и некоторые немецкие генералы заявили, что активные и умелые действия авиации были

для них самой большой неожиданностью.

В дневниках-тетрадках П. И. Баранова сохранились любопытные записи, сделанные на разных аэродромах. Когда маневры развернулись во всю ширь и надо было поспеть к решающим «боям» на стороне «красных» и на стороне «синих» - времени для обстоятельных записей у начальника ВВС уже не было. Отряды и эскадрильи вели непрерывную разведку и «бомбардировку», слаженно взаимодействовали с наземными войсками. В ночном «налете» на Киев, продолжавшемся около часа, участвовала эскадрилья самолетов.

Реввоенсовет в своем приказе дал блестящую оценку действиям авиации.

После трехмесячной отлучки Баранов вернулся в Москву загоревшим и окрепшим. За лето он исколесил и исходил сотни километров и много часов провел в воздухе, перелетая из города в город, с аэродрома на аэродром. Отдохнув с дороги, перелистал свои записи.

Если учение проходило успешно, Баранов в своих записях был до предела лаконичен:

«Гомель. Полет в Речицу. 4 тяжелых самолета и 6 истребителей. С задачей справились». «Киев. Дарницкий полигон. Образцовое перестроение в воздухе. Меткая стрельба из передних и задних пулеметов. Отметить показательную работу отряда». «Харьков. Вместе с Блюхером встречать наш самолет пришел Иван Акулов. Повел Ивана осматривать ангары и парк. Был полет по маршруту. Высота 2500. Взлет и посадка звеньями. Впечатление хорошее. Вечером - совещание с комэсками, политработниками».

И вдруг конфуз! Первого сентября на одном из полигонов Баранов начал запись словами: «Плохо! Очень плохо!» [108] Такую оценку он дал бомбометанию 36-й эскадрильи. Приближаясь к полигону, она поторопилась освободиться от груза, и бомбы «разорвались» близко от командного пункта, где находились наркомвоенмор, начальник Генерального штаба РККА, командующий войсками округа и другие начальники. Не от страха (бомбы были учебные), а от стыда начальник ВВС готов был сквозь землю провалиться.

- Представь себе мое состояние! - говорил Петр жене, вспоминая этот эпизод. - Мой заместитель еще с земли увидел, что будет недолет, и до того растерялся, что скомандовал «Отставить!» И я не удержался, грожу летчикам кулаком. Где там - лупят! А Дыбенко хохочет и кричит: «Сыпь, Семеновна, подсыпай, Семеновна!» Смех и горе!

Белла принесла почту, скопившуюся за эти месяцы. Стали вместе ее разбирать.

Уже в первом письме - приятная неожиданность. Объявился Саша Сорвачев, бывший коновод и ординарец Петра Ионовича. Уцелел лихой рубака в отчаянных схватках с басмачами, шлет множество поклонов, приветов и спрашивает, кто сейчас хозяин резвому иноходцу Щеголю, за которым он так ласково ухаживал на Туркестанском фронте. Во втором письме народный артист республики Мейерхольд интересуется судьбой самолета, еще два года назад подаренного театром Красной Армии, а заодно приглашает Барановых на премьеру нового спектакля.

Порадовал Барановых третий корреспондент:

«Дорогой Петр Ионович!

Уже собирался к Вам в Москву, чтобы посмотреть ваш новый Аэромузей, да здешние дела по институту имени Лесгафта и печатающийся в Государственном издательстве четвертый том задерживают меня…»

Баранову очень хотелось повидаться еще раз с почетным академиком Николаем Александровичем Морозовым. Встретились они в прошлом году в ленинградском Аэрохиммузее, одним из создателей которого был Морозов. К тому времени Баранов уже знал, как глубоко интересуют ученого вопросы воздухоплавания. Морозов еще в 1912 году с научной целью поднимался на воздушном шаре и на аэроплане. Тогда же ученый выступил в печати со смелой, хотя и спорной гипотезой о новых [109] звездах, возникающих под влиянием радиоактивного распада существующих светил. Влечение к авиации не оставляло Морозова и на восьмом десятке лет.

- А с вами я заочно познакомился еще до революции, когда слушал ваши стихи, ваши «Звездные песни», - признался Петр Ионович Морозову при первой встрече. - На сходке их читала одна девушка… Нагрянули жандармы и помешали ей. Эта девушка стала моей женой. Может быть, поэтому я и запомнил одну строфу из ваших «Звездных песен».

- Вот как! - удивился Николай Александрович. - Какую строфу?

- Ту, где «мы тоске немой и ненавистной овладеть сознаньем не дадим. Будем жить любовью бескорыстной…» - Он запнулся, ждал подсказки, но Николай Александрович выжидательно молчал. А Петр Ионович помнил только смысл последней строки и не очень уверенно закончил: - «Счастлив тот, кто счастье дал другим».

- Верно, ах как верно! - обрадовался старик и не стал поправлять Петра Ионовича. - Кстати, в моей научно-атеистической гипотезе о новых звездах цензоры не разобрались и выпустили ее в свет. Но стоило появиться «Звездным песням»,

как царский цензор изрек: «Земли творение - землей живи!» И упекли меня на год в тюрьму. Что для шлиссельбургского узника один год тюремного заключения? Зато отобьют у него охоту стихи писать… - Он потеребил густую бороду и весело погрозил Петру Ионовичу пальцем: - Так вам, молодые люди! Знайте, какие стихи читать! Не дразните жандармов.

…Теперь Николай Александрович звал Баранова навестить Ленинград. Приглашение опоздало. Петр решил провести отпуск в Крыму.

- Поедем туда всей семьей, - сказал он жене. - Ты с детьми будешь в Евпатории, я - рядом. Недалеко от Феодосии есть гора Узун-Сырт. Потрясающая гора. Над ее ровным плато гуляет ветер. Самый желанный ветер - с моря, с юга. Подует, и взлетай. А приземляйся в долине с красивым названием - Бараколь. Соберутся на горе Узун-Сырт планеристы со всего Союза. Парители и конструкторы. Я им обещал приехать.

- Вот почему тебя манит Крым, - разочарованно произнесла Белла. - Дневать и ночевать будешь на той [110] горе, уж я тебя знаю. В зимние воскресные дни ты увлекаешься аэросанями, в летний отпуск - планерами.

- Что ты, дорогая! Разве это увлечение? Это же серьезное чувство! Примирись с ревностью. - Он обнял жену и с шутливой таинственностью признался: - Однажды полюбив ее, уж не разлюбишь. Такая она - авиация!

* * *

Воздушный флот набирал силы.

Теперь маневры Красной Армии уже не обходились без участия авиации. Летом 1929 года летчики отличились на Бобруйских и Северо-Кавказских маневрах, а осенью отдельным эскадрильям Военно-воздушных сил пришлось выдержать боевой экзамен на восточной границе СССР. Милитаристы всячески пытались раздуть конфликт на КВЖД в пожар войны, и, когда все благоразумные предупреждения Советского правительства были исчерпаны, войска Особой Дальневосточной армии получили приказ дать отпор зарвавшимся захватчикам.

В канун Октябрьского праздника реввоенсовет Особой Дальневосточной армии прислал приветственную телеграмму Баранову, в которой высоко оценил мастерство и отвагу летчиков и отдавал дань уважения их испытанному боевому руководителю. В ответной телеграмме начальник ВВС счел нужным подчеркнуть, что победы летчиков - результат усилий всех строителей «нашего

еще молодого воздушного флота». И радовался: «Надежды на творческую энергию и беззаветную храбрость десятков тысяч моих молодых соучастников создания воздушной мощи оправдываются».

Конфликт на КВЖД был ликвидирован. Техник одной из авиаэскадрилий Орлов откликнулся на это событие стихами, которые прислал начальнику ВВС.

С каждым днем
Крепнут красные крылья.
Каждый день -
Это в новое взлет.
Был мечтою, а сделался былью
Мощный Красный воздушный флот.

Осенью 1929 года штаб ВВС провел показательные учения, в которых, взаимодействуя, участвовали уже [111] истребители, разведчики, бомбардировщики. Той же осенью авиационные части пополнились большим отрядом инженеров-механиков. Тогда же в стране был создан Комитет по развитию воздухоплавания. Его возглавил Баранов.

А из Америки телеграф приносил радостные вести о победе экипажа «Страна Советов». В канун нового года этот экипаж ждали на Родине. Но Баранов уже знал, что ему не придется встречать своего шеф-пилота Семена Шестакова и других членов экипажа «Страна Советов».

Баранов сам собирался в дальнюю дорогу, за океан.

За океаном

1

14 декабря 1929 года океанский корабль «Колумбус» покинул порт Бременсгафен и направился к берегам Америки. Три комфортабельные каюты первого класса заняли пять пассажиров с визами, полученными в Германии, ибо страна, гражданами которой они были, еще не имела официальных отношений с Америкой.

Этим пассажирам пароходная компания предоставила все удобства для дальнего плавания. Капитан «Колумбуса» редко встречал путешественников из большевистской России и, снедаемый любопытством, наведался к русским, справился о здоровье. Те поблагодарили, хотя чувствовали себя на «Колумбусе» весьма скованно, но по причинам, от капитана не зависящим.

Первый пассажир никак не мог привыкнуть к штатской

одежде: тринадцать лет не расставался он с гимнастеркой, с длинной шинелью, перехваченной ремнем, с армейскими сапогами. Второго пассажира тяготил принятый здесь этикет: являться к вечернему обеду в смокинге или в строгом черном костюме. Третий любил пищу простую, грубую, а в ресторане пичкали разными деликатесами. А четвертый и пятый, самые молодые, искренне сожалели, что едут в первом, а не в третьем классе, где все проще, веселее. На открытке с видом «Колумбуса» первый пассажир писал жене: «Нас окружают чопорные мужчины, а женщины… Выше третьего класса интересных женщин не встретишь…» [112]

Пятеро русских изредка появлялись на площадке для игр, чтобы размяться киданием мешочков в цель или подышать свежим воздухом. Но большую часть свободного времени они проводили в просторной каюте первого класса. Часто беседовали об уходящем годе. В советских газетах его называли переломным. Самым популярным лозунгом в родной стране, которую они на полгода покинули, был: «Догнать и перегнать!» Для этого строятся сейчас металлургические комбинаты на Урале, автомобильный и самолетные заводы на Волге, электростанции на Днепре…

А «Колумбус» увозил их в далекую Америку, где горячо спорят о новой России, но все еще не признают ее. В дипломатическом «железном занавесе» была пробита лишь первая брешь, и пятеро русских хорошо знали, какую роль сыграла авиация, помогая американцам «открыть» Советскую Россию.

Летом 1929 года в печати появилось сообщение, что советский самолет готовится к перелету в США. Узнав об этом, многие американцы, ложно информированные о положении в Советском Союзе, сомневались в реальности такого перелета. Но газеты известили, что самолет стартовал и на его борту находятся пилоты Шестаков и Болотов, аэронавигатор Стерлигов и механик Фуфаев. По обе стороны океана люди склонились над картами. Маршрут «Страны Советов» пролегал над огромными пространствами Советского Союза и Америки. Восемь тысяч километров над водой. Над Камчаткой и Аляской - полосы сплошных туманов, морозы. Выдержат ли этот маршрут моторы? Выдержит ли русский экипаж еще никем не изведанные испытания?

Америка настороженно ждала.

* * *

За месяц до этого события стартовал самолет такой же марки - АНТ-9, названный «Крылья Советов» и пилотируемый Громовым. За 23 летных часа он покрыл 9037 километров, побывав во многих столицах европейских государств, и «походя» выиграл неофициальное и негласное соревнование у немецкого самолета «Рорбах-Роланд-II» на коротком отрезке Берлин - Травемюнде. Любопытно, что англичане, три года назад отрицавшие русский приоритет [113] на самолет «Пролетарий», прочли теперь в своем авиационном журнале «Флайт» такое признание: «Как показывают летные данные АНТ-9, самолет этот делает честь конструктору и Советской России. Перелет Громова способствовал поднятию престижа русской авиации».

Самолет АНТ-9 москвичи и их гости из зарубежных стран увидели на первомайском празднике 1929 года. Он был выставлен для обозрения на Красной площади возле храма Василия Блаженного. Иностранные корреспонденты решили, что это - один и тот же самолет, которому сначала дали название «Крылья Советов», а потом «Страна Советов». И хотя Шестаков взял старт еще до приземления Громова в Москве, в западной прессе, в связи с вынужденной посадкой самолета под Читой, появилось сообщение, что единственный русский рекордный АНТ-9 прекращает свой великий азиатский маршрут из Европы в Америку.

Но повреждение было исправлено, и перелет продолжался. О том, что пережила Америка осенью 1929 года, за два месяца до прихода «Колумбуса» в Нью-Йоркский порт, пусть свидетельствуют сами американцы.

2

«Вместо крушения, как ожидали благочестивые антибольшевики, самолет великолепно перелетел из России через Берингово море, и летел он со скоростью 110 миль в час». Так в день прилета «Страны Советов» в Нью-Йорк писала «Геральд трибюн» и тут же иронизировала по поводу печальной судьбы банкиров, которые по своей яростной глупости продолжают «покупать царские обязательства и обязательства господина Керенского». Может быть, перелет русских чему-нибудь научит тех, кто все еще надеется на крах Страны Советов!

Журнал «Aviation», отдав дань храбрости и опытности экипажа «Страны Советов», сделал практический вывод: «Мы предполагаем изучить самолет с интересом, как оригинальный продукт национальной авиапромышленности, о развитии которой мы знаем слишком мало. Мы рукоплещем перелету».

Американцы не только рукоплескали, встречая экипаж самолета. Чикагская «Дейли ньюс» информировала: «Толпа, размахивающая красными флагами и поющая «Интернационал [114]», устроила русскому самолету историческую встречу».

Это уже выходило за рамки обычного гостеприимства. Тут была политика. В письмах простых американцев, которые публиковали многие газеты, люди спрашивали: почему неофициальная Америка устраивает русским летчикам такую встречу, какой после возвращения Линдберга из Парижа еще никто не удостоился, а Америка официальная все еще не признает СССР?

Балтиморская газета «Сан» в номере от 26 октября 1929 года недвусмысленно критиковала правительство США за то, что «русские не были приглашены посетить Вашингтон, они не были приняты как официальные гости правительства, они не были допущены к официальному рукопожатию президента Гувера или статс-секретаря». И тут же объяснила причину такого поведения Белого дома и госдепартамента: «Как было объявлено, в столице нашей великой и доблестной страны свободы и родины храбрых эти посетители - граждане Советской России, а мы не признаем Советы как правительство когда-либо существовавшее».

Так вот почему Белому дому приходится вести эту неумную, смешную игру в «дипломатические прятки»! Местная газета «Бэкон» писала: «Это только правительство до сих пор не признает Советского Союза… Политические патриоты содрогаются перед красной опасностью, в то время как предприниматели делают дела с СССР на сотни миллионов долларов в кредит…»

Страсти вокруг перелета «Страны Советов» не затухали до кануна рождественских праздников, а потом вспыхнули с новой

силой. Когда «Бэкон» писала о предпринимателях, которые «делают дела с СССР на сотни миллионов долларов в кредит», она имела в виду результаты поездки в США первой советской торговой комиссии, руководимой Межлауком. Теперь в деловых кругах США стало известно о предстоящем приезде новой комиссии, но лишь немногие знали, что ее возглавляет начальник той самой авиации, летчики которой уже побывали на американской земле, и что в составе этой комиссии находится и конструктор самолета «Страна Советов».

«Колумбус» приближался к берегам Америки, и пятеро русских ехали туда не для того, чтобы пожинать лавры. В комиссию Баранова входили четыре специалиста. [115] Двое из них - общепризнанные авторитеты в самолето- и моторостроении - Андрей Николаевич Туполев и Борис Сергеевич Стечкин. А двое были питомцами военно-воздушной академии, ее первого и прошлогоднего выпуска - Николай Михайлович Харламов и Евгений Васильевич Урмин. Комиссии предстояла большая, насыщенная деловыми встречами поездка по многим городам и предприятиям Америки.

Имея в виду тех, с кем доведется встречаться в Америке, Баранов сказал спутникам:

- Знали бы они, с чего мы начали пять лет назад:

- В свое время узнают, - отозвался Туполев.

«Колумбус» шел плавно, без качки.

Баранов и Туполев вспоминали…

3

На второй день после своего назначения на должность командующего Военно-воздушными силами Баранов приехал в ЦАГИ. Главный конструктор института Туполев встретил его, показал мастерскую, строящуюся лабораторию, аэродинамическую трубу. Петр Ионович провел в институте весь день, подробно знакомился с планами, интересовался нуждами. С тех пор не проходило месяца, чтобы начальник ВВС хоть раз не побывал в ЦАГИ.

В прежних «юбилейных» изданиях история этого ныне широко известного института излагается так, будто он всегда и всеми был окружен особой заботой, всеобщим вниманием и потому так бурно, успешно развивался. Это противоречит той непреложной истине, что все смелое и подлинно новаторское пробивает себе дорогу в нелегкой борьбе с косностью, с рутиной, с привычкой жить и работать по старинке. Следует к тому же учесть скудные возможности, которыми располагал ЦАГИ в стране, разрушенной войнами: ощущалась острая нехватка

технических средств, квалифицированных кадров. С присущей ему прямотой сказал об этом сам Баранов, когда от имени Военно-воздушных сил и Реввоенсовета СССР приветствовал председателя коллегии ЦАГИ Сергея Алексеевича Чаплыгина в связи с тридцатипятилетием его научной деятельности. «Ваши труды тем более заслуживают признания, - подчеркивал Баранов, - что работали вы в стране, пережившей годы нужды, когда Советская власть [116] не могла создать обстановку, способствующую успешному протеканию вашей сложной и трудной работы».

Да, время было нелегким, а работа сложной. До сих пор ветераны ЦАГИ с признательностью и любовью вспоминают Петра Ионовича, который с особой гибкостью и неослабным вниманием относился к институту, горячо поддерживал ученых в самых смелых начинаниях.

Когда в институте приступили к строительству первого в стране металлического самолета из кольчуг алюминия, то даже подходящего помещения не оказалось, не будешь каждый раз ломать стену мастерской, чтобы вытаскивать наружу части самолета. Решили строить металлический «АНТ» непосредственно на алюминиевом заводе, в Кольчугине. Баранов помогал строителям, изыскивал средства, посылал в ЦАГИ на практику выпускников военно-воздушной академии.

ЦАГИ становился всемирно известным институтом. Немецкая газета «Берлинер тагеблат» писала, что в области авиации этот московский институт «представляет собою, пожалуй, самое большое и лучше организованное исследовательское учреждение в мире». Когда ЦАГИ отмечал свое пятнадцатилетие, Петра Ионовича уже не было в живых. Юбилейный сборник, выпущенный к знаменательной дате, открывался статьей, где отмечалось, что имя Баранова, «крупнейшего организатора и руководителя авиационной промышленности и советской авиации, тесно связано с жизнью и работой Центрального аэрогидродинамического института».

Среди кратких записей Баранова (тетрадь 1926 года) упоминается о перспективах опытного строительства самолетов, сближения научно-исследовательской работы с опытно-конструкторской и создания общего руководящего центра - Научного комитета. Баранов перечисляет фамилии ученых и конструкторов, с которыми обменивался мнениями: Туполев, Стечкин, Климов, Поликарпов… Где это было? В штабе ВВС или в самом ЦАГИ?

Сестра Баранова рассказывала:

- В этой записи названы Петины товарищи. Они к нему часто

приходили на квартиру. Тут и чай, тут и совещание.

Квартира Барановых была широко открыта для авиаторов. В тесных комнатах на улице 25 Октября, а потом и в более просторных - на улице Серафимовича - горячо [117] обсуждали будущее самолетостроения и моторостроения. И развлекались игрой в шахматы - устраивали блицтурниры. Петр Ионович был заядлым шахматистом.

4

«Колумбус» прибыл в Америку.

Уже все пассажиры первого класса оставили корабль, а Петра Ионовича и его спутников все еще задерживали в таможне. Пришлось Баранову недвусмысленно намекнуть инспектору, что если тот вздумает распространить на пять советских граждан обычную для эмигрантов процедуру - карантин на «Острове слез» - то пусть лучше сообщит название корабля, который в ближайший час покидает Америку.

Об этом предупреждении стало известно представителям фирм, с нетерпением ожидавших приезда советской комиссии. Они связались по телефону с Вашингтоном, и уже через несколько минут пятеро русских беспрепятственно сошли на американский берег. Здесь их встретил старый знакомый Баранова по Москве - Петров (Сергеев). Руководитель авиационного отдела торгового представительства «Амторг» располнел, отрастил пышные рыжие усы, но Петр Ионович сразу узнал бывшего начальника Авиадарма. Петров повез гостей в гостиницу «Линкольн».

«24 декабря. Вечером мы вышли на балкон и увидели улицу в огнях реклам». Эту запись молодой инженер Евгений Урмин сделал в первый день своего пребывания и Америке. Урмин вел сугубо деловой технический дневник с рисунками-чертежами, лишь изредка доверяя ему свои личные впечатления. Дневник назывался так: «Путевые заметки. С комиссией П. И. Баранова по США».

Америка встречала новый, 1930 год, потрясенная кризисом. Мрачная тень кризиса лежала на всем пути следования комиссии Баранова. После трехнедельного пребывания в Нью-Йорке и его окрестностях, кратковременных посещений других городов центральной части страны, комиссия прибыла в Сиэтл. Отсюда на двух «бьюиках» поехали дальше. В начале февраля счетчики на машинах уже показывали около четырех тысяч миль, а маршрут далеко еще не был завершен.

Фирмы «Кертисс-Райт», «Локхид» и «Боинг»… Заводы, [118] мастерские и лаборатории этих фирм находились в разных

концах страны. Но надо еще побывать на аэродромах и в авиационных школах. Пытливого и любознательного Туполева интересуют и весьма далекие от авиации технические новинки, - например, тепловые установки в гостиницах. Целую неделю занял осмотр всемирной авиационной выставки в Сен-Луи. А сколько времени отнимают разного рода встречи и банкеты!

А репортеры, которые охотятся за интервью с «начальником Барановым» и «главой гражданского воздушного флота России», как именовали в газетах Туполева! И как можно, побывав в Дантоне, не проведать еще здравствующего пионера авиации, одного из братьев Райт?

В Сиэтле у каждого члена комиссии - непочатый край работы. Но, оказывается, не так уж далеко от города есть «Русская Америка». Как же не поехать к давним поселенцам? Старожилы «Русской Америки» попросили показать им «начальника Баранова» и очень пристально его рассматривали. Оказывается, деды поселенцев знали генерал-губернатора Баранова, служившего здесь еще в ту пору, когда Аляска принадлежала России. Так не из губернаторского ли рода начальник, приехавший в Америку? Старики долго покрякивали от удивления, узнав, что Петр Ионович - сын водовоза. Охали и вздыхали старухи. И только молодые пучили глаза: русского разговора они не понимали.

Как ни упрашивали гостеприимные хозяева «Русской Америки» погостить у них день-другой, Петр Ионович приказал заводить «бьюик». В точно назначенное время надо прибыть в Сан-Франциско, а потом Лос-Анжелос, Кливленд, Балтимор… Затем, не нарушая графика, надо осмотреть предприятия разных фирм. Для того и приехали в Америку, чтобы видеть как можно больше, сравнивать, сопоставлять и безошибочно определить, какой фирме отдать предпочтение, у кого и что покупать. Кризис - не тетка, и сейчас многие фирмы жаждут заказов. Баранов не связывался с робкими дельцами, которые опасались санкции со стороны своего правительства. И, мало заботясь об этикете, велел гнать в шею нахальных спекулянтов и нечистоплотных коммерсантов, вроде бывшего белогвардейца Кюза.

Этот Кюз наживался на кризисе и на «сухом законе», запрещающем продажу спиртных напитков. Пронюхав, [119] что на складах военвода скопилось огромное количество авиационных моторов «Либерти», настолько устаревших, что их продавали частным лицам за бесценок, Кюз стал их скупать и, чуть модернизировав, устанавливал на лодки. Тайные торговцы спиртными напитками были клиентами Кюза. Вместо торговцев «бутлегеров», прятавших свои плоские бутылки в сапогах,

появились лодки Кюза с моторами «Либерти», развивающие скорость до пятидесяти миль. Попробуй, полицейский, догони их! Излишек моторов Кюз пытался продать «Амторгу», но Баранов показал ему на дверь.

Основной фирмой, с которой комиссия Баранова заключила широкие соглашения, была «Кертисс-Райт».

* * *

Тридцать два года спустя в Центральном институте авиационного моторостроения имени П. И. Баранова, в связи с семидесятилетием со дня рождения Петра Ионовича, состоялся вечер. Хорошо знавшие Петра Ионовича товарищи выступили с воспоминаниями о своем бывшем друге и начальнике. Предоставили на этом вечере слово и профессору Евгению Васильевичу Урмину. Он направился к трибуне со своим старым дневником: «Путевые заметки. С комиссией П. И. Баранова по США».

Нет, не только о прошлом говорил в тот вечер профессор. Былое перекликалось с настоящим и будущим. Для такой аудитории естествен был вопрос, с которым профессор обратился к слушателям: какую линию в авиационном моторостроении отстаивал Баранов еще там, за океаном?

В Америке Баранов говорил советским специалистам:

- Мы выберем самый лучший тип мотора самой передовой фирмы и скопируем его. Этот лучший заграничный образец наши конструкторские бюро и институты должны рассматривать лишь как исходный рубеж, чтобы в кратчайший срок создать лучшие, чем у заграничных фирм, моторы.

Жизнь подтвердила реальность такой задачи. Уже в годы Великой Отечественной войны советские моторы имели такие параметры, каких лучшие заграничные фирмы не знали. А развитие турбореактивных двигателей - разве оно не подтвердило правильность целеустремленной [120] линии, которую проводил Баранов на заре отечественного моторостроения?

И еще рассказал профессор о приеме авиаторов в Кремле, когда один из членов правительства сказал:

- Хороший договор составили мы с фирмой «Кертисс-Райт». Десять лет назад именно такой договор нам и нужен был…

5

«Амторг» оформил договор с «Кертисс-Райтом», заключены торговые соглашения с другими фирмами, и пришла пора

возвращаться домой. Теперь, на досуге, можно обменяться впечатлениями об Америке.

Все отдали должное практической сметке американских инженеров, по достоинству оценили удобные автострады и даже рекламы на дорогах. Вспомнили чудесные пейзажи Тихоокеанского побережья. Всякое бывало на большом маршруте по Америке.

Корабль вышел в океан. Исчезли, будто растворились в белесом тумане, очертания Нью-Йорка. До Европы далеко, еще дальше до Москвы… Думая о Родине и чужбине, Петр Ионович сравнивал их не географическими масштабами, а судьбами людей. Для него, политического работника, это самый верный критерий. В тетрадку-дневник Баранов записал лишь несколько слов. Когда-нибудь он прочтет их и вспомнит еще об одной встрече на американской земле.

* * *

Случилось это в Детройте, в кафе, где за стойкой отпускал безалкогольные напитки немолодой, светловолосый официант.

- Пошли, Петр Ионович!

- Стойте! - крикнул человек за стойкой. - Не уходите, бога ради. Вы русские? - обратился он к Баранову и сопровождавшему его сотруднику «Амторга».

Официант оказался из числа тех, кого мутный поток эмиграции захлестнул вместе с остатками бежавшей из Крыма белогвардейской армии Врангеля. Судьба сыграла злую шутку с солдатом, на время приставленным денщиком к генералу, - он оказался с чемоданами генерала на [121] борту корабля как раз тогда, когда матросы отрубили концы. И только тут понял, что с ним стряслась беда. Броситься в воду? Он не умел плавать. Не соображая, что и генерал бессилен ему помочь, денщик стал его просить, умолять. Жена генерала посочувствовала. «Дубовый листок оторвался от ветки родимой…» - эффектно продекламировала она.

В Турции русскому генералу было не до денщика, самому бы прокормиться. И пошло мотать бобыля по белу свету, пока не занесло его в Америку. Здесь он тоже намаялся, хватил лиха, пока не устроился официантом в кафе. Хозяин, тоже русский, из семьи казанских купцов, вместе с отрядом барона Унгерна бежал от Красной Армии в Монголию, оттуда перебрался в Китай, в Японии на каком-то деле разбогател и подался в Америку, где приобрел помещение и оборудовал его под кафе.

Подобных историй Петр Ионович наслушался в Америке, но перебивать человека, с такой охотой рассказывающего свою «одиссею», было неудобно. В Детройте официант обзавелся семьей. Двое детишек у него; жена-американка и малыши русского языка не знают. Так и живет тут, постепенно приглушая тоску по Родине. Вспоминают Россию только на встречах земляков-эмигрантов. Одни проклинают Советы, другие не верят клевете на большевиков и осуждают себя за то, что бездумно порвали с Отечеством. Сходились в одном: старая Россия жила в беспросветном невежестве. Советам досталось разрушенное войной хозяйство, - значит, долго еще будут россияне пустые щи лаптями хлебать да скрипеть немазаными телегами. А в Америке, между прочим, даже авто - не роскошь…

- Вот тут и спикировала на наши головы русская телега об два крыла… Эх, что творилось нынешней осенью в Детройте! - воскликнул официант. - Сам Генри Форд оказал почести русским летчикам. В день их прилета я отсюда сбежал, хоть и досталось мне от хозяина, хотелось посмотреть своих, русских! С тех пор сверлит в мозгу одна мысль: как же так? Ничего у них в России нет, коптят лучины под соломенными крышами, а такие крылья отковали! Это как понять? И опять между тутошними русскими спор разгорелся…

Официант внезапно смолк. В дверях показался хозяин - тучный, в пикейном жилете, без пиджака. Видимо, [122] он подслушал разговор, так как сразу подошел к Баранову.

- Рад видеть русских бизнесменов. Мне говорили, что вы рядом, в отеле остановились. Приехали в Америку дела делать? Правильно! Мы никак не вылезем из кризиса, а вы хорошие оптовые купцы. Купцы из России!

Дымящаяся сигара прыгала перед мясистым носом хозяина, но он ее изо рта не вынимал. Только что подчеркнуто разделил себя и приезжих на «мы» и «вы» и вдруг перешел на панибратский тон:

- Кем бы ни был, - сказал он Баранову, - а русский. И раз пожаловал, то надо… Эх, да разве здесь, да еще из-за этого проклятого «сухого закона», отметишь встречу? - Он оглянулся и тоном заговорщика прошептал: - Есть одно прелестное местечко!…

- Нет! - резко оборвал Баранов.

- Зря! Виски будут, девицы… И все шито-крыто. Это мы умеем. Деньги ваши, хлопоты наши. Цыганские романсы послушаем… Не желаешь? Стран-но! А можно и русскую песню заказать. Есть одна актрисочка, в лучших ресторанах Петербурга пела. - Он оперся растопыренными пальцами в бока и,

притопывая ногой, перевирая слова и мотив, запел: «И-эх да по речке, и-эх да по Казанке, утка с селезнем плывут».

Петр Ионович чувствовал, как приливает кровь к лицу: «За кого он меня принимает?» Но тут же укротил гнев. Не расскажешь же этому типу, как жандармы вели солдата-каторжника Баранова вдоль Казанки в губернскую тюрьму и как пели про свою речку Казанку и сизого селезня солдаты пульроты 94-го Казанского полка, отправляясь воевать в Карпаты. «Кем бы ни был, а русский…» Врешь! Даже здесь, на чужбине, вы разные. Петр Ионович убедился в этом, взглянув на официанта: тот стоял, потупив взор, испытывая жгучий стыд за хозяина.

Протягивая официанту руку, Петр Ионович попрощался только с ним.

Выплюнув сигару, хозяин кафе зло бросил вслед Баранову:

- Чалдон! Эй, чалдон, своих не признаешь?

Баранов задержался в дверях. Обращаясь только к официанту, спокойно сказал: [123]

- Право, земляк, я не жалею, что послушал ваш рассказ. Задержался и увидел… казанского селезня!

6

Теперь можно представить себе удивление детройтского хозяина кафе и его официанта, когда им в руки попала газета «Нью-Йорк Американ». Там была помещена фотография знакомого им посетителя. Под ней - краткое описание необычайной для американцев человеческой судьбы под сенсационным заголовком:

«Баранов, сын крестьянина, командует воздушными силами».

«Нью- Йорк Американ» публиковала выдержки из книги английской журналистки и путешественницы леди Друммонд Хей -первой женщины, перелетевшей Атлантический океан на дирижабле «Граф Цеппелин».

Издателя американской газеты интересовали впечатления леди Друммонд от пребывания в Москве и, главным образом, ее высказывания насчет советской авиации. Леди знала, для кого пишет и кто ей платит. Она обрушивалась на своих соотечественников-пацифистов, утверждая, что поскольку в красной России пацифистов нет, то никто там «не накладывает парализующую руку» на создание большого воздушного флота. Пугала читателей призраком могучего красного воздушного флота: «Для России он станет тем же, чем был британский морской флот для всей нашей жизни в течение веков».

Характеристика, которую Друммонд дала командующему Советскими Военно-воздушными силами П. И. Баранову,

начиналась так:

«Начальник красных воздушных сил. Волосы цвета вороньего крыла. Черные глаза и приятный голос. Это русский Карло Бальбо».

Упомянуть популярного в то время итальянского министра авиации понадобилось леди Друммонд для того, чтобы подчеркнуть разницу между ним и Барановым, который «настолько же выдержан, насколько тот полон темперамента». Но разве только это их отличает? Как объяснить читателям, почему «сын крестьянина, без специального образования и не летчик», достиг такого высокого поста? Почему именно ему «поручено создать самый сильный в мире воздушный флот»? [124]

Леди Друммонд Хей видела Петра Ионовича на Красной площади во время первомайского парада, а общие сведения о Баранове могла почерпнуть из четвертого тома Большой советской энциклопедии за 1926 год: «Революционер, военный деятель, родился в Петербурге в семье ломового извозчика…» Буржуазной журналистке заказали книгу не для того, чтобы она размышляла о государственном и общественном строе, открывшем детям из «простонародья» широкий простор для развития их талантов. И все же она искала ответа на вопрос о причинах необычной карьеры «русского Карло Бальбо».

Немало, однако, воды утекло, пока Друммонд Хей писала свою книгу. Выдержки из ее книги появились в «Нью-Йорк Американ» в конце лета 1932 года, когда Баранов уже не был «начальником красных воздушных сил». Он занимал не менее высокий пост начальника Главного управления авиационной промышленности СССР и был заместителем Народного комиссара тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе. Занимал он этот пост недолго - через два с лишним года случилась катастрофа, о которой речь еще впереди. Но повременим расставаться и с «начальником красных воздушных сил». Леди Друммонд Хей не ошибалась, когда писала о Баранове: «У него организаторский талант и нужное большевикам дарование - направлять и вдохновлять».

Что верно, то верно!

Мы Родине служим

1

В биографиях первых крупных партийных, советских и военных работников есть примечательная особенность: занятые нелегкими служебными делами, они находили время для

многообразной общественной и культурной деятельности. И диву даешься, откуда черпали они энергию.

В Москве есть Дом авиации и космонавтики. Первое его название - Аэрохиммузей. Сейчас в этом доме нет, к сожалению, на видном месте портрета П. И. Баранова, хотя именно он был председателем организационной комиссии [125] по созданию такого музея. Сохранилось обращение начальника ВВС Красной Армии и заместителя председателя ОДВФ Баранова, который еще на восьмом году Советской власти призвал всех работников воздушного флота и активистов Общества создать в Москве аэромузей: «Мы еще бедны, - писал в этом обращении Баранов, - и средства наши ограничены. Больше бережливости, инициативы, творческой энергии!»

Не лишне напомнить нынешним активистам Добровольного общества содействия армии, авиации и флоту, что после трагической гибели Баранова его имя присвоили первому в Москве водномоторному клубу и Центральной планерной школе в Коктебеле. Не только летчики и планеристы, но и энтузиасты автомобильного и водномоторного спорта, строители первых аэросаней, первые «гирдовцы» Осоавиахима (группа, изучавшая реактивное движение) - все они получали горячую поддержку Петра Ионовича в смелых, интересных и многообещающих начинаниях. И наряду с этим - забота о человеке, о каждом ценном для партии и для страны работнике.

Обратимся снова к личному архиву бывшего начальника ВВС. Вот черновик его письма, датированный мартом 1925 года. Что побудило Петра Ионовича обратиться с письмом непосредственно в Центральный Комитет партии?

«В Москву из Донбасса приезжает по делам т. Акулов Иван Алексеевич. Убедительно прошу в партийном порядке обязать т. Акулова освидетельствоваться у врачей и (в том же партийном порядке) предписать ему строгое лечение». Баранов сообщал Центральному Комитету, что знает Акулова по революционному подполью, уже тогда он страдал туберкулезом, а теперь его здоровье ухудшилось, и это не может не тревожить партию. «Хороший товарищ, замечательный работник. Будет очень горестно потерять его. Надо принять решительные меры и заставить Акулова лечиться». Последняя строка: «Прошу не говорить Акулову об этом письме. Баранов».

Акулова вылечили, и он пережил Баранова. Старые коммунисты хорошо помнят бывшего секретаря ЦИКа и бывшего Генерального прокурора страны. Умер Иван Алексеевич Акулов не от туберкулеза - иная смерть настигла его в тяжкую годину жестоких репрессий… [126]

Перебирая чудом уцелевшие бумаги из личного архива Петра Ионовича (основной архив, переданный на хранение И. А. Акулову, исчез после его ареста), родственники нашли обрывок записки с почерком Беллы: «Фрося, я взяла до Петиной получки…» Ефросинья Ионовна и ее муж часто обнаруживали такие записки в ящике комода, где обычно лежали деньги. Зарплата члена правительства и заместителя наркома, ограниченная партмаксимумом, была значительно ниже зарплаты инженера, специалиста по авиационным моторам - мужа Ефросиньи Ионовны. И приходилось Белле одалживать. Семья была уже не маленькая, расходы - большие.

- Однажды Петя чуть не разбогател, - вспоминала Ефросинья Ионовна. - Сотрудник из финчасти Наркомата обороны приносит ему пачку денег, если не ошибаюсь, около трех тысяч рублей. Петя годами не получал за выслугу в армии, премии, и вот ему эти деньги надо получить. Петя не торопится расписаться в ведомости, деньги пересчитывает. А мы, женщины, уже свой счет ведем: к зиме купим шубу Белле, летом всей семьей поедем на курорт. И вдруг брат вырывает лист из блокнота, что-то пишет, завертывает в этот лист деньги и возвращает их почтальону. «Несите, - говорит, - в финчасть, в моем заявлении все объяснено». А нам сказал: «Не расстраивайтесь, посчитайте, сколько ребят из детдома можно будет на эти деньги обуть». Зная Петра, мы с Беллой только переглянулись и, вздохнув, распрощались с надеждами на шубу и на курорт.

2

И еще, в личном архиве Петра Ионовича сохранились убедительные свидетельства его дружбы с писателями, журналистами, художниками и композиторами. Начальник Военно-воздушных сил, а затем руководитель авиационной промышленности был кровно заинтересован, чтобы работники печати, люди искусства приобщились к такой благодарной теме, как авиация, и отразили ее в своем творчестве.

Поддержав идею выпуска первого сборника художественных очерков о людях авиации, П. И. Баранов написал предисловие для этой книги, названной «Крылья Советов». Интересны тезисы выступления Баранова на [127] встрече-беседе с большой группой писателей. Это лишь беглые карандашные наброски, но и они дают представление о той перспективе, которую развернул Петр Ионович перед слушателями.

У авиации небольшая, но богатая история. Двадцать лет назад француз Блерио перелетел через Ла-Манш и приземлился в Англии. Нас сейчас уже не удивляют перелеты через океан. Новые

дали и высоты влекут людей. Романтика подвигов вдохновляет молодежь. Буржуазная пропаганда это учитывает. За рубежом наряду с воспоминаниями Рихтгофена, Иммельмана и других появляются «Тайны воздушной войны», «Трагические полеты» - книги, в которых правда и вымысел служат прославлению силы и славы. Обретут их те, кто сядут за штурвал самолета. Цель - привлечь молодежь в военную авиацию.

История советской авиации богата примерами истинного героизма первых, преданных революции красных летчиков. Теперь авиация вышла на широкую и прямую дорогу технического прогресса. Люди - творцы этого прогресса, их судьбы дают писателям увлекательный, динамичный сюжет и острую фабулу для романа, повести, рассказа, очерка. Народ любит авиацию и с интересом встретит посвященные ей пьесы и кинофильмы, стихи и песни. Маяковский в этой теме находил вдохновение для поэмы и для лозунга. Нет нужды учить литераторов, как писать. Но помочь им изучить новый для них материал - можно и нужно.

Группа писателей, выслушав Баранова, тут же изъявила желание поехать в авиационные части, к самолетостроителям. На следующий день Баранов отправил начальникам трестов и директорам заводов письмо, в котором подчеркнул необходимость оказать писателям «самый дружеский прием, товарищескую поддержку и доверие».

Особое место в личном архиве Петра Ионовича занимает пачка корреспонденции, присланных из ВМАП - так называлась существовавшая тогда «Ассоциация пролетарских музыкантов». Некоторые руководители этой «ассоциации» с усердием, достойным лучшего применения, пытались использовать авторитет начальника ВВС для расправы с авторами новой песни «Все выше». Чем большую популярность эта песня завоевывала, тем яростнее ВМАП нападала на ее композитора. [128]

Комбриг Александр Туржанский никак не ожидал, что ему придется участвовать в конфликте, затеянном ассоциацией ВМАП. Но однажды Баранов его спросил:

- Вы в музыке разбираетесь?

- Музыку люблю.

- Это мне известно. А песню «Все выше» поете?

- Ее все поют.

- Поют… А знаете ли вы, что эта музыка напоминает западный фокстрот? Не марш, а фокстрот, подумайте только, Александр Александрович! До чего мы докатились…

Туржанский уловил шутливую нотку в голосе начальника и в тон ему сказал:

- Это ужасно! Особенно для тех, кто не знает, что под любой марш можно танцевать фокстрот.

- Под любой? Вы в этом уверены? Нуте-с, нуте-с…

И Петр Ионович тут же связался по телефону с ассоциацией ВМАП.

- Говорит Баранов. Читал ваши петиции и разбирался в ваших претензиях. Я не композитор и поэтому консультировался… Туржанского знаете? Да, весьма авторитетный знаток музыки. Что? И вы такого мнения о Туржанском? - Петр Ионович ладонью прикрыл рот, чтобы сдержать смех. - Кстати, он и в авиации неплохо разбирается. Так вот, этот общепризнанный авторитет утверждает, что фокстрот можно танцевать под любой марш. Под авиационный тоже. Что? Не знаете и знать не хотите?…

Петр Ионович отложил трубку, и, пока смотрел на нее, легкий румянец играл на его щеках. Но злость прошла, румянец исчез, и, снова прижав трубку к уху, он заговорил спокойно:

- Допускаю, нечто похожее на этот мотив вы слышали там, на Западе, в кабаре. Пусть танцуют, шут с ними… - И снова вспыхнул румянец на щеках. Извольте не перебивать! Если вы ко мне обратились и ждете моего ответа, так выслушайте его. Нельзя наложить запрет на песню, которая полюбилась народу. Ее поют на собраниях, с нею шагают в строю. И она будет звучать на наших праздниках авиации.

Прошло немного времени, и песня «Все выше» стала авиационным маршем Советских Военно-воздушных сил. [129]

Комбрига Туржанского срочно потребовали к начальнику ВВС не для того, конечно, чтобы он участвовал в споре о судьбе песни «Все выше». В те дни решалось нечто более важное для авиации и, как впоследствии выяснилось, для судьбы самого Баранова. Петр Ионович вызвал Туржанского, который командовал авиационной бригадой Научно-исследовательского института ВВС, чтобы сообщить весьма важную новость. Правительство наметило смотр авиационной техники, образцы которой будут представлены на Центральном аэродроме. Надо готовить к этому смотру не только машины, но и лучших летчиков, лучшие экипажи.

Уже было известно, что смотр проведет Сталин и другие члены Политбюро.

3

В печати об этом не появилось и строчки.

Смотр состоялся в середине июня 1931 года, день выдался ясный, и на аэродроме уже с утра ждали гостей. Правительственные машины прибыли в одиннадцать часов. Баранов отдал рапорт Председателю Совнаркома, а комбриг

Туржанский представился Сталину. Было заранее условлено, что Туржанский будет сопровождать Сталина, чтобы дать необходимые объяснения, если их от него потребуют. Туржанский доложил, что самолеты, которыми бригада располагает - отечественные и заграничные, - готовы к смотру. Экипажи построены. Сталин вытащил из кармана плаща коробку папирос, не спеша закурил и направился к строю самолетов.

Комбриг Туржанский последовал за ним.

На правом фланге стояли два истребителя И-5. Лучшие летчики бригады, Анисимов и Чкалов, ждали членов правительства у самолетов, готовые по первому приказу поднять машины, чтобы показать искусство высшего пилотажа и «воздушный бой». За И-4 и И-5 для наглядного сравнения стоял французский истребитель «Потэз», отечественные самолеты-разведчики Р-5 и другие машины. А в стороне, как бы подчеркивая свою необычайную исключительность, возвышался новый туполевский самолет, тяжелый бомбардировщик ТБ-3. Туржанский знал, что его миссия завершится, как только Сталин обойдет строй машин. Главный конструктор ТБ-3 и другие сотрудники [130] ЦАГИ были на аэродроме, чтобы представить правительству свое создание.

Кажется, по плану смотра все было заранее распределено. И все же все шло не так, как намечали. Сталин приближался к строю самолетов, дымя папиросой. Туржанский оглянулся: члены правительства, сопровождаемые Барановым, Алкснисом и другими военными, шли за Сталиным, строго соблюдая дистанцию. И когда до истребителей осталось не более десяти шагов, комбриг сказал:

- Извините, пожалуйста, Иосиф Виссарионович, но, может быть, вы здесь докурите? У самолетов нельзя…

Сталин остановился. Он, конечно, знал, что все смотрят только на него, и, ничего не сказав Туржанскому, каблуком стал вбивать в землю окурок. Туржанский понял, что поставил Сталина в неловкое положение. Поступить иначе комбриг не мог - курить у самолетов никому не позволено. Снова двинулись к самолетам, Сталин ускорил шаг и, поравнявшись с истребителями И-5, не дал Туржанскому доложить, что это за машины и кто ими управляет, а спросил на ходу:

- Радио есть на самолетах?

- На этих нет. Это истребители…

- Почему нет? - Сталин резко остановился и, не оборачиваясь, требовательно спросил Орджоникидзе: - Серго, почему нет радио? Скажи - почему?

Орджоникидзе, пытаясь понять, чем Сталин интересуется,

вопросительно посмотрел на Баранова, и Петр Ионович напомнил о первых, пока экспериментальных, попытках радиообмена с истребителями в воздухе. Однако Сталин не стал слушать и направился к другим машинам. Теперь ничем, кроме радио, он не интересовался. Раций не оказалось не только на отечественных истребителях И-4, но и на французском «Потэзе». Радио было лишь на наших Р-5. Это, однако, не изменило мрачного настроения Сталина.

В тот день все надежды возлагали на коронный номер смотра - показ нового туполевского бомбардировщика. Машина всем понравилась, и Сталин пожелал увидеть ее в полете. Было известно, что единственный пока экземпляр ТБ-3 доставил на Центральный аэродром летчик ЦАГИ Михаил Громов, внезапно, перед самым смотром, заболевший. Кроме Громова (он находился в госпитале) ТБ-3 испытывал летчик ЦАГИ Волковойнов. Однако [131] и его не было в Москве, и это тоже знали те, кто побоялся сказать Сталину о причине, по которой ТБ-3 не может сейчас взлететь.

Петр Ионович понял, что ничто и никто его не оправдает, если ТБ-3 не взлетит. Он отозвал в сторону комбрига Туржанского и, заложив руки за спину, кусая губы, тихо сказал:

- Нуте-с, что будем делать? Приехало правительство, а мы не можем показать в полете самую интересную машину? Распишемся в нашей беспомощности?

Туржанский предложил Баранову пойти на риск. Два летчика из его бригады, Козлов и Залевский, пилотировали раньше ТБ-1. И хотя тот самолет по размерам был значительно меньше и имел лишь два мотора, Туржанский был уверен, что летчики и на новом, четырехмоторном бомбардировщике, если им прикажут…

- Действуйте! - приказал Баранов.

Кое- кто из военных не советовал Баранову рисковать, некоторые пытались даже протестовать, но Баранов был непреклонен и приказ вступил в силу. Однако самые большие волнения еще были впереди. Опробовав моторы, Козлов и Залевский, уже готовы были вырулить на старт, когда Сталин вдруг заявил:

- А почему бы мне не полететь на этом бомбардировщике? Возьму и полечу…

Он шел к самолету, не слушая советов и просьб окружающих отказаться от своего намерения. Было ли это капризом или жестом, рассчитанным на внешний эффект, но все растерялись. Несколько дней назад, после гибели при авиационной катастрофе заместителя начальника штаба РККА Триандофиллова, было принято негласное постановление, коим запрещалось

ответственным работникам, без особого разрешения ЦК, пользоваться воздушным транспортом. Никто не решился напомнить Сталину об этом постановлении, а он упорствовал:

- Почему мне нельзя, товарищ начальник воздушных сил? - уже с вызовом обратился Сталин к Баранову.

Петр Ионович сдержанно ответил:

- Можно, Иосиф Виссарионович, если вы этого хотите. Но существует порядок: сначала надо проверить новую машину в воздухе, а потом брать на борт пассажиров. [132]

- Вот как? Что ж, я подожду, если это нужно для порядка.

Баранов и Туржанский поспешили к летчикам. Те получили приказ летать в окрестностях аэродрома не менее сорока минут. ТБ-3 плавно оторвался от земли, набрал высоту и замкнул над аэродромом широкий круг. В воздух поднялись два истребителя - И-4 и И-5. Редко когда над Центральным аэродромом видели такой искусный пилотаж, какой показали в тот день летчики Анисимов и Чкалов. Пикируя с высоты в две тысячи метров, они взмывали в считанных метрах от земли, на встречных курсах завязывали бой и, чуть не касаясь колесами машин, расходились в стороны.

Когда программа была завершена, туполевский бомбардировщик уже заходил на посадку. Летчики блестяще посадили машину, и Сталин с явным укором посмотрел на Баранова:

- Видите? Зачем я вас послушался? - обратился он к окружающим. - Зачем меня пугали?

Сталину напомнили, что приближается время, назначенное им для заседания.

- Пора, - согласился Сталин и пальцем поманил Баранова. - Летчикам передайте благодарность. Лучших - наградить.

Не попрощавшись с Барановым, Сталин направился к своему автомобилю.

«В конечном счете ничего плохого не произошло, - утешал себя Петр Ионович. - Скоро Туржанский построит летчиков, инженеров, техников, и я сообщу им о благодарности человека, который почему-то сам не захотел ее высказать. Строй дружно отзовется: «Служим Советскому Союзу!». Это будет самый достойный и справедливый ответ, потому что служат они Родине. И благодарность Родины ценят превыше всего».

Петр Ионович хорошо знал любого из стоявших в строю летчиков. Чкалов и его товарищи только приобщались к авиации, когда Петр Ионович здесь, на Центральном аэродроме, сколачивал первую учебную эскадрилью. Немного их тогда было - эскадрилий и отрядов, - и память Петра Ионовича хранит

фамилии каждого красного летчика, который готов был в самую трудную для авиации пору оседлать даже самую перелатанную машину [133] - только бы крылья, чтобы взлететь, только бы горючее, чтобы залить в баки мотора. Да еще носовой платочек, чтобы по его трепету определить силу и направление ветра.

Летали…

Баранов вспомнил первый смотр авиационных отрядов. Проводил смотр Фрунзе. Михаил Васильевич был очень озабочен тем, чтобы из трех основ, на которых, как он говорил, зиждется мощь вооруженных сил, - моральной, организационной и технической - Красная Армия скорее обрела ту, в которой больше всего нуждалась - техническую основу. Как бы обрадовался сейчас Фрунзе, если б узнал о новых авиационных заводах. К концу первой пятилетки они уже вступят в строй. Как мечтал он о времени, когда страна сможет щедро давать средства на создание могучего воздушного флота.

Шесть лет прошло после первого смотра красных авиационных отрядов. Армия располагает сейчас авиационными бригадами. У нее есть истребительная, разведывательная, штурмовая и бомбардировочная авиация. Четко работают штабы летных частей и соединений. Не на пустое место придет новый начальник Военно-воздушных сил. Что будет назначен новый начальник - об этом Петра Ионовича предупредили.

Через неделю после смотра Серго Орджоникидзе сообщил Баранову, что его освободили от «занимаемых должностей» и временно ему предстоит руководить авиаобъединением. А через полгода П. И. Баранов на правах заместителя наркомтяжпрома СССР Серго Орджоникидзе возглавил ГУАП - Главное Управление авиационной промышленности.

Потомки нас рассудят

1

Ранней весной 1932 года несколько тысяч грабарей двинулись к городу, в окрестностях которого развернулось строительство большого авиационного завода.

Грабари! В большой армии строителей нет сейчас такой профессии, но в годы первой пятилетки именно они, грабари, начинали первыми. Заводы, производящие автомобили, [134] бульдозеры, экскаваторы, краны, тогда только строились. «Конячий пар» был великой силой. Петру Ионовичу пришлось ходатайствовать перед Орджоникидзе о том, чтобы тысячи грабарей, завершивших земляные работы на одной из новостроек,

были направлены на строительство авиационного завода. Для этого требовался приказ наркома.

Петр Ионович приехал на строительство в середине апреля. Когда-то он служил в этом городе и после Февральской революции уехал на Румынский фронт рядовым солдатом и председателем полкового ревкома. Прямо с вокзала Петр Ионович направился в партийные и советские организации города, обсуждая реальные возможности открытия авиационного факультета и техникума. Еще не выкорчевали деревья на том месте, где поднимутся корпуса завода, а начальник Управления авиационной промышленности уже заботился о будущих инженерах, мастерах.

В годы первой пятилетки авиационная промышленность досрочно выполняла свой производственный план и, осваивая сложное производство, наращивала темпы выпуска самолетов. В этих условиях особое значение приобретала проблема кадров специалистов и рабочих. В шести высших и тринадцати средних авиационно-технических учебных заведениях советская молодежь овладевала наукой. Но этого было мало. Создавались краткосрочные курсы, - фоны (факультеты особого назначения), заводские школы передового опыта, широкое распространение получили кружки рационализаторов.

Петр Ионович знал, что в конечном счете судьбу авиации, набирающей силу для больших стартов, решат кадры. Конструктор, в тиши кабинета склонившийся над чертежом, и мастер у станка, студент, мечтающий стать инженером на авиазаводе, и грабарь, который только начинает строить, директор завода и рядовой боец из заводской охраны, которому поручено стоять на страже объекта особой важности.

Так и не побывав еще в гостинице, Баранов поехал на участок будущего строительства. Выслушал объяснения начальника и главного инженера. Фронт строительных работ только разворачивался. Пока же рабочие копали для себя землянки. Холостые селились бригадами, семейные - отдельно. [135]

Стемнело. Меся резиновыми сапогами грязь, Баранов добрался и до землянок. Пожелав сопровождавшему инженеру спокойной ночи, Баранов повернул к ряду «семейных» землянок и заглянул на «огонек». Стол, скамья, нары, печурка - все смастерил грабарь из глины и кирпича.

- Чайком побалуетесь? - спросил хозяин, уступая место гостю.

- Спасибо.

Разговорились. На стройку крестьянин прибыл с женой и сыном. В наглухо застегнутых ватничках они сидели по другую сторону стола и крошили сухари в чай.

- Однолошадные мы, - пожаловался грабарь. - Кабы на семью еще одну лошадь с повозкой!… Не только о заработке пекусь. Деньги что! А харчи и так получаем по трем рабочим карточкам.

- Можно посменно работать, - сказал Петр Ионович.

- Мы согласны. Лошадь жалко. Она у меня и в деревне от зари до темна не тягала.

- Верно, - поддержал разговор Петр Ионович, - лошадку надо жалеть.

Грабарь косо посмотрел на Петра Ионовича, но, видимо убедившись в искренней жалости «начальника из Москвы» к лошадке, еще раз предложил чаю.

- Людей тоже не мешало бы пожалеть, - глухо сказал он. - Очень себя подстегиваем. Только и слышишь одно слово - темпы! А лошадка, вишь, одна. И та худая. Так зачем поспешать?

Подумал немного Петр Ионович и в тон собеседнику ответил:

- Да, на лошадке не скоро до коммунизма доедем. На весь наш век хватит, пожалуй.

Грабарь по-своему понял Петра Ионовича.

- То-то и оно! Деревня веками нетронутой жила, а теперь, будто очумелая, сорвалась с места. Если хотите знать, так я в грабари пошел потому, что грозились меня раскулачить. А вот они, кулаки мои! - он вывернул огрубевшие ладони, и тут, поняв главу семьи с одного взгляда, жена и сын тоже показали Петру Ионовичу свои ладони.

- Где тот бухгалтер, что посчитает, сколько хлебушка взрастила бы одна моя семья? - уже кричал хозяин [136] землянки. - А сколько таких рук землю побросали? А страну кормить надо? Жрать-то всем хочется. Мы с этими колхозами да стройками торопимся, будто на пожар…

- Вот как?…

Петр Ионович оживился, заинтересованный разговором. С поразительной ясностью вспомнил спор, который пять лет назад разгорелся в эскадрилье: инженер тоже хотел, чтобы потише да вернее, - мол, все в свой срок. Медленно, будто советуясь с грабарем, а не поучая его, Петр Ионович заговорил:

- Страна у нас большая. Вместо лошадок нужны автомобили. И когда тот завод, который мы в Нижнем начали строить, будет выпускать автомобили, люди с лошадками не очень-то понадобятся. Земли у нас много, а народу прибавляется. Без тракторов большого хлеба не жди. Опять завод нужен. И без самолетов нам никак нельзя. Много нужно самолетов: и для хозяйства, и на случай войны…

- Эту политграмоту я понимаю.

- Все понимают! Все грамотные! А тянет сиднем сидеть на

своем клочке земли. И вас тянет, сознайтесь?

- Обо мне разговор особый…

- Для того мы царя свергли, для того революцию отстояли, чтобы всем народом тронуться в большой поход. И обогнать Европу, даже Америку. Был я там недавно. Хоть и нелегко нам будет, а придет срок - уступят они дорогу, если только не сбавим шаг… В армии служили? - неожиданно спросил Петр Ионович.

- Воевал.

- В армии слово «темп» редко употребляют. А команда «Шире шаг!». Знаете небось такую команду?

Грабарь согласно кивнул головой.

Помолчали.

- Главного вы не сказали, товарищ начальник, - тихо вымолвил грабарь.

- Нуте-с?

Грабарь уставился на жену, точно ее присутствие мешает ему вести суровый мужской разговор, потом махнул рукой и зло сказал:

- Спросили бы вы меня: «Кто тебя, черта окаянного, здесь держит?» Истинное слово - не деньги и не харчи. Второй год Марья меня пилит - домой ей хочется. [137]

Чтоб под своей крышей, у своей печки. И пошел я однажды с заявлением к начальнику, но от конторского двора повернул назад. И заявление порвал… На том дворе - огромная Доска почета. Увидел я там себя на фотографии, бригаду нашу, товарищей… Тяжко порой, муторно, вот и ругнешь в сердцах непорядки. Так ведь и болеешь за них!

Круто, всем корпусом грабарь повернулся к Баранову:

- Рассуди нас с женой, товарищ начальник. Можно мне сейчас жить не на людях и не для людей?

И сам себе ответил:

- Нет!

2

В Москве дел накопилось много.

Когда Петр Ионович приехал домой, была полночь. Все уже спали. Петр Ионович наскоро поужинал. До рассвета он так и не заснул. Тихо, чтобы не разбудить детей и жену, оделся и вышел на улицу.

Огромный дом, в котором жили теперь Барановы, находился близ Кремля. Стоило перейти мост через Москву-реку, свернуть направо, и начиналась Кремлевская набережная. Петр Ионович направился туда. Глубоко засунув руки в карманы плаща, он долго ходил по набережной и думал, думал…

С реки веяло прохладой. Утренний ветерок ласково освежал непокрытую голову, и смутные мысли, всю ночь тревожившие Петра Ионовича, постепенно приобретали ясность, логическую завершенность. Петр Ионович не был красноречивым оратором. Лишь по крайней необходимости выступал с докладами. Длинных речей не произносил.

«Что тебя так встревожило? - спрашивал теперь сам себя, начав беззвучный монолог и заранее зная, что перейдет потом на такой же диалог с невидимым спорщиком. - В самом деле, что меня так взволновало? Разве наши дела не идут хорошо? Даже недруги вынуждены отдать дань уважения советской авиации. Англичанин Грей, редактор журнала «Аэроплан», убежденный в неспособности русских управлять самолетами, стал вскоре пугать своих соотечественников: «Россия появляется на [138] сцену с воздушным флотом, и цивилизованному Западу надо с этим считаться». А немец Людвиг, генеральный директор рейнских машиностроительных заводов? Недавно он заявил журналистам, что ехал в Советский Союз кое-что показать, а уезжает обученным. А президент американской авиационной фирмы «Кертисс-Райт» мистер Томас Морган? Что его побудило выступить в печати с заявлением: «СССР будет скоро в первых рядах мировой авиации»?

Что ж, мистер Томас Морган, я продолжу спор, который мы начали еще в конторе «Амторга» на Пятой авеню. В вашей индустриальной Америке я многим восхищался. Но никогда не забывал, что поважнее потрясающих небоскребов, широких автомобильных магистралей, до блеска вылизанных автомобилей. Ваш переводчик хотел нас поразить, когда сказал об одном хозяине фирмы: «Он стоит полтора миллиона долларов». И не понятно было вам, почему такая аттестация нас забавляла. Мы вас другим поразим. Через год советский грабарь увидит шагающий экскаватор Уралмаша - таких экскаваторов будет много на наших стройках. Еще через год пустим конвейеры на моторостроительных заводах. Не блохою, которую подковал тульский кузнец, нет - мы удивим вас первоклассными самолетами, институтами, конструкторскими бюро. В наших светлых и чистых цехах будут трудиться тысячи мастеров-умельцев.

В Москве вы видели наш авиационный завод и вели деловые беседы со специалистами. Но при этом вы оставались в полном неведении о природе нашего строя, нашего образа жизни, характера советских людей. В Нью-Йорке вы навязывали мне свою примитивную философию. Дескать, бизнес есть бизнес, он сближает людей, а человек всегда остается человеком, и ему

присуще извечное желание обогатиться. Благие намерения, мол, в любом смертном уживаются с врожденными пороками. И все - от бога.

Я усомнился тогда в вашей искренности: неужели верите в эту галиматью? А вечером слушал ваш гимн, ваш молебен: «Америка, Америка, да хранит тебя господь!» Зачем лицемерите, уповая на бога? Чтобы удержать свое богатство и узаконить бесправие, вы строите дредноуты, авиаматки, бомбардировщики. Наш гимн провозглашает неизбежный приход нового мира. Наш гимн сулит людям [139] не рай на небесах, а счастье на земле. Пока еще наш грабарь кряхтит, орудуя лопатой, но обратите внимание, Томас Морган, - он уже не может жить не для людей… Наши дети унаследуют не только материальные богатства, но и те идеалы, что не отливаются в золото, не вмещаются в сейфы, не продаются и не покупаются. Не кривите рот, мистер Морган! Придет время, и оно вынудит вас на новые признания.

А пока должен признаться, не столь уж вы наивны в своих расчетах на несовершенство человеческой натуры. Ох, до чего цепки, до чего яростно живучи инстинкты и привычки, которые старый мир веками насаждал. Мистер Морган, директор фирмы «Кертисс-Райт», тая злорадство в споре со мной, вы могли бы сейчас похлопать по плечу директора советского завода. Вы бы даже ему посочувствовали: «За что тебя, беднягу, судить? Ты - настоящий делец! Неважно как, но твой завод дал три лишних мотора. Хвала тебе! Ты хотел прославиться и получить премию? А кому этого не хочется? Это же так естественно!»

Лжете, мистер Томас Морган! Десятками примеров могу доказать, что для нас этот случай противоестественный. Но почему он так меня встревожил?

Двенадцать лет назад на Восточном фронте, под Озинками, бородатый мужик, куриловец, грозил мне расправой. Ему сказали, что коммунисты покушаются на его село, дом, землю. И он кричал: «Мой, мое, моя!» Он готов был, не хуже Колчака, перегрызть любому горло, только бы отстоять свое добро. Что общего между тем мужиком и нынешним директором завода, из-за которого идет у нас спор? А то, что мы называем психологией собственника. Откуда она в нем - в советском директоре? Почему мы ее замечали, как по недомыслию (а это прощалось) или из ложных патриотических побуждений (а это не осуждалось) директор хвастал: «Мой завод!», «Мой коллектив». И вот он уже стал забывать, что служит не тому, кому шлет победные рапорты и от кого ждет премии. Завод рос, набирал силу, и мы терпели честолюбие директора. А оно породило ложь, обман. Извечные пороки человеческой натуры? Но мы никогда с ними не

примиримся. Изменяя мир, мы и сами изменяемся.

Вы, мистер Морган, хотите видеть Америку лишь такой, какая она есть. «Америка, Америка, да хранит тебя [140] господь!» Бога, как вы знаете, мы отвергаем. Уважаем вашу деловитость, ценим вашу практичность. Но этого нам мало. Научимся строить заводы и машины не хуже ваших. Нам и этого мало! Во сто крат важнее для нас возвысить человека - честного, бескорыстного борца за народное счастье».

Партия коммунистов тем и сильна, что отвергает слепую веру. В негласном споре с мистером Томасом Морганом Петру Ионовичу все ясно. Такой же ясности хотел он сейчас в споре с самим собой.

Два с половиной года назад, когда с необычайной торжественностью отмечали пятидесятилетие Сталина, самый близкий друг Петра Ионовича спросил его: «Позволил бы Ленин, чтобы его так возвысили?» Речь шла о статье, где все победы Красной Армии на фронтах гражданской войны приписывали Сталину, поскольку самыми решающими, по утверждению автора статьи, оказывались как раз те участки фронтов, на которых Сталин побывал. Историю минувшей войны Петр Ионович и его друг знали не по статьям, не по учебникам - они ее сами творили как солдаты партии, как командармы и комиссары. Они считали себя учениками и соратниками полководца Фрунзе, и Петр Ионович в свою очередь задал другу вопрос: «Что сказал бы Михаил Васильевич по поводу статьи «Сталин и Красная Армия»?

Уже тогда искали они ответа на естественно возникающий вопрос, и ответ как будто сам напрашивался. Партия верит в неисчерпаемые силы народа, а народ верит своей партии. Сталин подвергался яростным нападкам троцкистов, на возглавляемый им Центральный Комитет партии до сих пор ведут атаки Зиновьев, Бухарин, Партия не может допустить, чтобы авторитет ее руководителя был ими поколеблен, этот авторитет надо оберегать. Все это, бесспорно, справедливо. Но разве можно в угоду вождю приспосабливать историю к его, вождя, биографии?

Тревогу заглушить можно, если по горло занят работой. Да и не имел Петр Ионович склонности к теоретизированию. Он всегда жаждал дела, прекрасно себя чувствовал среди людей, любящих авиацию и самозабвенно преданных ей. Центральный Комитет партии, возглавляемый Сталиным, относился к авиаторам с ревностным вниманием. Петр Ионович не забыл, как на одном совещании [141] Сталин сказал: «Для авиации ничего не пожалеем». Так оно и было. Слов на ветер Сталин не бросал.

«Нет, - твердо решил Петр Ионович, - не надо терзать себя сомнениями. Потомки нас рассудят. Они все учтут, ошибки и

промахи, а судить о нас будут все же по нашим делам. Они не забудут и суровое время, в котором мы жили. А сейчас - Серго прав - надо работать».

Не пошел Петр Ионович в комендатуру Кремля. И писать никому не стал. В то утро он успел до начала занятий в наркомате соснуть часок-другой, и этого было достаточно, чтобы явиться в Главное управление, как всегда, бодрым, уверенным, спокойным.

- Доброе утро, Клавдия Александровна, - приветливо поздоровался он с секретарем Озеровой. - Нуте-с, какие ждут нас дела?

* * *

Баранову исполнилось сорок лет.

День рождения совпал с празднованием пятнадцатилетия Октября, и на торжественном собрании работников авиационной промышленности в Большом театре, куда были приглашены представители ВВС, Осоавиахима и научных учреждений, юбиляру вручили адрес: «Мы хотим перед лицом всей советской общественности засвидетельствовать твои заслуги». И, перечислив их, пожелали юбиляру «на долгие годы обеспечить крепкое большевистское руководство дорогим для всех нас делом».

Самой наглядной и убедительной иллюстрацией этого дела был первомайский воздушный парад 1932 года. В тот день над Красной площадью прошли в четком строю сотни самолетов, и все - новейшего советского производства. Москвичи увидели уже не один, а девятку самых больших в мире сухопутных самолетов ТБ-3, за ними следовали девяносто ТБ-1 и еще большее количество истребителей. А назавтра Баранов встретился с участниками воздушного парада на приеме в Кремле.

- Погодите, еще не такие машины будут! - говорил летчикам Баранов. - Любовался с трибуны вашим полетом. Молодцы! Но, когда вы пролетали над Красной площадью, больше всего меня взволновала радость людей. Вы не слышали, какой гул стоял над площадью, - он заглушил рокот ваших моторов. Вы не видели, как навстречу вам взметнулись сотни шапок… Любит народ свою авиацию, и нет для нас ничего дороже этой любви. [142]

3

Была в дореволюционной Москве мастерская Меллера. В 1909 году ее расширили и переоборудовали для сборки самолетов

«Блерио» и заодно - велосипедов «Дукс». Московские старожилы помнят, как на месте «Дукса» появился завод «Авиахим». Эта «техническая эволюция» заняла пятнадцать лет.

В первой советской пятилетке армия грабарей начинала только строить авиационные заводы, а когда пятилетка завершилась, Баранов уже мог собрать Всесоюзную конференцию директоров этих заводов. Кажется, совсем недавно, три-четыре года назад, поздравлял Петр Ионович выпускников военно-воздушной академии, ставших теперь директорами. Сколько поднялось замечательных командиров производства, инженеров! Сколько знакомых в зале лиц: Марьямов, Побережский, Чаромский - всех не перечесть! Уже сейчас вершат большие дела, а какие перспективы открываются перед ними в новой пятилетке! Не знал, не мог знать Петр Ионович, что через несколько лет поредеет славная когорта, что репрессии обрушатся на достойных людей и среди чудовищных обвинений, которые предъявят честным, преданным специалистам, будет фигурировать и его, Баранова, имя: ведь это он их пестовал, им доверял командные посты…

Был 1932 год, и о другом думал Баранов, обозревая с трибуны конференции пройденный путь и намечая новые рубежи. Меллер и его «Дукс» давно канули в Лету. Переплавлен в мартенах металлический лом от старых самолетов. По всем данным, новый туполевский самолет превзошел разрекламированный юнкерсовский Г-34. Новый авиационный мотор Микулина освоен, и вот-вот пойдет в серийное производство. Баранов привел в своем докладе только эти два факта, но оценил их, как победы, выигранные в нелегком сражении. Вот почему авиационная промышленность будет и впредь держать курс на всемерное развитие научных и конструкторских организаций - ЦАГИ, ЦИАМ, заводов опытного строительства. Там решается исход борьбы за полную экономическую независимость от заграницы.

Пятилетка еще не завершена, но уже утроился выпуск самолетов и в шесть раз увеличился выпуск моторов. Растет сеть специальных учебных заведений, и созданы [143] авиационные факультеты во многих институтах. Но сколько еще недостатков в работе главка, трестов, заводов.

Когда Баранов пришел в воздушный флот, то, встречаясь с летчиками и механиками, не уставал напоминать им, какую исключительно дорогостоящую технику доверил им народ. Называл цену одного лишь прибора, приобретенного за валюту, чтобы подчеркнуть - он стоит столько же, сколько дом и весь инвентарь крестьянина, сколько зарабатывает рабочий за полгода

на заводе. И сейчас, на совещании директоров, он остро критиковал нерадивых руководителей, злоупотребляющих щедрой заботой государства. Он называл их по именам - необычайно энергичных, когда надо получать, и малосостоятельных, когда надо дать. Строго предупредил любителей штурмовщины, парадной шумихи и особенно - бракоделов.

И еще Баранов говорил о культуре производства. Судьбы авиации уже тесно переплелись с судьбами самых передовых отраслей промышленности - с металлургией, машиностроением, электротехникой. Своим бурным прогрессом авиация влияла на эти отрасли промышленности, требуя их радикального технического перевооружения. Настало время, когда только высокообразованный командир производства может работать в самолетостроении.

В заключительном слове, точно предчувствуя, что это его последняя речь на таком представительном совещании, Петр Ионович сказал:

- Не знаю, когда мы в следующий раз встретимся… Да и время сейчас не для речей. Мы вышли на широкие просторы строительства. Работы - непочатый край, и крыльям нашим - большой полет.

Он чуть помолчал, раздумывая о тревожной в мире обстановке. В Германии пришла к власти фашистская партия, партия войны. Но разве директора не понимают, что это значит и к чему это их, строителей авиации, обязывает? Сам сказал: «Сейчас не время для речей». Только повторил последние слова:

- Крыльям нашим - большой полет!

Конференция состоялась в феврале, а через шесть месяцев в СССР впервые праздновали День воздушного флота. [144]

Восемнадцатое августа 1933 года Михаил Кольцов, друг Баранова, энтузиаст авиационного строительства, напомнил читателям «Правды» о первом советском майском параде на Ходынке. Туда, на смотр революционных вооруженных сил, приехал Ленин. Владимир Ильич обошел строй войск, обрамлявших зеленую лужайку, и приблизился к самолетам. Стоял тогда на старте старенький «ньюпор». К нему подрулил еще более изношенный самолет. И все же на них летали.

В мае 1918 года Владимиру Ильичу очень хотелось посмотреть с высоты на весеннюю праздничную Москву. Как не порадовать Ильича таким зрелищем? Но разрешение на полет Ленину не дали - слишком велик был риск.

Вспомнив об этом, Михаил Кольцов писал пятнадцать лет спустя: «Чтобы праздновать День авиации, надо иметь авиацию».

В 1933 году Страна Советов ее имела.
Все выше и выше!

1

Есть у человека право на законную гордость, когда в первый День воздушного флота СССР его отмечают самой высокой наградой - орденом Ленина «за особо выдающиеся заслуги и умелое руководство авиацией и всей авиационной промышленностью». Так было сказано в постановлении правительства о награждении Баранова. Этим же постановлением отмечены были заслуги многих летчиков и конструкторов, рабочих и ученых.

Человек безмерно благодарен судьбе, если довелось ему увидеть плоды своего труда. И ничто так не радует человека, как зримый след его добрых деяний на земле. В первый День воздушного флота СССР все это щедро выпало на долю Петра Ионовича Баранова.

Парад открыли самолеты-истребители, управляемые слушателями военно-воздушной академии. Строй самолетов образовал в небе четыре буквы: СССР.

В сопровождении двух АНТ-9 проплыл над аэродромом могучий АНТ-14, равного которому не знала еще Европа и Америка. А потом небо ярко расцветилось купонами [145] парашютов. В массовых прыжках участвовали спортсмены Осоавиахима.

Еще юнцом увидел Баранов над Коломяжским ипподромом заграничную диковинку - летающую этажерку «фарман». А теперь, в этот час, над многими аэродромами Страны Советов летчики показывают народу свое искусство высшего пилотажа. Как же не быть признательным судьба, если десять лет назад, на первом организационном собрании друзей воздушного флота, услышал Баранов напутствие Фрунзе, - «В добрый час!» - а теперь на его глазах окрылилась юность страны - комсомолия, шефствующая над Военно-воздушными силами!

…Парни и девушки гасят парашюты. Уже много в стране аэроклубов. После авиационного праздника Петр Ионович поедет в Крым открывать юбилейный слет планеристов, встретит там своих молодых друзей. Их имена пока мало кому известны, но дайте только срок… Петр Ионович знает каждого из энтузиастов безмоторной авиации. Старший среди них, Сергей Ильюшин, сказал как-то о самодельных «стрекозах» и «буревестниках», «гаманюках» и «икарах», что надо покачаться в их люльках,

прежде чем начать ходить самостоятельно. И вот уже не только он, но и его младшие товарищи - Яковлев и Антонов - вышли на большую дорогу самостоятельного конструкторского творчества.

Слетаются сейчас к горе Узун-Сырт парители. Будут штурмовать небо обладатели первых рекордов - Степанчонок и Головин, Юмашев и Анохин… Дайте срок - мир еще услышит их имена, когда они сядут за штурвалы первоклассных самолетов.

Есть кому принять воздушную эстафету.

Есть!

2

Дети Барановых - Юрик и Ирина - находились в Крыму с сестрой Петра Ионовича Ефросиньей.

После рождения третьего ребенка, Оленьки, Беллу стали еще больше донимать недуги, и скрепя сердце она вынуждена была надолго расстаться с работой, взять в Дом няню. Большие любители театра, супруги Барановы теперь там редко бывали. Из Наркомата Петр Ионович [146] возвращался поздно. На этот раз он сказал, что в Коктебеле его ждут планеристы, только предупредил жену, что прибудут они в Крым разными путями: он - на самолете, она - поездом.

- Может быть, вместе полетим? - спросила Белла.

- Нет, мы полетим не прямо в Крым, а в Запорожье. Там у моих попутчиков есть дела. Да и спокойнее тебе поездом.

- Когда ты полетишь?

- Завтра.

Белла привыкла к неожиданным командировкам мужа. Надо собрать его в дорогу. Но она не торопилась.

- Петя, ты ведь знаешь, как я соскучилась по детишкам. Самолетом скорее…

- Нет! Не проси! - резко оборвал он.

Эта резкость была так несвойственна Петру в отношениях с женой, что он почувствовал неловкость и сразу переменил тему разговора.

- Знаешь, кого я встретил? Соню Давыдовскую. Такая же шустрая. В академию воздушного флота решила поступить. Отлично сдала экзамены, но ее почему-то до сих пор не оформляют…

- Слабый пол? - безразлично спросила Белла.

- Она считает, что по другой причине. Ты ведь знаешь: Соня происходит из дворянской семьи.

- Нашли дворянку… - Белла усмехнулась. - Я знаю бойца Туркестанского фронта коммунистку Соню Давыдовскую. Она просила тебя заступиться?

- Нет, хотя я предложил свою помощь. Смущает меня эта подозрительность, которую пытаются выдать за бдительность. Как раньше принимали на работу нового человека? Достаточно одной-двух надежных рекомендаций. А теперь заполняй огромную анкету, жди, пока проверят твою родословную.

После долгой паузы Белла сказала:

- По-разному жизнь у людей складывается…

- Ты о ком? - не понял ее Петр.

…Не слушательницу академии представила сейчас Белла, а ту Сонечку, что четырнадцать лет назад, совсем еще девчонкой, прибыла с группой коммунистов на Восточный фронт. Петр был тогда начальником политотдела [147] Южной группы войск. Соня рвалась на фронт, но Петр, щадя не в меру порывистую москвичку, нашел для нее работу в штабе.

Белла близко сошлась с Соней уже в Туркестане. Соня появлялась во дворе дома, который занимали Барановы, верхом на лошади. Ладные сапожки, под кожанкой белая мужская косоворотка. Пряди коротко остриженных волос выбиваются из-под лихо заломленной фуражки. Петр, завидев Соню, говорил: «Прискакал комиссар по женским делам». А та врывалась в квартиру, и гнев клокотал в ее горле.

- Позор! - кричала она. - У коммуниста жена носит паранджу. Позор! Гнать такого коммуниста из партии!

Она называла фамилию местного работника, еще не порвавшего с байскими обычаями, требовала, чтобы член реввоенсовета Первой армии Баранов лично вмешался и наказал феодала с партийным билетом.

А у Петра - неотложные дела, он умоляюще смотрит на жену, и та уводит Соню в другую комнату, где они подолгу беседуют и обсуждают, какие меры надо принять. Положение в Туркестане сложное, с местными обычаями приходится пока считаться, а главное - не действовать сгоряча. Белла не раз слышала, как сдерживал Петр иных вояк. «Мы здесь, - говорил он, - не только командиры, но и политики, а в политике рубить сплеча нельзя». Исчезала Соня внезапно, как и появлялась, задорная, неуемная, одержимая одной страстью - служить революции, партии.

Почему вдруг вспомнили: дворянка? Легко ли ей было порвать с родителями, с семьей?…

- Нет, таких не согнешь!

Белла сказала это вслух и опять надолго задумалась. Не согнулась ли она сама под тяжестью домашних забот? Не растратила ли попусту энергию, которой, казалось, до самой смерти не исчерпать? По-разному сложились судьбы ее и Сони. Но разве она, Белла, не счастлива? Разве не признателен ей Петр

за все, что между ними было и есть? Жена комиссара, она была не только матерью его детей - его другом, его помощником, И если он вырос настолько, что уже давно в ее помощи не нуждается, - гордиться надо! Радоваться надо, а не печалиться. Не ей роптать на свою судьбу, не ей… [148]

Белла резко встала и подошла к мужу. Петр увидел тот влажный блеск в ее больших, красивых глазах, который всегда его так волновал. Но Белла не дала ему и слова произнести, приложив палец к губам. Она повела Петра к письменному столу, открыла правый нижний ящик, где хранился его личный архив, и вынула тетрадь - толстую тетрадь в черном коленкоровом переплете с круглой сургучной тюремной печатью. В тетради лежала тоненькая дарственная книжечка стихов - «Звездные песни» Николая Морозова.

Белла раскрыла ее на загнутой в уголке страничке и тихо прочла:

Мы тоске немой и ненавистной

Овладеть сознаньем не дадим.

Будем жить любовью бескорыстной…

И Петр перебил ее, закончив строфу наизусть:

Счастлив тот, кто счастье дал другим.

Она улыбнулась и не стала его поправлять.

- Я знаю, нелегко тебе последнее время, - Петр обнял жену. - Зато целый месяц проведем в Крыму. Вместе! Неразлучно…

- Нет, с этого часа! - и она умоляюще посмотрела на мужа. - А завтра полетим вместе. Я не прошу, я уверена.

Петр понял, что не в силах сейчас отказать жене.

- Тебе очень хочется лететь?

- Да.

Он распахнул окно, выглянул наружу.

- Погода испортилась. Но ехать завтра на аэродром надо.

- Не полетим - вернемся домой. Я ведь никогда не была навязчивой, - почти извиняясь, добавила она.

- Знаю. Потому и удивляет твое упрямство.

- Нет, это не упрямство!

Он понял, что спорить бесполезно.

Утро вечера мудренее.

На всякий случай Белла собрала в дорогу два чемоданчика - для мужа и для себя. [149]

* * *

Утро пятого сентября выдалось мглистым.

На аэродроме пассажиры и провожающие долго ждали очередной метеосводки и разрешения на вылет.

Петр Ионович советовался с летчиком Дорфманом.

Наконец самолет вырулил на старт, принял пассажиров и поднялся в воздух.

Через несколько минут за Подольском, близ станции Лопасня, полет оборвался катастрофой. Она была настолько страшной, что ее жертв уже никто в Москве не увидел.

…В Колонном зале Дома союзов семь гробов были закрыты и обтянуты красной материей.

3

Как это могло случиться?

Специальная правительственная комиссия по расследованию причин катастрофы самолета АНТ-7 (ее председателем был М. Н. Тухачевский) исчерпывающе ответила на этот вопрос. Полностью «Заключение правительственной комиссии» было опубликовано в журнале «Техника воздушного флота» № 8 за 1933 год. Машина была исправной. А погода неблагоприятной: сплошная низкая облачность и лишь местами разрывы. К слепому полету экипаж не был достаточно подготовлен, хотя знал, что именно такой полет его ожидает.

Последний пункт заключения комиссии гласил:

«5. Причиной катастрофы явились крайне трудные метеорологические условия, при которых вылет самолета, не подготовленного к слепому полету, был недопустим».

Недопустим! Почему же его выпустили?

В заключении комиссии нет ответа на этот вопрос. Нет, вероятно, потому, что только погибшие могли бы исчерпывающе ответить. Да и стоит ли за давностью лет к этому вопросу возвращаться?

Стоит! Давно утихла боль многих тяжелых утрат, но люди, как известно, учатся и на ошибках. И люди, хорошо знавшие экипаж и каждого пассажира самолета, искали ответа.

Петр Ионович, верный своему правилу абсолютно доверять летчику, советовался с Дорфманом. Тот хорошо [150] знал всех пассажиров, прибывших на аэродром. Помимо Петра Ионовича и его жены там были: начальник Главного управления гражданского воздушного флота Гольцман, его заместитель Петров (Сергеев), член президиума Госплана Зарзар, директор авиационного завода Горбунов. Седьмым на борту был механик Плотников.

Перед вылетом вручили метеосводку. За Курском - ясно. Разве это уж так далеко? Летчик согласился лететь, если

последует разрешение. И такое разрешение было получено, хотя в тот день ни один самолет с аэродрома не поднимался…

Истинное мужество проявил бы летчик, если бы отказался от полета. Он не мог не знать, что машина, помимо всего прочего, еще и перегружена сверх допустимой технической нормы. И все-таки он пошел на риск.

И расплата не замедлила прийти.

4

Назавтра все газеты вышли с траурными рамками.

«Центральный Комитет ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров Союза ССР с глубоким прискорбием извещают о безвременной смерти в результате авиационной катастрофы: тов. Баранова П. И., кандидата в члены ЦК ВКП(б), заместителя Народного комиссара тяжелой промышленности, начальника Главного управления авиационной промышленности, крупнейшего организатора военного воздушного флота и авиационной промышленности Союза ССР, старого большевика, активнейшего участника гражданской войны…»

Велика была утрата, и особенно остро ее почувствовали те, кто рядом с Барановым жил, воевал, трудился. Серго Орджоникидзе писал в те дни: «Авария вырвала из наших рядов выдающегося большевика-хозяйственника, испытанного в подполье, закаленного в боях за пролетарскую диктатуру». Тухачевский, Каменев, Егоров, Якир и другие боевые друзья Баранова так отозвались о своем соратнике: «Только великая партия большевиков могла выпестовать таких людей». Яков Алкснис, сменивший Баранова на посту начальника Военно-воздушных сил, и другие командиры ВВС клялись быть верными делу, которому отдал жизнь их учитель, старший товарищ, друг. [151]

9 сентября 1933 года урна с прахом П. И. Баранова была захоронена в Кремлевской стене на Красной площади. Плита, наглухо закрывшая урну, находится за Мавзолеем Ленина, недалеко от могилы Михаила Васильевича Фрунзе.

Михаил Фрунзе и Петр Баранов. Их видели рядом на фронтах гражданской войны, вместе строили они Красную Армию, и жизнь каждого оборвалась в расцвете сил. Фрунзе шел сорок второй год. Одного дня не дожил Баранов до сорока одного года. Древние камни Кремлевской стены хранят прах тех, кто пал

от трудов,
от каторг
и от пуль
и никто

почти -
от долгих лет.
Не числом лет определяется ценность прожитой жизни.

5

Тридцать с лишним лет миновало с тех пор. Выросли и окрепли крылья Страны Советов. История отечественной авиации за эти три минувших десятилетия - тема большой и совершенно другой книги. Но представим себе, что такая книга написана. Откроем некоторые ее страницы…

Первая глава этой книги посвящена знаменитой челюскинской эпопее. Именно тогда было учреждено высокое звание Героя Советского Союза. На Красной площади чествовали семерых из крылатой когорты покорите лей Арктики. Все они еще при Баранове получили путевку в авиацию. Младшим в этой семерке был Николай Каманин.

А первый в мире космонавт в тот год только родился…

…Будет в этой книге и глава, посвященная героическим перелетам АНТ-25 из Москвы в Америку. Давно ли АНТ-9, управляемый Семеном Шестаковым, штурмовал воздушную стихию, пока не пробился к берегам Соединенных Штатов? И вот уже экипажи Чкалова, потом Громова осуществили беспосадочный перелет в Америку через Северный полюс. А за год до этого АНТ-25 совершил [152] свой знаменитый беспосадочный перелет из Москвы в Петропавловск.

Мы теперь знаем, какую роль в становлении ЦАГИ играл Баранов. Знаем о его дружбе с Туполевым, с Громовым. И еще одно важное обстоятельство: перелеты Чкалова и Громова явились серьезным испытанием нового советского авиационного мотора. Когда чествовали героев, создатель этого мотора Александр Микулин писал: «Дорогу моему мотору открыл покойный Баранов».

Заглянем в завершающие главы будущей книги. Пере листаем страницы нетленной славы советской авиации в годы Великой Отечественной войны. Эстафету этой славы приняли наши современники - покорители космоса, создатели самых мощных в мире ракет. О таких ракетах мечтал Циолковский, а активисты Осоавиахима, энтузиасты «Гирда» пытались еще в тридцатых годах такую ракету построить. Тогда это казалось многим настолько пустой затеей, что «Гирд» в шутку прозвали «группой инженеров, работающих даром». А «гирдовцы» строили, экспериментировали, дерзали. И Баранов им помогал. Баранов им верил.

Где и когда зародилась эта вера?

Вспомним зарю…

Владимир Ильич Ленин ехал по безлюдным улицам ночной заснеженной Москвы. Автомобиль, миновав Лубянскую площадь, поравнялся с Политехническим музеем, и Ленин попросил шофера остановить машину. Огромная афиша с необычным извещением поразила Ленина. Какой-то инженер-изобретатель, Фридрих Цандер, обещал слушателям рассказать о будущих межпланетных путешествиях. Владимир Ильич вышел из машины, долго стоял перед этой афишей…

Ленин знал, что на рассвете по Лубянской, Мясницкой и другим улицам Москвы выстроятся очереди голодных за осьмушкой черного хлеба. На заседаниях Совнаркома в те дни говорили о дровах, топорах, гвоздях. Ильич вспомнил, что два месяца назад он подписал протокол распорядительного заседания Малого Совнаркома о назначении калужскому учителю Константину Эдуардовичу Циолковскому «пожизненной усиленной пенсии», поощряя работу изобретателя и ученого в той области, которую многие считали бесплодной фантастикой. И вот уже в полуголодной Москве читают лекции о межпланетных [153] путешествиях, читают для тех, кто с завернутой в газету осьмушкой хлеба пойдет с утра в холодные цехи мастерских и заводов.

Назавтра они встретились - Ленин и Цандер. С исключительным вниманием Ленин слушал и расспрашивал инженера-изобретателя о его учителе Циолковском. Инженер чистосердечно признался Владимиру Ильичу, что многие не верят в успех их начинаний, считают это чудачеством. И Ленин сказал Цандеру:

- Не расстраивайтесь. А я вот верю. Верю!

Так ли уж давно это было?…

Уже стали для нас обычными полеты космонавтов. Мир знает их фамилии и их позывные в космосе. Только позывной космодрома, позывной одной планеты не менялся. Для всех наших космонавтов позывной Земли звучал одинаково:

- Я - «Заря»! Я - «Заря»!

«Заре» откликались «Сокол», «Ястреб», «Чайка»… Космические корабли «Восток» и «Восход» стартовали по команде «Зари» и к «Заре» возвращались. Главный конструктор космических двигателей сказал однажды: «Человек, любующийся солнцем в зените, никогда не должен забывать зарю».

Уже перевалило через зенит солнце двадцатого века, и трудно предвидеть, какими новыми победами обогатится авиация и космонавтика до начала третьего тысячелетия. Даже самые яркие, блистательные, они не затмят подвиг тех, кто на заре

двадцатого века расчищал рабочую площадку для взлета своим потомкам. Расчищал оружием солдата Октября. Пламенным словом коммуниста-фронтовика. Дерзостью конструктора. Смелостью летчика. Проницательностью ученого. И неистовым упорством грабаря, рывшего лопатой фундамент для завода первой пятилетки.

* * *

…Их будет много.

Как и первые космонавты, придут они перед новыми стартами на Красную площадь, к Мавзолею Ильича. Пройдут от Спасской до Никольской башни. И каждый остановится на секунду у плит с дорогими именами, с датами рождения, смерти…

Баранов Петр Ионович

1892-1933 [154]

Нет, не числом лет определяется ценность прожитой человеком жизни.

6

Был теплый августовский день, когда к даче в Барвихе, которую занимали Барановы, подошел старик и робко постучал в калитку. Сестра Петра Ионовича - Ефросинья открыла калитку и увидела незнакомого ей человека. Старик снял с головы широкополую соломенную шляпу, поклонился Ефросинье Ионовне и попросил разрешения войти.

На дворе две девочки катали деревянные шары, а мальчик-подросток втыкал в землю крокетные дужки. На веревке сушилось детское белье. Старик остановился посреди двора. В дом заходить не стал. Жестом пригласил Ефросинью Ионовну сесть на скамейку, сам сел и, поглаживая густую бороду, долго смотрел на играющих детей. Ефросинья Ионовна молчала, терпеливо выжидала, когда незнакомец заговорит.

- Был у Пешковых, - сказал старик и уточнил: - У Максима Горького гостил. Там и узнал, что живете вы рядом, и не смог уехать, не повидав ребятишек, вас… Фамилия моя Морозов Николай Александрович. В почетных академиках состою. Не слыхали?

- Как же! - обрадовалась Ефросинья Ионовна. - От Пети и Беллы сколько раз слыхала… Спасибо вам!

- За что благодарить? Это я так и не отблагодарил Петра

Ионовича за все, что он сделал для авиации, для науки. Надеялся на скорую встречу. Книгу свою хотел ему подарить. Ну, что сейчас об этом?…

Посидел он недолго. Заботливо расспрашивал Ефросинью Ионовну, не нуждается ли она в помощи, о здоровье детишек и кто их будет опекать. Обрадовался, что дети остались на ее попечении, а их опекунами готовы стать многие друзья - Якиры, Акуловы, Туполевы…

- И меня, пожалуйста, не забывайте. Сочту за честь остаться другом семьи Петра Ионовича.

Вытащив из жилетного кармана часы, Морозов заторопился:

- Уезжаю ночью ленинградским поездом, а надо еще на Красной площади побывать…

Тихо добавил:

- Праху его надо поклониться. [155]

* * *

На Красную площадь Морозов приехал в сумерках. Он приблизился к Мавзолею и повернулся лицом к Кремлевской стене.

Перед ним гранитная плита с именем Петра Ионовича Баранова.

Здесь, у этой стены, было над чем поразмыслить старому народовольцу, ученому и борцу, человеку с необычайно большой и необыкновенно интересной биографией. Сколько очищающих бурь пронеслось на его веку! На рубеже двух столетий, когда он томился в «царевом каземате», молодой Ленин создавал революционные кружки. И вот уже десять лет покоится в Мавзолее создатель первой в мире страны социализма. И сколько соратников Ильича уже уснули рядом вечным сном. А жизнь нетленна, и над планетой по-прежнему маняще светят далекие звезды…

Звезды! Морозов вспомнил последнюю встречу с Барановым и его рассказ о том, как на подпольной сходке Белла читала «Звездные песни». Чтение оборвали жандармы.

Одну строфу из этих песен Баранов запомнил на всю жизнь. Только последнюю строку переделал на свой лад:

Счастлив тот, кто счастье дал другим.

1962- 1964 гг.

Примечания

{1}См. «Вестник воздушного флота», 1924, № 1.

{2}Киевская газета «Коммунист», 1935, № 251.

{3}«Вестник воздушного флота», 1925, № 10-11.

{4}«Красная звезда», 1925, № 251.

{5}Стихи Я. Хелемского.

{6}ЦАГИ - Центральный аэрогидродинамический институт.

{7}В. Маяковский. «Во весь голос». Поэма.

{8}«Вестник воздушного флота», 1924, № 6-7.

{9}«Вестник воздушного флота», 1924, № 2. Статья «Наши задачи».

This file was created

with BookDesigner program

bookdesigner@the-ebook.org

21.09.2015